ISSN 0321-3056
DOI 10.23683/0321-3056

ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Северо-Кавказский регион

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

2018 3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

В.И. Колесников (главный редактор),
В.Е. Закруткин, В.С. Золотарёв, А.В. Павленко (заместители главного редактора),
Е.А. Шинкаренко (отв. секретарь)

Редакционная коллегия:

В.С. Золотарёв – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узнародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимурадов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Ю. Апрыщенко – доктор исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.М. Белоусов – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
М.А. Боровская – доктор экономических наук, профессор, Министерство науки и высшего образования РФ, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.Ф. Карпова – доктор педагогических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магометов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Министерство образования и науки Российской Федерации, Дагестанский государственный технический университет, Дагестанский государственный университет, Донской государственный технический университет, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кубанский государственный технологический университет, Кубанский государственный университет, Пятигорский государственный университет, Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Северо-Кавказский федеральный университет, Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова, Южно-Российский институт управления РАНХ и ГС при Президенте РФ, Южный федеральный университет

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, В.И. Литвиненко, М.С. Шипитко.

Подписано в печать 24.09.2018. Выход в свет 26.09.2018.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,27. Уч.-изд. л. 16,48.
Тираж 250 экз. Заказ № 6607

Адрес редакции и издателя (для переписки):
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии серии «Общественные науки»:
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

© Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион, 2018

Journal was founded in 1972 by Y.A. Zhdanov

Central Edition:

V.I. Kolesnikov (Chief Editor),
V.E. Zakrutkin, V.S. Zolotarev, A.V. Pavlenko (Deputy Chief Editor),
E.A. Shinkarenko (Executive Secretary)

Editorial Committee:

V.S. Zolotarev - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Albekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.Yu. Apryschenko - Doctor of History, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.M. Belousov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
M.A. Borovskaya - Doctor of Economics, Professor, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
G.F. Karpova - Doctor of Pedagogy, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
O.M. Shtompel - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders

Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Dagestan State Technical University, Dagestan State University, Don State Technical University, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Kuban State University, Kuban State Technological University, Pyatigorsk State University, Rostov State Transport University, Rostov State University of Economics, Khetagurov North Ossetian State University, North Caucasus Federal University, Platov South Russian State Technical University, South Russian Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration of the President of the Russian Federation, Southern Federal University

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, V.I. Litvinenko, M.S. Shipitko

Signed print 24.09.2018. The publication 26.09.2018.
Format 60×84 1/8. Offset paper.
Conv. print. sheets 16.27. Publ. sign. 16.48.
Edition 250 copies. Order number 6607

Address editorial board and the publisher (for correspondence):
344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.
E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address editorial board of the series "Social Sciences":
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, room 110,
phone: (863) 218-40-00 ext. 11-093; (863) 218-40-00 ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,
Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,
344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, build. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

© Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region, 2018

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

IZVESTIYA VYSSHIKH UCHEBNYKH ZAVEDENII. SEVERO-KAVKAZSKII REGION

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3

Регистрационный номер 011018
Комитета Российской Федерации
по печати
Научно-образовательный
и прикладной журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (199) 2018 г.

Reg. No. 011018
Of the Russian Federation Committee
for the Press
Educational-research journal
of applied sciences
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (199) 2018

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCES

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Акаев В.Х. Тюркское этнокультурное влияние на народы Северного Кавказа……... 4
Бычкова Ю.А. Яков Бёме в работах С. Булгакова и Р. Отто …….. 9
Гришанова Е.В. Самобытность смеховой культуры в контексте цивилизационного пространства русского мира (на примере фольклора Донбасса)… 14
Хвостикова В.О. Урбанистический утопизм Л. Сабсовича: на пути к «идеальному городу»…. 19

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Akaev V.Kh. Turkic Ethnocultural Influence on the Peoples of the North Caucasus……..…….. 4
Bychkova Yu.A. Jackob Boehme in Bulgakov's and Otto's Works..... 9
Grishanova E.V. Originality of the Laughter Culture in Context the Civilization Space of the Russian World (on the Example of the Donbass Folklore)…. 14
Khvostikova V.O. The Urban Utopianism of L. Sabsovich: on the Way to the "Ideal City"…..... 19

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Агафонов А.И. Полковое духовенство Войска Донского в XIX – начале XX века (постановка проблемы)……..…. 25
Виденкина К.А. Участие князя М.М. Щербатова в масонских ложах ……..…… 34
Гадицкая М.А. «Котел ударника»: об иерархии потребления в колхозной деревне (на материалах юга России 1930-х годов)……..…. 39
Заварухина О.А. Русско-венецианские связи и борьба с Османской империей в конце XVII века……..…. 48
Казанцев А.С. Специфика проблемы адаптации научно-технических специалистов к условиям жизни, сложившимся в Советском Союзе в 1920 – начале 1930-х годов …… 53
Малина М.А. История российского суда с участием присяжных заседателей..……..…… 60

HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

Agafonov A.I. Regimental Clergy of the Don Army in the 19th - Early 20th Century (Formulation of the Problem)……..…….. 25
Videnkina K.A. Participation of Prince M.M. Shcherbatov in Masonic Lodges ……. 34
Gaditskaya M.A. "Boiler of the Foremost Man": the Hierarchy of Consumption in the Collective Farm Village (Based on Materials from the South of Russia in the 1930s)…… 39
Zavaruhina O.A. Russian-Venetian Relations and the Struggle Against the Ottoman Empire in the Late 17th Century.……..…… 48
Kazantsev A.S. The Specificity of the Adaptation Problems of Scientific and Technical Specialists to the Conditions of Life Prevailing in the Soviet Union in 1920s - Early 1930s …… 53
Malina M.A. History of Russian Jury Trial..... 60

Мануковский Н.Г. Особенности трудовой этики донских шахтеров в пореформенный период (вторая половина XIX века)…… 66
Матагова Х.А., Петрова Р.И. Жизнь и вузовская деятельность А.П. Ефлеева в Якутском, Грозненском и Куйбышевском педагогических институтах (1940–1957 годы)…… 75
Подольников В.П. Влияние Вильгельма II на европейскую международную обстановку в 1908–1913 годы ……..…….. 82
Тумин А.Д. Эволюция испанской национальной коллективной идентичности: от противостояния «двух Испаний» к «Конституционному патриотизму»…..….. 88

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ

Узнародов И.М., Узнародов Д.И. Перспективы развития народных республик Донбасса в качестве самостоятельных субъектов международной политики ……..…..…… 96

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Никитин Д.А. Эффективность использования собственных средств предприятия …..... 104
Ованесян Н.М., Мидлер Е.А., Денисенко Ю.Н. Реализация механизма добровольного медицинского страхования в обеспечении качества медицинских услуг ……... 109

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Кислицын С.А. П.М. Абовин-Егидес – легендарный преподаватель Ростовского университета, диссидент-социалист, выдающийся политический мыслитель современности ……. 115

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Паламарчук Е.А. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / под ред. С.И. Линца (отв. ред.), А.А. Аникеева, Г.И. Кольга. Ставрополь; Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2018. 498 с. …… 120
Трут В.П. *Агафонов А.И.* Донская геральдика. Ростов н/Д. : Омега-Паблишер, 2016. 408 с. …..… 126

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Агафонов А.И. III Международная научно-практическая конференция «Революционные события в России и судьбы казачества» (Франция, Париж, 22–23 мая 2018 г.)……..…….. 127
Драч Г.В., Аполлонов И.А., Тарба И.Д. II Международная научная конференция «Этнос и культура в эпоху глобализации» (Республика Абхазия, Сухум, 29–30 июня 2018 г.)……..... 131
Мининков Н.А. III ежегодная конференция «“Герой нашего времени”: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности» (Москва, 1–3 июня 2018 г.)… 136

Manukovskiy N.G. Peculiarities of Labor Ethics of the Don Miners During Post-Reform Period (the Second Half of the 19th Century)……... 66
Matagova Kh.A., Petrova R.I. Life and University Activities of A.P. Efleev in Yakutsk, Grozny, and in the Kuibyshev Pedagogical Institutes (1940-1957)…..…….. 75
Podolnikov V.P. The Influence of Wilhelm II on the European International Situation in 1908-1913…… 82
Tumin A.D. The Evolution of Spanish National Identity: the Confrontation of “Two Spains” or “Constitutional Patriotism”……..……. 88

HISTORY AND MODERN GEOPOLITICS OF RUSSIA

Uznarodov I.M., Uznarodov D.I. Prospects of Development of People’s Republics of Donbass as Independent Subjects of International Politics ……..…… 96

ECONOMIC SCIENCE

Nikitin D.A. Efficiency of Use of Own Funds Of the Enterprise ……..…….. 104
Ovanesyan N.M., Midler E.A., Denisenko Yu.N. Realization of the Mechanism of Voluntary Medical Insurance in Ensuring the Quality of Medical Services …….…….. 109

TOUCHES TO THE PORTRAIT

Kislitsyn S.A. P.M. Abovin-Egides - the Legendary Teacher of Rostov University, a Dissident Socialist, an Outstanding Political Thinker of Our Time …….. 115

BOOKS REVIEW

Palamarchuk E.A. Stavropol Region During the Great Patriotic War 1941-1945. Ed. S.I. Linz, A.A. Anikeev, G.I. Kolga. Stavropol; Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigorskogo gos. un-ta, 2018, 498 p. ……..…..... 120
Trut V.P. *Agafonov A.I.* Don Heraldry. Rostov-on-Don: Omega-Pablisher, 2016, 408 p. ……...… 126

SCIENTIFIC LIFE

Agafonov A.I. III International Scientific-Practical Conference “Revolutionary Events in Russia and the Fate of the Cossacks” (France, Paris, May 22-23, 2018)……..……... 127
Drach G.V., Apollonov I.A., Tarba I.D. II International Scientific Conference “Ethnos and Culture in the Age of Globalization” (The Republic of Abkhazia, Sukhum, June 29-30, 2018)…..… 131
Mininkiov N.A. III Annual Conference “Hero of our Time: Leaders of Public Opinion and Their Cults in the Era of (Post) Modernity” (Moscow, June 1-3, 2018)…….. 136

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

УДК 130.2 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-4-8

ТЮРКСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2018 г. В.Х. Акаев [a]
[a] Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Грозный, Россия

TURKIC ETHNOCULTURAL INFLUENCE ON THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

V.Kh. Akaev [a]
[a] Ibragimov Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences, Grozny, Russia

Акаев Вахит Хумидович –
доктор философских наук, профессор,
Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова
Российской академии наук,
Старопромысловское шоссе, 21а, г. Грозный,
Чеченская Республика, 364051, Россия.
E-mail: akaiev@mail.ru

Vakhit Kh. Akaev -
Doctor of Philosophy, Professor,
Ibragimov Complex
Research Institute,
Russian Academy of Sciences,
Staropromyslovskoe Highway, 21a, Grozny,
The Chechen Republic, 364051, Russia.
E-mail: akaiev@mail.ru

Культура народов Северного Кавказа имеет свои специфические особенности, связанные с наличием языческих, христианских, исламских, православных ценностей. Эти системы оставили свой отпечаток, порождая пестрое многообразие, которое детерминирует местные локальные особенности. Сильное влияние на культуру народов Северного Кавказа оказывала тюркская культура – в частности, кумыков, которые находились в течение многих веков во взаимоотношениях с народами этого региона. Лингвистические, историко-этнографические источники подтверждают высказанное положение. Этнические процессы имели неоднородный характер, ассимиляция ускорялась в период переселений в ходе Кавказской войны, в период депортаций, которые были сами по себе огромной физической, политической и моральной трагедией, но при этом происходило взаимное влияние культур.

Ключевые слова: *Северный Кавказ, Эвлия Челеби, ислам, народы Северного Кавказа, шафииты, текке, накшбандийа, шейх Мансур, аксайские шейхи, взаимопроникновение культур*.

The culture of the peoples of the North Caucasus has its own specific features related to the presence of pagan, Christian, Islamic, and Orthodox values. These systems left their imprint, giving rise to a motley variety that determines local features. A strong influence on the culture of the peoples of the North Caucasus was provided by the Turkic culture - in particular, the Kumyks, who had been in the relations with the peoples of this region for many centuries. Linguistic, historical-ethnographic sources confirm the given position. Ethnic processes were heterogeneous, assimilation accelerated during the migration during the Caucasian War, in the times of deportations, which were a huge physical, political and moral tragedy, but there was a mutual influence of cultures.

Keywords: *North Caucasus, Evliya Chelebi, Islam, the peoples of the North Caucasus, Shafiots, Tekke, Naqshbandiya, Sheikh Mansur, Aksai Sheikhs, interpenetration of cultures.*

Культура народов Северного Кавказа не отличается однородностью, она гетерогенна, ибо формировалась на древних языческих, христианских, исламских, православных ценностях. И эти системы оставили свой заметный след в архитектуре, литературе, поэзии, мировоззрении многочисленных народов данного региона. Сказанное подтверждают языковой материал, топонимические и гидрономические сведения, исторические, этнографические источники.

Надо признать, что тюркский язык, а точнее язык кумыков, начиная с VII в., со времен зарождения Хазарии, до первой трети XX в. являлся языком межэтнического общения на Северо-Восточном Кавказе [1, с. 374]. Языки нахско-дагестанских народов, так называемых кавказионов, если придерживаться грузинской терминологии, насыщены тюркскими, кумыкскими словами, топонимическими терминами, и их достаточно много. Некоторые исследователи считают, что значение названий таких топонимов, как Герменчук, Шали, Гудермес, Исти-су, Кошкельды, Таузен, Сельмен-таузен, Ташкала, в Чечне раскрывается на кумыкском языке, также как и гидронимы – названия рек – Мичик, Аксай, Яман-су, Ярык-су и др. По мнению известного чеченского лингвиста К.З. Чокаева, на всем Кавказе имеется много топонимов на тюркских языках, особенно на кумыкском. Этот автор такие топонимы, как Вирхоти, Улус-керт, встречающиеся в Чечне, относит к монгольским названиям и выдвигает версию о том, что в XIII – XIV вв. какая-то часть монголов проживала на этой территории [2, с. 25].

В плане конкретизации тюркского влияния на народы Северного Кавказа в историко-этнографическом отношении представляется ценным сочинение турецкого ученого Эвлии Челеби, совершившего в 1666 г. путешествие по территории региона. Он достаточно подробно описывал разнообразные географические, климатические, этнографические, этногенетические, религиозные особенности региона и его народов. В сочинении четко фиксируется взаимосвязь культур кавказских и тюркских народов – крымских татар, кумыков, ногайцев. Приводимые сведения нередко используются современными исследователями в своих работах, посвященных истории, культуре, географии, этнографии, религии народов Северного Кавказа. Так, прибыв на остров Тамань из Турции, он описывает его как прекрасно благоустроенный шахский (скорее султанский) остров, имеющий шестиугольную форму, расположенный вблизи берегов Кубани, и отмечает, что на нем расположены 80 черкесских деревень [3, с. 43].

Эвлия Челеби рассматривал экономическую, торговую, религиозную жизнь горцев, их внутренние противоречия, описывал культовые сооружения крепости Тамань, такие как медресе, текке и две начальные школы. Для исследователей, изучающих распространение ислама среди черкесов, значительный интерес представляет наличие суфийских дервишских обителей – текке, построенных на острове. Можно высказать версию, что эти обители принадлежали последователям тариката накшбандийа, проникшего в регион из Турции, где в XVI – XVII вв. этот суфийский орден был распространен.

Путешественник пишет, что в городе Тамань и его окрестностях было всего девять михрабов, пять из них являлись мечетями, где исполнялись пятничные молитвы, кроме того имелись квартальные мечети для четырех мусульманских общин. Скорее всего это были турки, которые в то время жили в крепости со смешанным населением крымских татар, ногайцев, а также черкесов, принявших ислам, возможно и греков. Вполне допустимо, что эту крепость населяли и христиане. Всего жителям города принадлежали 1100 простых домов, крытых землей. В крепости имелись три медресе, семь начальных школ, три текке и две бани для общины [3, с. 45].

Переместившись на территорию Кабарды, в ходе своего путешествия Эвлия Челеби утверждает, что при Мухаммед-Гирей-хане, правителе Крыма, весь народ Кабарды принял ислам, им были назначены кадий и имамы из числа кумыков, а также устроены бани и крепости [3, с. 85].

Оказавшись на территории Чечни и Дагестана, он фиксирует наличие стабильной ситуации, а поэтому пишет: «Этот край такой спокойный и безопасный, что и замужняя женщина, и юная возлюбленная, и солнцеликий мальчик – юноша со всеми рубинами, яхонтами, драгоценностями идет или из города в деревню, или из деревни в город через горы и долины в одиночестве, и никогда никто не осмелится подойти к замужней женщине, поднять голову и посмотреть на ее лицо. Все население страны мусульманское и исповедует веру Аллаха, и все они шафииты. Они никогда не едят запретной по шариату пищи и не надевают запретной по шариату шелковой одежды» [3, с. 105].

На западной части Северного Кавказа Эвлия Челеби, описывая быт, образ жизни смешанного

мусульманского населения, перечисляя количество исламских культовых сооружений, не определяет их принадлежность к тому или иному мазхабу. Находясь в Дагестане, жители которого являлись преимущественно мусульманами, он подчеркивает их принадлежность к шафиитскому мазхабу. Тюркоязычных кумыков, с которыми ему приходилось все время общаться, он относит к шафиитам. Более того, всех мусульман Дагестана того времени путешественник характеризует как фанатичных последователей шафиитского толка. Но в чем их фанатизм проявляется он не расскрывает.

Эвлия Челеби отмечает, что дагестанские мусульманские богословы пользуются авторитетом не только среди населения, но и у своих властителей, которым не дозволяют предаваться роскоши, мотивируя, что тщеславие пагубно. Описывая состояние беспокойного древнего города Эндире, он считает его «средоточием мудрых, источником совершенства, обителью поэтов и умиротворенных», в которой ученые обладают мудростью арабов и великими знаниями. По его описанию, в нем находились искусные врачи, спускающие дурную кровь, а также несравненные хирурги. Население Эндире было пёстрым, оно знало языки персов, грузин, черкесов, кумыков, калмыков, кайтаков, монголов. В нем проживало боголов – 13, хешдеков и русов – 14, московитов, лезгин, кахтание – 15, кыпчаков – 16, чагатайцев – 17 и разных прочих народов, говорящих на своих языках [3, с. 117]. Путешественник сообщает, что в одежде у них совершенно отсутствует шелк, ибо они, будучи мужами умеренными, шелка совсем не носят, следуя хадису: «Того, кто наряжается в мире сем, да не оденут в мире вечном». О том, что Эндирей – древний город с различным в этническом отношении населением отмечается в преданиях самих кумыков, в частности в трактате «Тарихи Эндирей» [4, с. 203].

Оказавшись в крепости Койсу, расположенной на юго-востоке Эндирея, Эвлия Челеби дает подробное описание её инфраструктуры: «В этом городе имеются три бани, одна харчевня, семь начальных школ, три медресе, два текке дервишей ордена накшбенди, три постоялых двора для купцов» [3, с. 117]. Находясь на западе Кавказа, он отмечает наличие суфийских обителей – три текке на Тамани, но не уточняет, к какому ордену это сакральное учреждение принадлежит, а в Дагестане он конкретизирует, что обнаруженные им два дервишских текке принадлежат к ордену накшбандийа. Итак, в 1666 г. Эвлия Челеби фиксирует в предгорной части Дагестана эти сакральные учреждения последователей тариката накшбандийа.

С нашей точки зрения, тарикат накшбандийа в Дагестане появился несколько раньше, чем отмечено у Эвлии Челеби. Возможно, что этот тарикат проник в Дагестан еще во времена завоеваний Тимура на Кавказе (1395), по крайней мере его сопровождали суфийские шейхи накшбандийа из Бухары, Самарканда. Видимо, тарикат накшбандийа существовал среди кумыков не только во времена Эвлии Челеби, но и раньше, продолжал существовать и позже, от них он скорее всего распространился и среди чеченцев.

Известно, что чеченский суфий шейх Мансур (1760–1794), возглавивший борьбу народов Северного Кавказа против колониальной политики царизма в XVIII в., обучался арабской грамоте у кумыкских алимов, проживавших в с. Шали. Более того, на него оказывали духовное влияние, как это отмечается в его следственном деле, составленном тайной канцелярией в Санкт-Петербурге, чеченский мулла Якуб, турецкий дервиш Ислам из Анапы [5, с. 351]. Но к какому именно виду тариката принадлежал шейх Мансур источники не уточняют, хотя французский исследователь А. Беннигсен, работавший в турецких архивах, высказал версию о его принадлежности к тарикату накшбандийа [6, с. 51]. Однако нет обоснованного подтверждения этому.

То, что шейх Мансур имел с кумыками родственные отношения, упоминается в документах, приводимых А. Беннигсеном. В них отмечается, что кумык Этта Батымурзин, который также допрашивался тайной канцелярией, как и Мансур, был его тестем. В некоторых источниках до сих пор утверждается, что шейх Мансур был якобы Турцией послан в Чечню и в Дагестан, чтобы склонить народы на войну с Россией. Однако нет подтверждающих фактов. По данным дагестанского арабиста, теолога Г.-Э. Алкадари, шейх Мансур являлся выдающимся ученым и благочестивым мусульманином, он приобрел широкое влияние в Чечне и большое уважение и известность народа в Дагестане [7, с. 115].

Духовное влияние через тарикат накшбандийа на чеченцев оказывал и Ташу-Хаджи (Ташев-Хаджи), кумык по происхождению (хотя имеется версия и о его чеченских корнях), наиб Шамиля, зачинатель саясановской ветви тариката накшбандийа в Чечне. Родом он из кумык-

ского селения Эндирей, где проживало смешанное население, в основном состоявшее из кумыков-салатавцев, а также чеченцев-гуенов, ауховцев, ногайцев и др. [8, с. 44]. Ташу-Хаджи погиб в 1843 г. на востоке горной Чечни в ходе сражения с чеберлоевцами, которые противились принятию шариата Шамиля [9]. Последователи вирда Ташу-Хаджи в основным проживали в восточной части горной Чечни, а место его захоронения (зиярат) находится в с. Саясан Ножай-Юртовского района Чеченской Республики. Над его могилой воздвигнут мавзолей, являющийся местом паломничества чеченцев, кумыков и др.

Значительное религиозное влияние на чеченцев и ингушей оказала аксайская ветвь тариката накшбандийа, связанная с шейхом Абу (1810–1873), он же Бешир, родом из Эндирея, принадлежавший к чеченскому тайпу дышни. Право проповедовать тарикат накшбандийа он принял от кумыка Уммалат-шейха, сподвижника Шамиля, похороненного в чеченском селении Сержень-Юрт, где имеется его зиярат, привлекающий большое количество паломников. Абу был участником Кавказской войны, позже переселился в Таш-Кичу (Аксай), населенный кумыками и чеченцами, где захоронен он и его сын Апти. Аксайская ветвь накшбандийа (Бешир-шейх, Апти-шейх) продолжена в деятельности чеченских шейхов Элаха-муллы, Усмана-Хаджи, Абдул-Ваххаба, Докку-шейха, шейха Дени, Эла-Мирзы и др. Географически аксайская ветвь тариката накшбандийа в значительной мере распространена в притерских селах современной Чечни.

Родственные отношения между народами Северного Кавказа достаточно широко распространены. Они формировались между кумыками и горцами, аварцами и чеченцами, чеченцами и кабардинцами и т.д. Естественно, этнические процессы происходили спорадически, а процесс ассимиляции приобретал заметный характер в период переселений в ходе Кавказской войны, а также в период депортации чеченцев в Среднюю Азию, что являлось огромной физической, политической и моральной трагедией, но при этом происходило взаимное влияние культур.

Сегодня в этносоциальной структуре чеченцев можно выделить такие тайпы, как туркой (турки), гIумкой (кумыки), гIезлой (татары), суьли (аварцы), цIадахьрой (даргинцы) и др. [10, с. 131]. Можно привести и такой пример. Предки Джелала-эд-дина Коркмасова – выдающегося общественно-политического и государственного деятеля Дагестана, России, дипломата, просветителя, кумыка по национальности – происходили из старинного чеченского тайпа билтой.

Этнографы подтверждают, что в Дагестане имеются немало населенных пунктов, например в Бабаюртовском, Казбековском, Хасавюртовском районах, где чеченцы ассимилировались с кумыками и аварцами. В свою очередь, в Чечне также имеются села в Веденском, Гудермесском, Итумкалинском, Грозненском районах, где аварцы, даргинцы, кумыки смешались с чеченцами. Эта этнокультурная ситуация в истории взаимоотношения народов Северного Кавказа складывалась в сложные, порою трагические периоды в их судьбах и в определенной мере укрепляла культурное, духовное единство этих народов.

И сегодня продолжают укрепляться родственные, этнические, духовно-культурные связи, определяющие общий характер их образа жизни, поведенческих установок и мировосприятие.

Безусловно, тюркское влияние глубоко укоренено в культуре народов Кавказа, равно как и кавказские традиции стали основополагающими в образе жизни, традициях, ментальных ценностях тюркских народов региона. Этот этнокультурный, социокультурный синкретизм представляет сегодня основу бытия многих народов данного региона, придавая им историко-культурное и современное социокультурное своеобразие и даже способствуя их интеграции.

Литература

1. Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева. М. : Наука, 2002. 588 с.

2. *Чокаев К.З.* Вайн мотт – вайн истории (Наш язык – наша история). Грозный : Книга, 1991. 192 с.

3. *Челеби Э.* Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2 : Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М. : Наука, 1979. 290 с.

4. *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М. : Наука; Восточная лит-ра, 1993. 302 с.

5. *Ахмадов Ш.Б.* Имам Мансур. Элиста : Джангар, 2010. 372 с.

6. *Беннигсен А.* Народное движение на Кавказе XVIII в. («Священная война» шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в

русско-турецких отношениях) : пер. с фр. / Культурно-исторический фонд «Тарих». Махачкала, 1995. 80 с.

7. *Алкадари Г.-Э.* Асари Дагестан / Культурно-исторический фонд «Тарих». Махачкала, 1999. 222 с.

8. *Ибрагимов М.-Р.А.* Вопросы этнической истории и этнической географии Засулакской Кумыкии в работе Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках» // Этнокультура народов Северо-Восточного Кавказа середины XIX века: 200-летию со дня рождения ученого-этнографа Давлет-Мирзы Шихалиева (Шейх-Али) / отв. ред. Г.М-Р. Оразаев. Махачкала, 2015. 268 с.

9. *Акаев В.Х.* Ташу-Хаджи – имам Чечни // Грозненский рабочий. 1998. 16–22 апр.

10. *Натаев С.А.* Чеченские тайпы. Проблемы изучения природы, структуры и исторической динамики социальных институтов чеченцев. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников М.А.), 2013. 414 с.

References

1. *Narody Dagestana* [Peoples of Dagestan]. Ed. by S.A. Arutyunov, A.I. Osmanov, G.A. Sergeeva. Moscow: Nauka, 2002, 588 p.

2. Chokaev K.Z. *Vain mott – vain istorii (Nash yazyk – nasha istoriya)* [Our Language - Our History]. Grozny: Kniga, 1991, 192 p.

3. Chelebi E. *Kniga puteshestviya. (Izvlecheniya iz sochineniya turetskogo puteshestvennika XVII veka)* [Book of Travel. (Extracts from the Work of the Turkish Traveler of 17th Century)]. Issue 2. The Lands of the North Caucasus, the Volga and the Don region. Moscow: Nauka, 1979, 290 p.

4. Shikhsaidov A.R., Aitberov T.M., Orazaev G.M-R. *Dagestanskie istoricheskie sochineniya* [Dagestan Historical Works]. Moscow: Nauka; Vostochnaya lit-ra, 1993, 302 p.

5. Akhmadov Sh.B. *Imam Mansur* [Imam Mansur]. Elista: Dzhangar, 2010, 372 p.

6. Bennigsen A. *Narodnoe dvizhenie na Kavkaze XVIII v. («Svyashchennaya voina» sheikha Mansura (1785–1791 gg.). Maloizvestnyi period i sopernichestvo v russko-turetskikh otnosheniyakh)* [The Popular Movement in the Caucasus in the 18th Century ("The Holy War" of Sheikh Mansur (1785-1791). A Little-known Period and Rivalry in Russian-Turkish Relations)]. Tr. from French. Cultural and Historical Foundation "Tarih". Makhachkala, 1995, 80 p.

7. Alkadari G.-E. *Asari Dagestan* [Asari Dagestan]. Cultural and Historical Foundation "Tarih". Makhachkala, 1999, 222 p.

8. Ibragimov M.-R.A. [Issues of Ethnic History and Ethnic Geography of Zasulak Kumykia in the Work of D.-M. Shikhaliev "The Kumyk's Story about Kumyks"]. *Etnokul'tura narodov Severo-Vostochnogo Kavkaza serediny XIX veka: 200-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-etnografa Davlet-Mirzy Shikhalieva (Sheikh-Ali)* [Ethnoculture of the Peoples of the North-Eastern Caucasus in the Middle of the 19th Century: to the 200th Anniversary of the Birth of the Scientist-ethnographer Davlet-Mirza Shikhaliev (Sheikh-Ali)]. Ed. by G.M-R. Orazaev. Makhachkala, 2015, 268 p.

9. Akaev V.Kh. Tashu-Khadzhi – imam Chechni [Tashu-Haji - Imam of Chechnya]. *Groznenskii rabochii*. 1998, April 16-22.

10. Nataev S.A. *Chechenskie taipy. Problemy izucheniya prirody, struktury i istoricheskoi dinamiki sotsial'nykh institutov chechentsev* [The Chechen Taips. Problems of Studying the Nature, Structure and Historical Dynamics of Chechen Social Institutions]. Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov M.A.), 2013, 414 p.

Поступила в редакцию / Received ***24 июня 2018 г. / June 24, 2018***

УДК 101.1 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-9-13

ЯКОВ БЁМЕ В РАБОТАХ С. БУЛГАКОВА И Р. ОТТО

© 2018 г. Ю.А. Бычкова [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

JACOB BOHME IN BULGAKOV'S AND OTTO'S WORKS

Yu.A. Bychkova [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Бычкова Юлия Андреевна –
аспирант,
Институт философии и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепровский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: bychkovy@inbox.ru

Yulia A. Bychkova -
Postgraduate,
Institute of Philosophy and Social and Political Studies,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: bychkovy@inbox.ru

Рассматриваются взгляды С.Н. Булгакова и Р. Отто на философию Я. Бёме в целом и его понимание природы Бога и его софиологию в частности. Анализируются цитаты из работ «Свет невечерний» Булгакова и «Священное» Отто, приводятся примеры ссылок на Бёме и изучаются их причины. Значительное внимание уделяется проблематике пола у Бёме и Булгакова и тому, как на эту тему повлияли их представления о Софии. Рассмотрены их взгляды на природу брака, человека, Бога и Софии, а также их взаимосвязи. Проведен обзор ссылок Отто на Бёме, проанализировано понимание Бога как «гневного» у обоих авторов на предмет сходства и различия трактовки этого термина. Сделан вывод о значительном влиянии философии Бёме на оба произведения.

Ключевые слова: *Я. Бёме, С.Н. Булгаков, Р. Отто, София, человек, природа Бога, проблема пола, истина.*

Bulgakov's and Otto's views of philosophy to Bohme generally, both his understanding of the nature of God and his sophiology in particular are considered in the article. Quotes from the works "The Unfading Light" of Bulgakov and "The Idea of the Holy" of Otto are analyzed, examples of references on Bohme are given and their reasons are studied. Considerable attention in the article is paid to a gender perspective at Bohme and Bulgakov, and how this subject was affected by their ideas of Sophia. Their views of the nature of marriage, the person, God and Sophia, and also their interrelations are considered. The review of references of Otto on Bohme is carried out, the understanding of God as "angry" at both authors, regarding similarity and distinction of interpretation of this term is analyzed. The conclusion is drawn on considerable influence of philosophy of Bohme on both these works.

Keywords: *J. Bohme, S.N. Bulgakov, R. Otto, Sofia, person, the nature of God, the problem of sex, true.*

Сравним работы «Свет невечерний» С.Н. Булгакова и «Священное» Р. Отто с точки зрения того, как они оценивали философию Я. Бёме и какую роль она сыграла в их собственных воззрениях. Произведение Булгакова было издано в 1917 г. и практически одновременно вышла в свет книга немецкого теолога и религиоведа Рудольфа Отто, написанная на схожую тематику [1]. Если сравнивать их работы, то можно выделить несколько пересечений, которые они считают ключевыми при рассмотрении темы религии. При это оба автора ссылаются на Якова Бёме. Количество упоминаний его имени в работе «Свет невечерний» – больше сотни. У Отто их всего четыре, но у него и объем работы меньше приблизительно в два раза, и самих ссылок на других авторов намного меньше. Отто ссылается на Бёме как на автора, который, так же как и он, пытался описать природу Бога моментами-ощущениями. Три из четырех ссылок указывают непосредственно на моменты переживания божественной ярости или гнева, «огненные» моменты, которые были метафорами чего-то ужасающего, сверхразумного. Не все эти ссылки прямые, есть ссылки на тех, кто сам ссылается на Бёме, что указывает не только то, что Бёме пользовался уважением и авторитетом, но и то, что многие авторы, изучающие природу Бога, описывали ее как пугающую или жестокую – и не потому, что не любили Бога или от-

вергали Его, а потому, что Его природа остается непонятной для человека, сверхразумной и иррациональной, нелогичной и непознаваемой с точки зрения обычных человеческих понятий о нравственности и любви.

Булгаков впервые упоминает фамилию Бёме в «Свете невечернем», когда перечисляет тех, кого относит к «струе германства в имманентизме», имеющего религиозную окраску. Конкретно о Бёме он не говорит в этот момент ничего, но затем, рассуждая о природе мифа, вспоминает его отдельно и называет «природовдохновенным», «мифотворцем природы», сравнивает с Тютчевым. Он посвящает ему пятый пункт в «Отрицательном богословии в немецкой и английской мистике», где разбирает данное им определение Бога, ссылаясь в основном на его работу «De electione». Далее, уже в отделе «Божественное ничто» он снова упоминает Бёме, ставя его в один ряд с Гегелем, Шеллингом и Соловьевым, рассуждая об их попытках философского дедуцирования триипостасности a priori. Чуть позже утверждает, что, возможно, в работах Бёме следует искать прототип учения Спинозы об единой субстанции. Несмотря на то, что в теории Бёме, а так же Эккегарта и Эриугены он видит неоплатонизм, «которого стоит опасаться», чтобы не уклоняться от христианской веры, отмечает, что «дух его (Бёме) живет в метафизических системах Шеллинга и Гегеля, Шопенгауера и Гартмана» [2, с. 154].

Таким образом, Булгаков ссылается на него не только чаще, но и ссылки эти относятся к самым разным моментам, не привержены одной идее, как у Отто, который вычленил из философии Бёме одну идею, важную для него самого. Яростный аспект природы Бога у Бёме можно увидеть в «Авроре» – «она (София) входит во Второе начало, которое в праисточнике является Первым, как в гневе Отца, и открывает чудеса в сокровенных печатях (или видах) природы в ярости и ничем не восхищается, ибо она есть без плоти рожденный образ» [3]. Там же он упоминает, что «всецелое Божество в наивнутреннейшем или первоначальнейшем своем рождении имеет в ядре своем ужасающую остроту, поскольку терпкое качество есть ужасающее, терпкое, жесткое, мрачное и холодное стягивание подобно зиме, когда бывает яростная, совершенно нестерпимая стужа, так что вода превращается в лед» [3]. Это терпкое качество самое сокровенное и прячется в самой глубине ядра Бога, оно для себя самого, вне прочих качеств. Бёме отмечает, что и сам Бог звал себя гневным Богом, и Богом ревнителем, когда провозглашал десять заповедей на горе Синай. Но при этом Бог не теряется в гневе и остается в любви – терпкое качество укрощается сладким, и в свете любви, радости и милосердия твердость, горечь растворяются и скрывают терпкое качество в самой глубине, где оно остается, укрощенное сладостью и любовью.

Несмотря на описание этих качеств, Бёме является сторонником апофатического богословия, но его нераскрытость Бога тем не менее не мешает ему считать божественное присутствие как «ужасающее». Бог есть безосновность (Ungrund) и основа всего. Бог у него – безымянная, неприродная и нетварная воля, единая и не имеющая ничего помимо себя, которая есть ничто и есть все, которая и есть единый Бог, всеобъемлющий и всеохватывающий. Бог для Бёме – все, если «устранить тварь и природу». Потому «плоть и кровь» не могут самостоятельно достигнуть Бога. Это доступно лишь духу, при этом не простому духу, а только тому, кому открылся Бог по собственной воле – «возженному» Им духу. Если человек желает постигать природу Бога, первое, что нужно ему сделать, – молить Бога об Откровении. Если Бог посылает тебе свой Святой дух, то ты можешь постигать Его природу. Таким образом, становится очевидным, чем идеи Бёме могли привлечь Булгакова – этот момент понимания религии как единственной и абсолютной Истины, даруемой человеку только по желанию Божию, является самым важным с его точки зрения моментом как для религиозного познания, так и для философского в качестве понимания своей ограниченности перед религиозным путем понимания.

Тварному человеческому разуму, по мнению Бёме, «в плоти и крови» невозможно постигнуть Бога. И еще один момент, важный и для Булгакова – «хотя бы ты и читал о том, оно все же будет пред очами твоими только мглою или мраком; единственно Духом Святым, который в Боге, а также и во всей природе, откуда произошли все вещи, сможешь ты проникнуть до всего тела Божия, каковое есть природа, равно и до Святой Троицы» [4]. Бёме также признает, что читать о пережитом другими людьми опыте практически бесполезно, и прозреть это не помогает. Лишь Бог может привести человека к самому себе. Тварная природа человека – это неодолимое препятствие между Богом и челове-

ком, трансцендентным миром и миром имманентным, «глубина между землей и звездами». Перечисляя качества, присущие Богу, Бёме упоминает не только гнев, привлекший внимание Отто, но и любовь, радость и милосердие, нашедшие отклик у Булгакова, у которого Бог есть Любовь. Бёме в свою очередь утверждает, что Бог есть сама радость. Бог Бёме абсолютен и не подвержен изменениям, он – абсолютная, неизменяющаяся сущность, пребывающая вечно, не рождающаяся, не развивающаяся и не умирающая. Очевидно, это так же привлекает Булгакова по сравнению с развитием Абсолютного Духа Гегеля или идеями Фихте. Все Творение создается по воле Бога, из Него самого и по Его милости [5].

Последнее важное сходство с философией Бёме у Булгакова можно назвать отношение не только к желанию Бога открыться человеку, но и то, что все тайны будут открыты человечеству в конце его истории, в день конечного суда, и что день этот нужно ждать с великой радостью и благоговением, поскольку путь греха, на который вступил Адам, будет наконец окончен, и человек займет то место в мире, которое с самого начала было ему уготовано.

На Бёме ссылается и Н.А. Бердяев. Его работа «Новая книга о Якове Бёме» отражает интерес к идеям этого мистика [6]. В ней рассмотрена тема антиномичности бытия и отмечено, что с большим уважением к Бёме относились Шеллинг и Гегель. Бердяев сожалел, что Бёме не пользуется популярностью, поскольку признавал за ним гениальность творческой мысли и понимания мира. Он, так же как и Булгаков, называет Бёме великим мифотворцем и заключает, что тот мыслит не понятиями, а символами и мифами, и сам творит теогонический миф. Гениальным считает Бердяев и его учение о Софии, как девственности души, представленное как учение о Деве, «отлетевшей на небо после грехопадения» [7]. При этом предполагая это учение более верным христианскому духу, нежели учение Соловьева, который в свою очередь тоже знал Бёме, если не находился отчасти под его влиянием.

Проследить параллели с творчеством Бёме у Булгакова можно не только в понимании природы Бога или идеи Софии. В отделе третьем «Света невечернего» «Человек» идея о Христе как новом Адаме и разделение человека на мужчину и женщину выражена таким образом, что видна идея андрогинов Бёме. Также описание адских мук и наказания ими не ради самого наказания, а из упрямства человеческого, не желающего избавиться от них из гордости, присутствует у обоих.

Jungfrau Sophia Бёме не является той же Софией, Вечной Женственностью, коей она является у Соловьева или В. Иванова. Понятие Бёме Jungfrau Sophia, по замечанию Бердяева, отличается отсутствием пола, эротизма, как, впрочем, и вся его система. «Ewige Jungfrau in der Weisheit Gottes», вечная дева в мудрости Бога, есть не мужчина, но и не женщина, но при этом она и то, и другое. «Ewige Jungfrau» не связана с полом, и Бёме также использует выражение «männliche Jungfrau» (мужеподобная дева), употребляемое им по отношению к Адаму. София у Бёме не та, что у Соловьева, и не та, что у Булгакова. У Булгакова София – это некая грань, проложенная Богом между Ним и миром, Творцом и тварью, сама не являющаяся ни тем и не иным, и одновременно обоими. Она – Божественное триединство, она – «любовь Любви». София является и Любовью Бога, и объектом Его Любви. Эта идея схожа с идей в индуизме о Триаде богов и Шакти – похожей на Софию по функциям. Шакти есть воплощение женственности, она – сила природы, и сама природа, она – мать мира, и каждая женщина ее воплощение. Каждый бог Триады имеет супругу – аспект Шакти, и каждый из них неполон без своей Шакти, своей супруги. При этом Триада богов также является единым целым – аспектами Брахмана. Шакти во всех воплощениях обладает и качествами и свойствами триады богов и в то же время ограничивает себя, уподобляясь человеку, служа посредником между богами и людьми. София Булгакова выполняет эту же функцию – являясь частью Бога, происходя от него, ограничивает сама себя и сходит к людям. София «есть особая, иного порядка, четвертая ипостась» [2, с. 194], при этом отличная от Троицы, и потому позволяющая Троице оставаться Троицей.

София же у Бёме – это Дева, изначально данная в жены Богом Адаму-андрогину. И именно отказ от нее, желание жены из плоти, был грехопадением. Грехопадение по Бёме – «есть утеря своей Софии-Девы, которая отлетела на небо» [4, с. 34]. Таким образом, человек стал разорван по полу, утратил целостность и грустит об этом. Для Булгакова выход – найти свою половину и сочетаться браком. Единение мужчины и женщины в браке есть единение че-

ловека, его целостность, именно так появляется настоящий человек по плану Бога. София Бёме не сотворена, это Божественная мудрость, данная человеку, не женщина, но дева. И именно она уподобляла человека Богу [8].

Бердяев уточняет, что у Бёме человек двуполое существо, но с разной степенью присутствия мужского и женского принципа. Существо, которое было бы абсолютным мужчиной или абсолютной женщиной, не было бы человеком. Женщина, лишенная мужских черт, является чистой стихией, природой. Мужчина, лишенный женской частицы, есть отвлеченный разум. Понятие «Jungfrauschaft» (девственность) для него – состояние, предшествующее разделению полов и являющееся более совершенным, поскольку изначально человек был создан по замыслу Бога именно таким. Различие же по полу – следствие грехопадения, поскольку человек беспол в первозданном состоянии. Создание Евы из ребра Адама есть выделение из Адама его же части, его сути. Создание женщины Бёме видит как грехопадение и распадение истинной человеческой природы на два существа.

Для Булгакова мужчина и женщина также должны быть единым целым по замыслу Бога, но в истинном браке, в любви, лишенной похоти. Булгаков отмечает, что у Бёме полностью пропадает смысл единения мужчины и женщины в браке, союз «во Христа и во Церковь» и весь положительный смысл таинства брака в его идеях утерян. Булгаков полагает, что виной всему испытываемая Бёме брезгливость к полу. Разделение по полу у самого Булгакова не несет греха, как у Бёме – Ева дана Адаму по милости Бога как его часть, как его половина, и взята она от мужчины не для зова плоти, а для любви и единения, лишенного похоти. У Булгакова супружеский долг исполнялся еще до грехопадения – или должен был исполняться по замыслу Бога, не желанием, а волей и мысленным усилием, без животных порывов. Это было утрачено после изгнания из Рая, но только после грехопадения появилось греховное влечение, а совсем не в момент создания женщины. Для Булгакова немыслимо представить, что Бог создал нечто греховное по самой природе своей, даже по просьбе человека. Бог у него не создает зло или грех – он дарует свободную волю, и уже человек решает, как ему поступать и к чему склоняться. И здесь важно отметить взгляды обоих философов на Ад [9].

Адские муки, которые человек испытывает после смерти – сотворены самим человеком, поскольку Бог всегда готов простить, если просят искренне. Вероятно, если бы Адам и Ева не начали указывать друг на друга как на виновных после кражи яблока, а признали вину и попросили прощения, и изгнания из Рая не было бы – или же жизнь человечества не была такой тяжкой. Адские муки, по Булгакову, это чувство вины самого человека. Нет вины, есть раскаяние и осознание ошибки – нет мук. Адские муки у Бёме схожи. Или вернее, здесь Булгаков соглашается с Бёме. Он упоминает, что Бёме допускал возможность того, что человек, наделенный свободной волей, может вызвать особую модальность бытия, которую можно охарактеризовать как Ад. Это становится возможным, поскольку в самой природе (не Бога, но человека) изначально была заложена возможность не только блаженства, но и муки. При этом каждый человек, следуя своим путем, ведомый своими чувствами и представлениями о правильном и неправильном, совершающий свои собственные выборы, приходит к своей цели сам. Потому и существует Ад с его иерархической, извращенной структурой, пародирующей Рай. Таким образом, и для Бёме, и для Булгакова ад, хотя и возможен, но не является неизбежным. Это порождение тварной свободы, и при человеческом желании не будет ни Ада, ни зла, ни мучений. И если Бог утверждает его существование, то не потому что он неизбежен или необходим, а лишь по той причине, что был предвиден как последствие человеческой свободы. Ада и смерти Бог не создавал.

Мудрость Божия (София) есть вечная Дева, не жена, а воплощение целомудрия и чистоты, она ничего не рождает, но в ней рождается все (тварный мир), на что смотрит Бог. Вечная Дева есть великая Тайна, так как она воплощает собой существенность духа, его телесность. Здесь можно наблюдать отличие от Духа Гегеля, поскольку Дух Божий не познает сам себя, а становится познаваем для человека, и в этом заключается принципиальное отличие, за которое Булгаков критиковал Гегеля [10].

Итак, можно сделать вывод, что именно у Булгакова наблюдается большее влияние идей Бёме. В «Свете невечернем» достаточно подробно автор разбирает его идеи, в то время как Отто подает свою собственную концепцию, не увлекаясь ссылками или цитатами других авторов. Но тем не менее есть то общее, которое оба философа из-

влекли из идей Я. Бёме – это, несомненно, идея «ужасающего» в божественном присутствии.

Подводя итоги, стоит еще раз отметить, что подобное сходство во взглядах на одну и ту же тему, такую сложную, как религия, из-за которой разгораются самые жестокие споры, феноменально. Один и тот же взгляд на вещи, пусть и изложенный с помощью различной терминологии и иначе расставленными акцентами, наглядно демонстрирует особую природу религии, и необходимость для желающего добавить к философии религии нечто новое. выйти за привычные человеку рамки и соприкоснуться с трансцендентным, ведь по аргументации обоих авторов видно, что только так можно прийти к Истине. Для них сущность религии – это нечто невыразимое, превышающее человеческое понимание, то, что Отто называет термином «священное», а Булгаков – «трансцендентное», указывая на полную инаковость, отличность от имманентного. Природа Бога также заключена в этой инаковости и доброй воле. При этом оба называют Бога «ужасным» не в общечеловеческом, этическом или нравственном смысле, а подразумевая трепет пред превосходящим во всем, величайшим и абсолютным, тем, что приводит в ступор от невозможности объять, понять и описать, и здесь прослеживается явное влияние на этих авторов идей Я. Бёме, на которого они оба ссылались.

Литература

1. *Отто Р.* Священное / пер. А.М. Руткевич. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008.

2. *Булгаков С.Н.* Первообраз и образ // Соч. : в 2 т. Т. 1 : Свет невечерний / подг. текста, вступ. ст. И.Б. Роднянской, ком. В. В. Сапова и И. Б. Роднянской. СПб. : ИНАПРЕСС; М. : Искусство, 1999. 416 с.

3. *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении / пер. А. Петровского. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Aurora_или_Утренняя_заря_в_восхождении_(Бёме/Петровский)/1914_(ВТ) (дата обращения: 26.07.2018).

4. *Бердяев Н.* Из этюдов о Я. Бёме. Этюд II. Учение о Софии и андрогине Я. Бёме и русские софиологические течения // Путь. 1930. № 21.

5. О тройственной жизни человека / пер. с нем., вступ. ст., ком., прим. И. Фокина. СПб. : Миръ, 2007. 428 с.

6. *Бердяев Н.* Новая книга о Якове Бёме // Путь. 1926. № 5.

7. *Бердяев Н.* Из этюдов о Я. Бёме. Этюд I. Учение об Ungrunde и свободе // Путь. 1930. № 20.

8. *Резвых П.* Якоб Бёме: язык тела и тело языка // Новое литературное обозрение. 2003. № 63.

9. *Фокин И.Л.* Феноменология теогонической души в учении Я. Бёме // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2008. № 1 (10). С. 7–18.

10. *Фокин И.Л.* Проблема свободы в первоначальном учении о «божественных качествах» Я. Бёме // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2008. № 3 (14). С. 20–28.

References

1. Otto R. *Svyashchennoe* [The Idea of the Holy]. Tr. of A.M. Rutkevich. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2008.

2. Bulgakov S.N. [The Prototype of the Image]. Sochineniya [Essays]: in 2 vol. Vol. 1 : The Unfading Light. Ed., introd. by I.B. Rodnyanskaya, com. V.V. Sapov and I.B. Rodnyanskaya. Saint Petersburg: INAPRESS, Moscow: Iskusstvo, 1999, 416 p.

3. Beme Ya. *Avrora, ili Utrennyaya zarya v voskhozhdenii* [Aurora, or the Morning Dawn in the Ascent]. Tr. by A. Petrovsky. Available at: https:// ru.wikisource.org/wiki/Aurora_ili_Utrennyaya_zarya_v_voskhozhdenii_(Beme/Petrovskiy)/1914_(VT) (accessed 26.08.2018).

4. Berdyaev N. Iz etyudov o Ya. Beme. Etyud II. Uchenie o Sofii i androgine Ya. Beme i russkie sofiologicheskie techeniya [From the Sketches on J. Bohme. Etude 2. The Teaching about Sophia and the Androgyne J. Bohme and the Russian Sophiological Directiond]. *Put'*. 1930, No. 21.

5. *O troystvennoy zhizni cheloveka* [Of the Threefold Life of Man]. Tr. from Germ., intr. art., comment., notes by I. Fokin. Saint Petersburg: Mir, 2007, 428 p.

6. Berdyaev N. Novaya kniga o Yakove Beme [New Book about Jacob Bohme]. *Put'*, 1926, No. 5.

7. Berdyaev N. Iz etyudov o Ya. Beme. Etyud I. Uchenie ob Ungrunde i svobode [From the Sketches on J. Bohme. Etude 1. the Teaching about Ungrunde and Freedom]. *Put'*. 1930, No. 20.

8. Rezvykh P. Yakob Beme: yazyk tela i telo yazyka [Jacob Bohme: Language of the Body and Body Language]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2003, No. 63.

9. Fokin I.L. Fenomenologiya teogonicheskoi dushi v uchenii Ya. Beme [Phenomenology of the Theogonic Soul in the Teachings of J. Boehme]. *Vestn. Lenigradskogo gosudarstvennogo un-ta imeni A.S. Pushkina.* 2008, No. 1(10), pp. 7-18.

10. Fokin I.L. Problema svobody v pervonachalnom uchenii o «bozhestvennykh kachestvakh» Ya. Beme [The Problem of Freedom in the Original Doctrine of “Divine Qualities” by J. Bohme]. *Vestn. Lenigradskogo gosudarstvennogo un-ta imeni A.S. Pushkina*. 2008, No. 3(14), pp. 20-28.

Поступила в редакцию / Received ***2 августа 2018 г. / August 2, 2018***

УДК 130.2:316.3 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-14-18

САМОБЫТНОСТЬ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ ФОЛЬКЛОРА ДОНБАССА)

© 2018 г. Е.В. Гришанова [a]
[a] *Донецкий национальный университет, Донецк*

ORIGINALITY OF THE LAUGHTER CULTURE IN CONTEXT THE CIVILIZATION SPACE OF THE RUSSIAN WORLD (ON THE EXAMPLE OF THE DONBASS FOLKLORE)

E.V. Grishanova [a]
[a] *Donetsk National University, Donetsk*

Гришанова Екатерина Валерьевна –
аспирант, кафедра философии,
Донецкий национальный университет,
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001.
E-mail: katyushka.0312@mail.ru

Ekaterina V. Grishanova -
Postgraduate, Department of Philosophy,
Donetsk National University,
Universitetskaya St., 24, Donetsk, 83001.
E-mail: katyushka.0312@mail.ru

Анализируются самобытность и сущность смеховой культуры цивилизационного пространства русского мира, отмечаются особенности интерпретации понятия смеховой культуры, рассматриваются подходы различных мыслителей к проблеме комического и историко-философские варианты интерпретации смеха. Показано, как фольклор, являющийся элементом культуры в произведениях народного искусства населения Донбасса, влияет на повышение жизнеспособности и жизнестойкости людей, занимающихся тяжелым физическим трудом (например шахтеры) или попавших в непростую жизненную ситуацию. Сделан вывод о том, что явление комического есть специфическое выражение понимания, которое в свою очередь обусловлено набором общественно значимых элементов культуры, включающих нормы, традиции, ценностные ориентации.

Ключевые слова: *комическое, самобытность, смех, юмор, комический анализ, фольклор*.

The originality and essence of the laughter culture of the civilization space of Russian world are analyzed, the features of the interpretation of the concept of laughter culture are exposed, the approaches of various thinkers to the issue of comic and historical and philosophical interpretations of laughter are examined. It is shown how folklore, which is an element of culture in the folk art of the population of Donbass, influences the increase of the viability and vitality of people engaged in heavy physical labor (for example, miners) or those have fallen into a difficult life situation. It is concluded that the phenomenon of comic is a specific expression of understanding, which in its turn is determined by the set of socially significant elements of culture, including norms, traditions, value orientations.

Keywords: *comic, originality, laughter, humor, comic analysis, folklore.*

Анализ комического позволяет исследовать смешное как часть культуры. Область комического является предметом научного интереса таких ученых, как М. Бахтин, В. Карасев, Д. Лихачев, А. Панченко, В. Пропп, А. Сычев. Со сменой исторических и культурных эпох пространства русского мира меняются и особенности бытия комического. Осмысление самобытности русской народной культуры в контексте ее развития в качестве самодостаточного явления национальной культуры актуализируется в период затянувшегося глубокого кризиса, поразившего важнейшие сферы духовной жизни современного русского мира.

Цель работы – анализ самобытности смеховой культуры цивилизационного пространства русского мира.

Каждый человек испытывает духовную потребность в общении и взаимодействии с другими людьми. Поэтому люди объединяются в определенные группы, связанные между собой различными отношениями. Одни социальные группы появляются, другие – исчезают, третьи – развиваются. Подобные социальные системы

могут организовывать различные общественные структуры, имеющие различную тематику и направленность, не зависящую от характера отдельного индивида.

Потребность в смехе проявляется в жизни первобытного общества: смех исполняет роль противовеса страху и серьезности ежедневной борьбы за выживание; не случайно празднествам, где смех занимал ведущее место, отводилось до трети календарного года. Период истории русской культуры вплоть до середины XVII в. можно назвать эпохой скоморохов, так как именно они являлись первыми представителями театральных и литературных жанров. Их искусство было обращено к народу и отличалось подлинным демократизмом. Скоморошество могло возникнуть только в связи с внутренней потребностью общества. Оно являлось обязательным составным элементом социокультурной практики и было связано с архаическими ритуалами и обрядово-ритуальной практикой. Скоморохи активно участвовали в социокультурной жизни русского общества на протяжении нескольких веков. Первым затронул проблемы происхождения русских скоморохов историк И.Д. Беляев. Он утверждал, что деятельность скоморохов не ограничивается участием в обрядах, они «предлагали свои услуги повсюду, где открывалась какая бы то ни было потребность в музыке и игрищах» [1, с. 76–77].

Д.С. Лихачев и А.М. Панченко рассматривали смеховую культуру в Древней Руси как определенный антимир [2], в который переносится все неблагополучное и неправильное. По мнению ученых, смех является разрушительным феноменом настоящего мира, имеющим в то же время и некое созидательное начало при возникновении мира свободного и неупорядоченного.

Определенную роль в смеховую стихию вносила стихотворная форма: «Лирическая поэзия включала в себя рифму с большой осторожностью, стремясь избегнуть любых смеховых сочетаний» [2, с. 56]. Д.С. Лихачев отмечал, что только в Древней Руси стихи и стихотворные послания сохраняли элемент шуточности, театральности, которая может сливаться с искусством, а может быть и автономной от него. Театральность как таковая не всегда отождествляется с театром, так и зрелище не всегда можно назвать спектаклем. Авторы считали, что именно Древняя Русь, как и средневековая Европа, являлась театральной. А.М. Панченко пишет: «Разве не зрелище – парадный царский обед или “шествие на осляти”, когда царь под уздцы ведет лошадь, на которой восседает патриарх, а отроки, загодя обученные, устилают им путь разноцветными кафтанами? Разве не зрелище – царская раздача милостыни в ночь на большие праздники, причем приготовления к ней покрыты строгой тайной, хотя она бывает каждый год, в одно и то же время, в раз и навсегда избранном месте?» [2, с. 107].

Самым многоликим феноменом культуры в Древней Руси было юродство. О нем писали многие историки церкви. Юродство не могло существовать без церкви. В Евангелии оно искало свое нравственное оправдание. Между юродивыми и нищими часто устанавливались неприязненные отношения. Существовала всегда определенная культура смеха в народном представлении и культура смеха в религии, принадлежащая церковным служащим. Промежуточное положение между этими культурами и занимало юродство: «…без скоморохов и шутов не было бы юродивых. Юродивый балансирует на грани между смешным и серьезным, олицетворяя собою трагический вариант смехового мира» [2, с. 93]. Тем самым ученые показали, что юродство может являться третьей культурой, полагая, что чем решительнее российское общество стремилось к европейскому пути, тем сильнее становились и сами гонения на юродивых.

Во все эпохи праздникам отводилась огромная роль. Потребность в них присуща человечеству с самых ранних времен. У людей праздник всегда связан с традицией. Но у праздников есть не только своя история, но и определенные моменты, которые показывают стремление в будущее.

Л. Витгенштейн понятие комического связывает с языковыми играми, раскрывая игровые основы языковой коммуникации [3]. Им впервые указано на то, что «язык – это не просто констатация фактов или выражение правды или лжи, но самостоятельная форма жизни, которая развивается по определенным законам – законам игры» [3, с. 412]. Закон языковой игры занимает одно из ключевых мест в философии Л. Витгенштейна. Речь, характерная для конкретной практической деятельности, применение определенных слов в конкретном смысле и вызывает успешность общения. О связи комического и языковых игр пишет Е.А. Хрущева: «В основе лингвистической характеристики анекдота лежит такое понятие, как языковая игра – вид языковой деятельности, при которой гово-

рящий “играет” с формой речи, нарушая языковую норму с целью, с одной стороны, создания комического эффекта, с другой – получения эстетического удовольствия [4, с. 118]. Автор отмечает, что анекдот является одним из самых ярких примеров жанра, в котором языковая игра является средством для достижения комического эффекта. Сам же комический эффект может создаваться различными языковыми средствами в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса.

Анализируя смеховую культуру современного Русского мира, можно рассмотреть самобытность смехового пространства отдельного региона, например Донбасса, где на данный момент проживает огромное количество людей, для которых юмор – это выражение народного менталитета, мироощущения и мировоззрения.

По тому, как народ шутит, можно судить о его мышлении и ценностных ориентирах. Профессор социологии и историк по образованию, госпожа О. Михеева, бывшая жительница Донбасса, в 2014 г. уехавшая в г. Львов, в интервью журналу «Фокус» рассказала, как нелегко жить в чужом городе, приспосабливаться к обстановке той местности и, тем более, шутить: «Когда я думала над своей адаптацией во Львове, то заметила, что последним ко мне вернулось чувство юмора. Когда находишься в новой среде, то опасаешься шутить, потому что не знаешь, как воспримут каждую шутку». То есть надо думать о том, что ты говоришь и где. Шутки, понятные и приемлемые для одного региона могут негативно восприниматься в другом. И, наоборот, шутки, которые свойственны, скажем, Западной Украине, не всегда понятны на Донбассе [5].

Донбасс богат на устное народное творчество. С этим могут согласиться все жители Донецкой области, так как живя на Донбассе, понимают, что во многих ситуациях может помочь только смех. В рабочем крае, усеянном шахтами и гигантскими промышленными предприятиями, населенном людьми многочисленных профессий, зарождаются сказки, легенды и другие фольклорные материалы, передающиеся из поколения в поколение. Каждый житель, проживающий в данном регионе, знает историю Пашки коногона и легенду о казаке Сауре.

Также в городах и селах Донецкого края развивался свой особый фольклор, который был связан с жизнью казаков. Казаки считались известными острословами и теми людьми, которые всегда могли помочь в трудную минуту. С песнями казаки рождались, шли воевать и умирали. В их репертуаре песни исторические и сказочные. Еще в середине XIX в. был записан рассказ о казаке Сауре, которому не было равных в бою на саблях. Ученый М.Я. Олейников рассказывает о молодом казаке Сауре, защищавшем свою родную землю. В одном из сражений он был убит татарами, а на его месте был образован курган. Автор пишет: «…Но вот на него сзади накинули петлю, упал Саур, и засвистели над его телом клинки. В этот же миг вздрогнула и загудела земля, ударил гром небывалой силы, небо расколола молния. На месте гибели Саура вырос второй огромный курган. Татары от страха совсем растерялись и попали под острые сабли подоспевших казаков. Саура похоронили на вершине кургана» [6, с. 7]. С тех пор это место стали называть могилой Саура, т. е. Саур-Могилой, – самой известной могилой, которая в настоящий момент находится на территории Донбасса.

В культуре Донбасса важным является уникальный шахтерский фольклор. Отметим, что шахтерский юмор действительно является специфическим. С одной стороны, он может быть не очень понятным постороннему человеку, а с другой – кому-то как бальзам на душу. Только в определенных условиях рождается этот юмор, и он понятен людям, потому что они так живут. Все смешные истории рождаются сами собой на шахтах, ведь Донбасс – край шахтеров, а это самая опасная «мирная» профессия.

Здесь также существует песенная культура, в которую входят и романсы, и бытовые песни. Одна из самых популярных, ещё дореволюционных – песня «Коногон». Л. Жариков рассказывает историю о молодом шахтёре – коногоне Пашке [7], который писал песни, подхваченные его родной деревней и близлежащими поселками, хотя до поры не было известно, кто их автор. Судьба его была трагической, как и у большинства шахтеров Донецкого края: «Вот мчится лошадь по продольной, по узкой темной и сырой, а молодого коногона несут с разбитой головой… Двенадцать раз сигнал пробило, и клетка в гору понеслась. Подняли тело коногона, и мать слезою залилась» [7, с. 17]. Хотя легенда гласит, что такой поэт, как Пашка, даже смог смерть перехитрить и выжить. Душевные и жалостливые песни легли в основу многих произведений Донецкого региона.

Ещё один известный персонаж шахтёрского фольклора – Шубин. «Добрый Шубин» – это не

только марка местного пива на Донбассе, которую выпускают в донбасском крае уже свыше 20 лет, но и целый пласт сказов, связанных с этим легендарным персонажем, который помогает шахтерам в трудную минуту. По легенде, у Ивана Шубина был кофликт с хозяином шахты. Парня жестоко избили, бросили в шахту, где он, почуяв запах «рудничного газа» метана, вызвал искру и взорвал себя вместе с шахтой. С тех пор считают, что Шубин остался не только духом подземных выработок, но еще и персонажем шахтерского фольклора, которого часто изображали в виде гнома. В г. Донецке в парке кованых фигур установлен памятник Шубину, который является покровителем всех шахтеров.

В Донецком крае абсолютно все люди с уважением относятся к профессии шахтёра. Мужчины, которые связывают жизнь с этой профессией, должны обладать не просто определенным количеством знаний, но также физической силой, терпением и огромной силой воли. И порой только смех помогает шахтеру сохранять самообладание в непростых ситуациях. Авторы шахтерского фольклора в своих песнях отражают тяжелый шахтерский труд и показывают, что рядом с юмором – ощущение опасности бытия.

В землі він гроші огрібає,
У неділю водку пйєт [7, с. 55].

Шахтер в яму спущается,
С белым светом прощается.
Он там ходит со свечою,
А смерть носит за плечою [8, с. 59].

Опасность условий труда приводит к тому, что в рабочем шахтерском песенном творчестве часто встречается мотив прощания, который символизирует и прощание с солнцем, светом, а значит, и с жизнью, отрыв от земного мира, погружение в темноту, в небытие и в конце концов – смерть.

С. Мишецкий описывает жизнь шахтеров с давних времен. Он пишет: «…ежели кто не будет пить, то бранят ругательно; и хотя его и не знают, какой бы он человек ни был, однако его потчивают; в каком своем веселии и гулянии чрез немногие дни, удивления достойно, как они прогуливают великую сумму денег; и не токмо что полученную добычу, но и старое что имеют, в забытом своем пьянстве, пропивают, и входят от того в великие долги» [9]. Автор пишет, что такое громкое празднование побед, растрата всего, что было приобретено, и как результат необходимость снова «совершать подвиг» – спускаться в шахту, все эти моменты отражаются в рабочей среде в виде мифопоэтических текстов, фиксирующих определенный уже устойчивый концепт: отражено в следующей песне:

Шахтер голый, шахтер босый,
Шахтер курит папиросы.
Шахтер пашенки не пашет,
Косы в руки не берет,
Только кайлушком помашет,
Зато денежки гребет…
Получил получку я
Ровно двадцать два рубля,
Два рубля отдал домой,
Ну а двадцать – на пропой.

Американский исследователь Донбасса Г. Куромия пишет: «Безмятежность была частью мужественной культуры шахтеров, и кое-кто, например, легкомысленно зажигал сигареты в шахтах, где встречался газ, или у складов с динамитом» [10, с. 51]. Он говорил, что некий фатализм выступал способом борьбы со страхом, нивелировал отчаяние человека, помогал смириться с неизбежным. В то же время он давал силы жить дальше.

Таким образом, феномен комического является одним из древнейших в истории культуры. В научной литературе, посвященной обряду, мифу, лирическому и эпическому народному творчеству, смеху и юмору уделяется относительно небольшое место. Поэтому можно с уверенностью сказать, что само своеобразие народной смеховой культуры прошлого до настоящего момента является недостаточно раскрытым. Комическое и вызываемый им смех в обществе во многом способствуют изменению структуры и характера социума, соответственно расширяя степень его духовных свобод. Юмор и смех, даже когда их «внешнее» содержание может казаться чрезмерно критическим, стремятся сохранять уклад «серьезной жизни» и поведения людей, в обществе которых они используются. И в этой связи справедливо утверждение, что чем глубже комическое включено в социальную среду, тем в большей степени оно способствует ее сохранению или устойчивости. Пристальное внимание к актуальным проблемам дня позволяет комическому постоянно расширять границы исследования бытия, запечатлевая все новые явления, которые рождает действительность.

Литература

1. *Беляев И.Д.* О скоморохах // Временник имп. Московского общества истории и древностей российских. М. : Азбука, 1854. Кн. 20.

2. *Лихачев Д.С., Панченко А.М.* «Смеховой мир» Древней Руси. М. : Наука, 1976. 204 с.

3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования / пер. с англ. В. Руднева. М. : Знание, 1994. 693 с.

4. *Хрущева Е.А*. Национально-культурная основа анекдота : автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2009. 177 с.

5. *Коваленко А.* Адаптация. Как бывшему жителю Донецка почувствовать себя своим во Львове // Фокус. URL: https://focus.ua/country/361069/ (дата обращения: 20.06.2018).

6. *Олейников М.Я.* Саур-Могила : путеводитель. Донецк : Донбасс, 1976. 32 с.

7. *Жариков Л.* Шахтерские сказы. Донецк : Донбасс, 1987. 130 с.

8. *Абасов А*. Диалог цивилизаций – диалог культур – диалог религий // Глобальное управление на поворотном этапе: инновационные подходы к установлению мира в изменяющемся обществе. Баку : Дом сказки, 2003. 174 с.

9. *Мишецький С.* Історія про козаків запорозьких, як вони з давніх часів почалися, і звідки своє походження ведуть, і в якому стані тепер знаходяться. URL: http://litopys.org.ua/index.html (дата обращения: 20.02.2018).

10. *Куромія Г.* Свобода і терор у Донбасі // Українсько-російське прикордоння, 1870–1990-і роки. Киев : Основи, 2002. 510 с.

References

1. Belyaev I.D. [About the Buffoons]. *Vremennik imp. Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh* [Interim of the Em. Moscow Society of Russian History and Antiquities]. Moscow: Azbuka, 1854, vol. 20, pp. 76-77.

2. Likhachev D.S., Panchenko A.M. *«Smekhovoi mir» Drevnei Rusi* [“Comic World” of Ancient Russia]. Moscow: Nauka, 1976, 204 p.

3. Vitgenshtein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical studies]. Tr. from Engl. V. Rudnev. Moscow: Znanie, 1994, 693 p.

4. Khrushcheva E.A. *Natsional'no-kul'turnaya osnova anekdota*: avtoref. dis. … kand. filol. nauk [National-cultural basis of the anecdote]. Moscow, 2009, 177 p.

5. Kovalenko A. Adaptatsiya. Kak byvshemu zhitelyu Donetska pochuvstvovat' sebya svoim vo L'vove [Adaptation. As a former resident of Donetsk feel yourself in Lviv]. *Fokus*. Available at: https://focus.ua/country/361069/ (accessed 20.06.2018).

6. Oleinikov M.Ya. *Saur-Mogila* [Saur-grave]. Guide. Donetsk: Donbass, 1976, 32 p.

7. Zharikov L. *Shakhterskie skazy* [Miner's tales]. Donetsk: Donbass, 1987, 130 p.

8. Abasov A. [Dialogue of Civilizations - Dialogue of Cultures - Dialogue of Religions]. *Global'noe upravlenie na povorotnom etape: innovatsionnye podkhody k ustanovleniyu mira v izmenyayushchemsya obshchestve* [Global Governance at the Turning Point: Innovative Approaches to Peace Establishment in the Changing Society]. Baku: Dom skazki, 2003, 174 p.

9. Mishets'kii S. *Istoriya pro kozakiv zaporoz'kikh, yak voni z davnikh chasiv pochalisya, i zvidki svoє pokhodzhennya vedut', i v yakomu stani teper znakhodyat'sya* [The Story of the Cossacks of Zaporozhye, as they have been from Ancient Times, and Where Their Origin is, and in What State They are Now]. Available at: http://litopys.org.ua/index.html (accessed 20.02.2018).

10. Kuromiya G. [Freedom and Terror in the Donbass]. *Ukraïns'ko-rosiis'ke prikordonnya, 1870–1990-i roki* [Ukrainian-Russian Borderland, 1870-1990s]. Kiev: Osnovi, 2002, 510 p.

Поступила в редакцию / Received ***26 августа 2018 г. / August 26, 2018***

УДК 72.01 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-19-24

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ УТОПИЗМ Л. САБСОВИЧА: НА ПУТИ К «ИДЕАЛЬНОМУ ГОРОДУ»

© 2018 г. В.О. Хвостикова [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE URBAN UTOPIANISM OF L. SABSOVICH: ON THE WAY TO THE "IDEAL CITY"

V.O. Khvostikova [a]
[a]Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Хвостикова Василина Олеговна –
аспирант,
специалист по учебно-методической работе,
Институт философии
и социально-политических наук,
Южный федеральный университет,
пер. Днепровский, 116, г. Ростов-на-Дону,
344065, Россия.
E-mail: hvostikova@sfedu.ru

Vasilina O. Khvostikova -
Postgraduate,
Specialist on Educational and Methodical Work,
Institute of Philosophy
and Social and Political Studies,
Southern Federal University,
Dneprovskii Lane, 116, Rostov-on-Don,
344065, Russia.
E-mail: hvostikova@sfedu.ru

Рассматриваются сущность и структура урбанистического утопизма. За основу взята структура утопизма, которую создал И.Н. Неманов. Последовательно раскрывается, как урбанистический утопизм воплощается в проектах «идеального города», как такие проекты проходят критически-негативную стадию настроения, стадию умозрительного конструирования, и катарсическую. Анализируются причины, по которым ни один из проектов «идеального города» не был воплощен в полной мере, а многие и вовсе остались лишь на бумаге. Причина заключается в упрощенных взглядах большинства утопистов на общество.

Ключевые слова: *идеальный город, утопизм, урбанистический утопизм, стадии социального утопизма, Л. Сабсович, социалистические города.*

The essence and structure of urban utopianism is shown in the article. For this purpose, the structure of utopianism, which was created by I.N. Nemanov, is taken as a basis. The author consistently revealed how urban utopianism is embodied in the projects of the "ideal city". In the article it is revealed how the projects of "ideal cities" go through the stages of utopianism: the critical-negative stage of mood, the stage of speculative design, and the cathartic stage. As a result of the research, the reason becomes obvious why none of the projects of the "ideal city" has been fully implemented, and many of them have remained on paper only. The reason for this is the simplistic views of most Utopians on society.

Keywords: *ideal city, utopianism, urban utopianism, social utopian stage, L. Sabsovich, socialist cities.*

Введение

За всю историю человечества никакие виды деятельности так не изменили облик планеты, как рост городов и урбанизация. Эти процессы касаются не только развитых стран, но и развивающихся, где рост городов происходит быстрее, чем увеличивается общая численность населения. «Город превратился из места с богатой культурой и разветвленными социальными связями в место для жизни миллионов одиночек» [1]. Он был призван стать оплотом рациональности среди природных стихий, однако сам стал генератором иррациональности.

Зарождение города – это революционный феномен, несущий в себе утопические черты: «Город изначально складывался как проект будущего: люди покидали сельскую местность и отправлялись в города, чтобы освободиться от власти природы и построить будущее, которое они могли сами определять и контролировать. … Следовательно, город обладает имманентным ему утопическим измерением, поскольку он размещается за пределами есте-

ственного порядка. Место города – это утопос» [2, с. 383].

Такая связь утопического с концептом города должна в какой-то момент воплотиться в проекте «идеального города». Проекты «идеальных городов» создавались в прошлом и создаются сегодня, однако ни один из них не был полноценно реализован. Утописты продолжают создавать «города-сады» и «машины для жизни», их труды оставляют заметный след в культуре, но нерешенным остается вопрос: в чем же сущность урбанистического утопизма? Цель нашей статьи – рассмотреть суть урбанистического утопизма на примере проекта социалистических городов Л. Сабсовича.

1. Идеальный город в духовной жизни общества

Идеальный город был частью сюжета почти всех социальных утопий, начиная с Платоновской Атлантиды; с поселениями нового типа связывались первые жизнеустроительные эксперименты, которые стали осуществлять социалисты-утописты. Именно здесь и с наибольшей очевидностью обнаружилась несовместимость умозрительно созданного идеала и жизненных реалий.

По мере эволюции человеческих сообществ создавались новые формы «идеального города», так как на разных этапах исторического развития город обладает характерными чертами, отражающими ценностные установки и особенности социальной организации.

«Идеальный город» как концепт, т.е. совокупность вкладываемых в это понятие смыслов, занимает особое место в духовной жизни общества и является константой культуры. Меняется лишь вариативность описания: от города-крепости до автоматического города – «машины для жилья».

Тем временем ни один проект «идеального города» не воплощен, а города продолжают расти.

Влиятельный специалист в области урбанизма и градостроительства, теории и истории архитектуры, Л. Мамфорд (1895–1990) в книге «Город в истории» (1961) исследовал развитие городских цивилизаций. Жёстко критикуя разрастание современных городов, он утверждает, что во многих социальных проблемах западного общества виновата структура городов. Город, порождаемый социальными потребностями человека, увеличивает эти потребности, а также их формы и способы выражения. В качестве примера «идеального города» ученый использует средневековый город, в то время как современные мегаполисы близки к римским городам, так как им свойственно «расползаться». Л. Мамфорд признавал наличие кризиса городской культуры, подавленной растущими финансовыми и политическими структурами: «Физическое проектирование городов и их экономические функции являются вторичными по отношению к взаимосвязи с окружающей природной средой и духовными ценностями человеческого сообщества» [3, с. 92]. Таким образом, он признавал важность четкой и неизменной формы городского поселения для гармоничного сообщества.

Другой классик теории города М. Вебер отмечает, что у городов прошлого и настоящего нет однозначного понимания, в чём их конкретно-исторический смысл, имеется ли у города в целом устойчивая функция и программа [4]. Обычно исследователем задается несколько координат и на этом основании все населенные пункты делятся на город и «не-город». Для того чтобы дать ряд обобщений к изучению выявленных им проблем, он ввел категорию **идеального типа** в свою методологию. Эта категория используется в качестве инструмента и помогает в целях исследования сравнивать явления, объясняя их через отклонение от какого-либо идеального типа, находящегося в рамках реальных определений и определений-предписаний, представляющего собой ценностный ориентир.

То есть концепт «идеальный город» может служить инструментом: выстроив некую шкалу критериев его «совершенства», мы можем накладывать ее на существующие явления и выявить степень отклонения того или иного города от идеального типа. Эти критерии станут явными, когда мы рассмотрим структуру и сущность урбанистического утопизма.

2. Урбанистический утопизм: структура и сущность

Следует понять динамику и сущность урбанистического утопизма, чтобы через неё искать выходы в структуру данного феномена. И.Н. Неманов выделил несколько стадий социального утопизма [5, с. 99–112]. Последовательно раскрыв их, мы увидим, как они воплощаются на уровне создания проектов «идеального города».

Первой стадией, которую выделяет Неманов, является *настроение*, понимаемое как критически-негативная стадия, суд над действительностью с точки зрения идеалов.

Испокон веков в большинстве культур, в которых существуют города, имеется образ «идеального города» как эмоциональный ответ на сложности урбанизированной жизни. Однако здесь ещё нет места утопическому мышлению – его исходной точкой является момент, когда аморфное настроение, недовольство существующим порядком действительности превращается в *умонастроение,* отличающееся от предыдущей стадии зарождением аналитической работы и поиском позитивного решения. Умонастроение выступает высшей фазой настроения, но еще далеко от реальных действий. Утопист выбирает цели и путь, по которому он будет развивать свои идеи в области создания проекта «идеального города». Тотальное недоверие к существующему в наличных городах социальному порядку провоцирует выход на следующий этап – стадию *умозрительного конструирования*. Утопист не находит ответа на своё желание гармоничного общества в пространстве города и в опыте прошлого. Поэтому он стремится отстраниться от прошлого и настоящего. Однако вместо того чтобы решать частные проблемы, сразу переходит в сферу глобальных понятий, претендуя на создание универсальных решений.

Подобное стремление создать «гармоничное общество» в пространстве города не всегда вписывается в рамки объективной действительности, после чего утопист теряет связь с ее фактами. Он создает свой понятийный и категориальный аппарат, отбирая элементы по принципу «подходящего», «не подходящего». В такой системе нет места компромиссу – есть только «положительное» или «отрицательное».

На данной стадии конструируется модель «идеального города», где всё запрограммировано и регламентировано до мелочей. *Регламентация – один из критериев, по которому можно определить «идеальный город».* На этой же стадии складывается наиболее подходящая форма города, так как все «идеальные города» имеют чёткие границы и узнаваемые очертания. *Строгая, неизменная форма является вторым критерием «совершенства» города.*

На последней стадии, которую И.Н. Неманов называет *катарсической*, утопист окончательно теряет связь с объективной действительностью, придя к выводу, что поиск завершен, найден способ «осчастливить» человечество. Эмоциональный порыв снижает критичность мышления, что грозит углублением в мир фантазии. Это одна из причин «универсальности» предлагаемых решений.

Создав проект «идеального города», утопист впадает в абсолютизацию – он видит в своем проекте искомое, вечную гармонию общества, ответы на все вопросы о том, как создать совершенный социум инструментами градостроительства. *Гармоничное общество, создаваемое инструментами градостроительства – третий и главный критерий «совершенства» города.*

В абсолютизации общества растворяется личность, что окончательно уводит утописта в область общих рассуждений. Он в одиночку готов разрешить все разнообразные проблемы города: от регламентации семейной жизни до внешнеполитических отношений.

Таким образом, мы получаем урбанистический утопизм, структура которого имеет три уровня: на первом – урбанистический утопизм представляет собой состояние сознания, направленное на умозрительное конструирование образа-концепции «идеального города», на втором – это проект «идеального города» как продукт умозрительного конструирования, на третьем – это деятельность, направленная на реализацию проекта.

Итак, урбанистический утопизм – это трехуровневый конструкт, направленный на создание проекта «идеального города», который в свою очередь призван формировать новый тип социальных взаимоотношений.

Парадоксальна проблема утопических городских проектов – зачастую урбанистические утописты игнорируют социальные факторы. Планируя «города для людей», они акцентируют внимание на форме и функциях здания, но обходят стороной тех, для кого проект создается. В результате мы рискуем получить то, о чём полвека назад нас предупреждала Джейн Джекобс – пустые, безжизненные города. Урбанистические утописты порой возлагают обязанность изменить противоречия человеческой природы на архитектуру. Они полагают, что человек пластичен по своей сути и изменится в положительную сторону, если поместить его в подходящие условия.

В таком случае проектирование урбанистической утопии начинается с градостроительного плана, а не с социального прогнозирования.

4. «Социалистические города» Л. Сабсовича в контексте урбанистического утопизма

В качестве примера урбанистического утопизма можно использовать проекты советского авангарда. Коренные преобразования в структуре государства и общества, которые последовали за Октябрьской революцией, положили начало череде экспериментов во всех областях человеческой жизни, в том числе и в градостроительстве. Общество и власть требовали совершенно новых, революционных идей. В этих условиях сформировались архитектура и градостроительство советского авангарда.

Период первого послереволюционного пятилетия был временем сугубо теоретического конструирования «идеального социалистического города», экономические условия иного не допускали. Однако лабораторные поиски в области градостроительства не снижали градус дискуссий.

Поиск новых форм социально-пространственной организации общества привел к созданию концепции социалистического города. Одним из ее авторов был архитектор Леонид Сабсович, и мы остановимся на рассмотрении его идей, чтобы внимательно их изучить в контексте стадий урбанистического утопизма. Для этого изучим его теоретический труд «Социалистические города», написанный в 1930-е гг. – в самый разгар дискуссий по поводу создания нового образца социалистического поселения.

Прежде всего Сабсович в своей книге подвергает критике существующие города-гиганты: «Между тем современные города менее всего могут быть признаны поселениями, создающими нормальные, здоровые условия для жизни и здоровья трудящегося населения. Громадная скученность, жизнь в каменных клетках, оторванность от природы и т. д., все это – уродливости, созданные капиталистическим строем и неизбежно связанные с концентрацией промышленных и торговых предприятий в определенных пунктах» [6, с. 20].

Автор не видит в этих городах будущего, поэтому отказывает им в дальнейшем развитии. Капиталистические идеалы градостроительства, где общество одновременно скученно и разрозненно морально, подвергаются крушению с точки зрения желаемого. Размеры, принципы культурно-бытового обслуживания, организация быта, объемно-планировочная структура селитебной зоны – всё это неприемлемо с точки зрения социалистических идеалов.

Сельскохозяйственные районы также подвергаются критике автора, по причине их отсталости, разрозненности: «Обратное явление представляют собою наши “дикие”, некультурные деревни, в которых живет в настоящее время свыше сотни миллионов человек. Эти деревни – продукт еще докапиталистической эпохи. Мелкие, разбросанные густой сетью почти по всей территории европейской части Союза (в азиатской части Союза эти поселения гораздо реже), эти деревни и села продолжали существовать и в капиталистический период нашей страны. Многие из этих сел, приобщаясь к общему товарообороту страны, укрупнялись, население в них дифференцировалось, но в общей массе они продолжали оставаться теми же мелкими, некультурными поселениями, какими они были и в докапиталистическую эпоху» [6, с. 25].

Конфликт с действительностью существующих способов расселения и становится исходной точкой утопического мышления Сабсовича. Опыту прошлого нет места, настоящее подвергается всесторонней критике. Так в данном случае реализуется первая стадия урбанистического утопизма – *критически-негативная стадия настроения.*

Автор видит в будущем тотальные сдвиги, экономические, культурные и социальные, которые предстоит своими руками воплотить новому обществу. Он убежден, что за последующие 15 лет по всему миру будет построен социализм и старые способы расселения окажутся не жизнеспособны в данных условиях. Сабсович ищет позитивное решение, выход из ситуации, в которой оказалось урбанизированное общество.

Социалистический город выступает в роли идеала, и по мере рационализации представления о нем становятся всё ясней – фаза аморфного настроения превращается в фазу умонастроения. На этом этапе происходит выбор будущего направления и целевых установок. В результате аналитической работы появляется идея социалистического города, где принципы культурно-бытового обслуживания, организация быта совершенно противоположны тем, что имеются в наличии.

Сабсович задается вопросом, правильное ли направление он избрал. Для этого он сравнивает путь социалистической реконструкции города с путем постепенного улучшения жизни каждой отдельной семьи. В основе сравнения лежит оценка перспектив развития СССР в ближайшие 15 лет. Автором эти перспективы видятся гран-

диозными и традиционные города-гиганты с их скученностью, антисанитарией не подходят для ускоренного строительства социализма, где «рабочий класс не может не дорожить каждой рабочей единицей» [6, с. 22]. Деревни, наоборот, слишком разрозненны, чтобы на их базе можно было построить крупные сельскохозяйственные предприятия. Автор вовсе не видит будущего у деревень и утверждает, что процесс коллективизации будет осуществлен в ближайшие 1–1,5 года. Для рационализации своей идеи Сабсович приводит некоторую гипотетическую статистику темпов развития промышленности в ближайшие пять лет. Основываясь на темпах коллективизации за прошедшие два года, он утверждает в скором времени рост сельского хозяйства, производства тяжелой техники, а также: «превращение десятков миллионов разрозненных мелких крестьянских хозяйств в несколько десятков тысяч, а может быть, и в несколько тысяч крупных механизированных, химизированных и научно-поставленных сельскохозяйственных предприятий» [6, с. 17].

Таким образом, автор убеждается, что существующие способы расселения не подходят для реализации грандиозной затеи построения социализма.

Убедившись в своей правильности выбранного пути, он переходит к более продуктивной стадии утопизма – *умозрительному конструированию.* Его цель – создать проект поселения, какого нет и не было, так как всё, что существовало ранее, отметено как «вредный хлам». Сабсович не задается вопросами, почему люди все же стремятся в города-гиганты и как прекратить процесс урбанизации, который в 20-е гг. достиг невиданных масштабов. Также он не задается вопросом о реализуемости коллективизации в деревнях. Уходит в сторону от правильных умозаключений и стремится выработать универсальное, однозначное решение.

Таким решением становится социалистический город на 50–60 тысяч человек. Все в этом городе должно быть подчинено коллективной жизни – коллективному труду и коллективному отдыху. Все бытовые нужды должны быть обобществлены, чтобы освободить время на полезные занятия. То же самое с воспитанием детей – Сабсович выступает категорически против сожительства детей и родителей на одной площади. Основным типом жилого дома он видит дом-коммуну или жилкомбинат, где у каждого взрослого члена общества будет своя комната 5 кв. м.

Сабсович подробно описывает не только все помещения, общественные и индивидуальные, которые составят основные типы жилого дома. Он также в деталях описывает поведение людей, живущих там. Строгая регламентация сопровождает каждый вид предлагаемой деятельности, что лишний раз доказывает утопичность идей Сабсовича.

Катарсическая стадия в работе Сабсовича отчетливо видна в заключении. Его идеи достигают апофеоза и он требует радикального переустройства всего общества в ближайшем будущем: «…немедленный сплошной переход широким фронтом на путь радикального последовательно-социалистического переустройства быта, на путь создания новых социалистических городов и социалистической реконструкции существующих – вот к чему мы можем и должны приступить немедленно, не теряя ни минуты, начиная с текущего года» [6, с. 122].

Сабсович претендует на то, что нашел искомый способ расселения городов, вечную гармонию социума в обобществлении хозяйства, путь к полному удовлетворению всех потребностей трудящихся. Преграды в виде экономической и культурной отсталости страны должны быть преодолены одним прыжком, без промежуточных стадий. Однако «прыжок» не удался, так как Сабсович не учитывал многообразие человеческих связей в городе и упрощал сложную взаимосвязь социального и планировочного. Жителей социалистического города он рассматривал как автономные единицы, в сумме составляющие стройный механизм построения социализма.

То, что он называет «величайшей из величайших революций», абсолютизировано, а значит, далеко от объективной реальности. Жесткая унификация Л. Сабсовичем приемов градостроительства показала, что для него функционально обоснованное «жизнеустроение» не стоит на первом месте, гораздо важнее идеологическая составляющая. Тем не менее этот опыт имеет огромное значение для нас, так как на его примере можно рассмотреть и другие подобные проекты, что даст более четкую картину урбанистического утопизма.

Заключение

В ходе исследования мы пришли к выводу, что урбанистический утопизм начинается с градостроительного плана, а не с социального прогнозирования. В этом убеждает проект Л. Саб-

совича: создав «идеальный социалистический город», он возложил на его структуру создание «идеального социалистического человека». Он не был уникален в подобном взгляде на общество, его взгляд соответствует историко-культурному контексту 20–30-х гг. XX в. Углубившись в историю градостроительства, мы увидим и другие амбициозные проекты данного периода, авторы которых упрощают структуру и динамику общества.

Если город можно рассматривать как совокупность объектов, количество зданий, этажей и комнат, то к обществу данный способ рассмотрения совершенно неприменим. Общество оказывается чем-то большим, нежели совокупностью человеческих единиц, а человек чем-то большим, нежели деталью в механизме. Проведенный анализ показывает, что уже на этапе умозрительного конструирования утопист теряет понимание всей сложности общества. Катарсическая же стадия урбанистического утопизма может служить нам маркером, насколько создаваемый проект далек от реализуемости.

Но если рассматривать урбанистический утопизм не как альтернативу существующим городам, выйти за пределы образо-творчества, то можно увидеть, что иногда утопическое мышление выполняет крайне полезную функцию для наличной системы градостроительства: в самой первой стадии реализации урбанистический утопизм служит рефлексией на существующие проблемы жизни в городах. Мысленно экспериментируя, утопист осуществляет поиск проблем и способы улучшить жизнь в городах.

Все проекты «идеальных городов» заслуживают пристального внимания. Аналитическая работа, которую проделывает утопист на уровне эмоциональной сферы, может служить для рациональной умственной деятельности. Точно определив границу между этапами, на первом из которых утопист создает правильные частные умозаключения, а на втором – «уходит в сторону» универсальных решений, мы можем рационализировать правильные умозаключения и применить их в уже существующих городах.

Литература

1. Почему людям всегда нужны будут города? URL: http://bg.ru/city/virtualnye_tehnologii_vospolnjat_nehvatku_fiziches-22009/ (дата обращения: 26.06.2018).

2. *Гройс Б.* Политика поэтики : сб. ст. М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. 400 с.

3. City Reader / ed. R.T. LeGates, F. Stout. New York : Routledge, 2016.

4. *Вебер М.* История хозяйства. Город / пер. с нем.; под ред. И. Гревса. М. : КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 576 с.

5. *Неманов И.Н.* Социальный утопизм и общественная мысль // Методологические проблемы истории философии и общественной мысли. М., 1977. 217 с.

6. *Сабсович Л.* Социалистические города. М. : Московский рабочий, 1930. 124 с.

References

1. *Pochemu lyudyam vsegda nuzhny budut goroda?* [Why do People Always Need Cities?]. Available at: http://bg.ru/city/virtualnye_tehnologii_vospolnjat_nehvatku_fiziches-22009/ (accessed 26.06.2018).

2. Grois B. *Politika poetiki* [Politics of Poetics]. Col. art. Moscow: Ad Marginem Press, 2012, 400 p.

3. *City Reader*. Ed. R.T. LeGates, F. Stout. New York: Routledge, 2016.

4. Veber M. *Istoriya khozyaistva. Gorod* [History of Economy. City]. Tr. from Germ.; ed. I. Grevs. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole, 2001, 576 p.

5. Nemanov I.N. [Social Utopianism and Social Thought]. *Metodologicheskie problemy istorii filosofii i obshchestvennoi mysli* [Methodological Problems of the History of Philosophy and Social Thought]. Moscow, 1977, 217 p.

6. Sabsovich L. *Sotsialisticheskie goroda* [Socialist Cities]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1930, 124 p.

Поступила в редакцию / Received ***2 июля 2018 г. / July 2, 2018***

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ
HISTORICAL SCIENCE AND ARCHEOLOGY

УДК 94(470+57) «17/1917» DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-25-33

ПОЛКОВОЕ ДУХОВЕНСТВО ВОЙСКА ДОНСКОГО В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

© 2018 г. А.И. Агафонов [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

REGIMENTAL CLERGY OF THE DON ARMY IN THE 19th - EARLY 20th CENTURY (FORMULATION OF THE PROBLEM)

A.I. Agafonov [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Агафонов Анатолий Иванович –
доктор исторических наук, профессор,
кафедра специальных исторических дисциплин
и документоведения,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: aiagafonov@sfedu.ru

Anatoly I. Agafonov -
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of Special Historical Disciplines
and Records Keeping,
Institute of History and International
Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: aiagafonov@sfedu.ru

Учреждение военного духовенства в Российской империи в начале XVIII в. стало важным направлением государственной идеологии и политики, духовно-нравственного воспитания солдат, офицеров и генералов русской армии.

Исследуется образование и развитие донского войскового, епархиального и военного (полкового) духовенства, показывается, что оно протекало на широкой полиэтнической и поликонфессиональной основе в условиях вовлечения казачества в политическое и административно-правовое поле Российской империи.

В результате политики правительства в XIX – начале XX в. в донских казачьих полках и дивизиях было сформировано полковое, а в Области войска Донского епархиальное духовенство, определены его статус и отличия, права и обязанности, деятельность в мирное и военное время. Институт полковых священников в Войске Донском и донских казачьих полках функционировал на принципах института полковых священников русской регулярной армии, но в то же время имел особенности, связанные с жизнью казачества как военно-служилого сословия.

Ключевые слова: *Российская империя, военное духовенство, духовно-нравственное воспитание, донское казачество, Войско Донское, епархиальное духовенство, полковые казачьи священники.*

The institution of military clergy in the Russian Empire in early 18th century became the important direction of state ideology and politics, spiritual and moral education of soldiers, officers and generals of the Russian army.

The article examines the formation and development of the Don military, diocesan and military (regimental) clergy, shows that it took place on a wide multi-ethnic and multi-religious basis in the conditions of involvement of the Cossacks in the political, administrative and legal field of the Russian Empire.

The author came to the conclusion that as a result of the policy of the government in the 19th - early 20th centuries in the Don Cossack regiments and divisions the regimental, and in the Area of army of Don diocesan clergy was formed, its status and differences, the rights and duties, activity in peace and war time are defined. The Institute of regimental priests in the army of the Don and Don Cossack regiments functioned on the principles of the Institute of regimental priests of the

Russian regular army, but at the same time had features associated with the life of the Cossacks as a military-serving class.

Keywords: *Russian Empire, military clergy, spiritual and moral education, Don Cossacks, Don Army, diocesan clergy, regimental Cossack priests.*

Полковое духовенство Войска Донского как научная проблема является одной из малоизученных тем конфессиональной и военной истории донского казачества. В исследованиях по истории военного духовенства Российской империи, епархиального духовенства Области войска Донского она не нашла отражения, преимущественно рассматривались отношения казачества, церкви и государства [1–13]. Военное духовенство, по мнению А.С. Павлова, представляло собой особый класс, образованный царем Петром Великим, стоящий вне епархий [14, с. 181]. Его формирование на Дону, по нашему мнению, тесно связано с генезисом казачества, являлось составной частью и в то же время определенной сословной группой российского епархиального и военного духовенства.

Полковая система донского казачества стала складываться в XVII в., прошла путь от ватаг, общин, отрядов и артелей. К русско-польской войне 1654–1666 гг. уже появились полки трехсотенного состава, имелись особенности призыва, комплектования, вооружения, материального и военно-технического обеспечения, управления.

Одновременно формировалась система духовного окормления казачества. В XVI – XVII вв. не существовало в Земле Донских казаков епархий, она канонически подчинялась главе Русской православной церкви. Сношения архипастыря с паствой происходили через посредство Посольского приказа, который направлял все духовные дела казаков патриарху. Его Святейшество разрешал строительство церквей и их освящение, назначал по приглашению Войска священников [15, с. 54, 55].

В общей практике Донского Войска церковно- и священнослужители избирались или назначались Войсковым кругом преимущественно из казачьего сословия, он также принимал и исключал из состава Войска беспоместных священнослужителей, которые приходили из центральных уездов России и Малороссии на Дон. Войсковой круг определял их в приходы, следил за отправлением служб, в случае неудовлетворительного исполнения отстранял от службы и даже лишал духовного сана. Войсковой круг поддерживал отношения по духовным делам с Московской патриархией, принимал или отсылал обратно назначаемых в Войско священнослужителей, получал из Патриархии священные книги и оклады для них, колокола и медь для колоколов, кресты, иконы, церковную утварь и т.д. [15, с. 57–58].

Действительно Войско Донское следило за духовным окормлением казачества. Так, в 1630 г. прибыла в Москву станица под начальством атамана Наума Васильева. При обыске были обнаружены «псалтыри, часовники, минеи, апостол, все печатные». На допросе в Посольском приказе атаман сказал, что это имущество принадлежит Донскому Войску. Казаки имели небольшие иконы: «образы складни писаны на краске; образы складни тройня на краске писаны; складни тройные обложены серебром и сканью, другие двойные в киоте ис краске; образ Богородицы, обложен серебром, жемчугом да 4 камнями; образы Николы чудотворца, Евангелие напрестольное» [16, стб. 323–334].

После реформы патриарха Никона в Земле Донских казаков сложились первые раскольничьи скиты, пустыни и обители на реках Дон, Медведица и Чир, образовалась одна из крупнейших в России староверческая община, влившаяся в казачество. Она имела свои молельные дома, храмы и монастыри, многочисленные вероисповедные и культовые отличия, подняла в 1688–1689 гг. на юге страны мощное восстание защитников «старой веры» [15, 17].

Следует иметь в виду, что по указам императора Петра I и российским законам вплоть до конца XIX в. староверы (раскольники) не имели права занимать офицерские, какие-либо священнические и общественные должности, им запрещалось строить церкви и иметь при них колокола, совершать крестные ходы и публичные процессии в церковных облачениях, публичное ношение икон, и т.д. [14, с. 369–370], но при этом, будучи казаками, они несли все тяготы военной службы.

Должность старообрядческого священника, несмотря на большое количество паствы, в армии не предусматривалось. Старообрядческие священнослужители до 1913 г. не признавались государством в качестве духовных лиц. Только во время Первой мировой войны правительство учредило должности старообрядческих священнослужителей [18, с. 47]. Таким образом, донское

казачество в XVI – XVII вв. и формировавшееся в дальнейшем не представляло собой единой в конфессиональном отношении общины, что учитывалось государством и св. Синодом при проведении духовной политики на Дону.

После Азовских походов 1695–1696 гг. царя Петра I Земля Донских казаков была административно включена в состав Российского государства, а с 18 марта 1718 г. канонически подчинялась епархии Воронежской и Елецкой. С 28 января 1724 г. донские церкви и монастыри перешли под управление Воронежских архиереев [19, с. 306–307]. На Дону стали формироваться два вида духовенства – войсковое и епархиальное, первое – включало лиц казачьего происхождения, второе – казачьего и переселенцев из различных губерний Российской империи. К тому же войсковое духовенство представляло ортодоксальное христианство и различные православные староверческие (раскольнические) течения.

30 марта 1716 г. царь Петр I «учинил Воинский устав, чтобы всякий чин знал свою должность». «Устав» устанавливал в российской регулярной армии должность обер-полевого священника и закладывал основы института полковых священников, определял требования к их личным качествам и основные обязанности [20, с. 204, 240]. Эти положения Воинского устава не распространялись на Войско Донское, казачья самобытная и обособленная от императорской армии военная организация и управление не позволяли ввести «регулярство». К тому же правительству только предстояло создать на Дону церковную жизнь и сформировать духовенство на имперских условиях, правилах и требованиях.

Длительное время церкви и храмы, строившиеся на Дону, не имели единой системы подчинения и управления. В течение XVIII – начала XIX в. шла напряженная с переменным успехом борьба за власть в церковных делах между войсковыми атаманами и архиепископами епархии Воронежской и Елецкой. Войсковые атаманы и старшины определяли к церквам дьяков и пономарей, давали при этом грамоты за войсковой и собственными печатями, отказывались проводить перепись войскового духовенства, настаивая на том, что оно казачьего происхождения, отрешали от должностей священников, назначенных архиереем. Правительство не имело четкой позиции по данному вопросу, оно, с одной стороны, поддерживало войсковых атаманов и старшин, с другой – нередко становилось на сторону Воронежских архиереев [21–23].

В последующие столетия институт полковых священников развивался и укреплялся. 14 апреля 1801 г. император Павел I назначил священнослужителей во флоты и полки, а также указал, чтобы должность полевого обер-священника стала постоянной [24, с. 611]. В штатных расписаниях лейб-казачьей команды, строевых донских казачьих полков и конной артиллерии в XVIII – первой половине XIX в. должности полковых священников не указывались [25–28].

Следует подчеркнуть, что в систему имперского духовного военного управления одним из первых донских полков вошел лейб-гвардии Казачий полк. В 1816 г. при императоре Александре I из ведомства обер-священника армии и флота отчислено было духовенство гвардейских полков и подчинено ведомству особого, вновь учрежденного обер-священника Главного штаба и гвардии, который соединял в своем лице и звание царского духовника [14, с. 181–182].

Казаки, офицеры и генералы гвардейских частей Войска Донского, дислоцировавшихся в Петербурге, придворной Донской казачьей команды – лейб-гвардии Казачьего, с 1832 г. – лейб-гвардии Атаманского полков являлись в разные годы прихожанами церкви Благовещения Пресвятой Богородицы и св. Благоверного кн. Александра Невского, затем Троицкого собора Александро-Невской лавры. 3 октября 1860 г. церковь, построенная на третьем этаже углового корпуса казарм на войсковые и казаков средства, была освящена протопресвитером В.Б. Бажановым в присутствии атамана казачьих войск Российской империи, наследника престола цесаревича Николая Александровича. Церковь Гвардейских казачьих частей в честь св. Иерофея, епископа Афинского стала полковым храмом для лейб-гвардии Казачьего и лейб-гвардии Атаманского полков. В штатах этих полков священники служили постоянно [29, 30].

Для четырех сотен Атаманского полка, оставшихся в Новочеркасске при войсковых атаманах, полковым храмом становится деревянный (позднее каменный) войсковой кафедральный собор в честь Вознесения Господня [31].

Казаки-артиллеристы лейб-гвардии 6-й Донской казачьей Его Величества батареи Гвардейской конноартиллерийской бригады состояли прихожанами Павловской гарнизонной церкви в честь св. Николая Чудотворца (г. Павловск С.-Петербургской губ.) [30, с. 80–81].

По указу императора Николая I и решению Святейшего Синода 5 апреля 1829 г. в Новочер-

касске открылась новая епархия «Новочеркасская», а новоучреждавшийся архиерей получил именование «Новочеркасский и Георгиевский». Это стало важным этапом развития и укрепления позиций государства и православной церкви на Дону [32, с. 230–232].

Согласно «Положению об управлении Донского Войска» от 26 мая 1835 г., все духовенство как казачьего происхождения, так и иногороднее подчинялось местному епархиальному начальству (епархии Новочеркасской и Георгиевской), подлежало его распоряжению и суду. В то же время в специальной главе Положения… «Об отношении Войскового начальства к духовной части» вопрос о военном (полковом) духовенстве не рассматривался [28, с. 141–145].

В XIX в. система военного духовенства совершенствовалась, распространялась на донские казачьи полки и конноартиллерийские батареи. Утвержденное 26 февраля 1890 г. «Положение о Полевом Управлении войск в военное время» определяло полномочия, права и обязанности Полевого главного священника, а также его отношения с благочинными и полковыми священниками, их место и действия во время сражения [33, с. 133–134]. 12 июня 1890 г. император Александр III утвердил Положение об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомств. С этого времени, как и в регулярной российской армии, в штатах гвардейских и строевых казачьих полков, конноартиллерийских батарей предусматривались на постоянной основе полковые священники [34, с. 470–481].

Заведование всеми церквами и духовенством военного и морского ведомства вверялось духовному лицу, который именовался протопресвитером военного и морского духовенства. Положение… определило организацию военного духовенства, его управление, права и обязанности должностных лиц в мирное и военное время, характер и содержание отношений между военным и епархиальным духовенством, чинопроизводство, награждение, материальное и пенсионное обеспечение, систему управления военными храмами и причтами при них, стирало различия и особенности в духовном окормлении, существовавшие в российской армии, стало обязательным к исполнению в Войске Донском.

В течение XVIII – начала XX в. объем полномочий и обязанностей полковых священников изменялся, дополнялся и совершенствовался. Они обязаны были проводить службы, наблюдать за нравственностью военнослужащих, соблюдать посты, бороться с прелюбодеянием, осуществлять миссионерскую деятельность, заниматься просвещением и образованием казаков, вести беседы на религиозные темы, быть примером к соблюдению военной дисциплины и уважения к закону. Военные священники могли совершать духовные требы только для лиц, состоящих в одном с ними ведомстве, но не в приходах церквей епархиальных [14, с. 182].

Богослужения в полках совершались, как правило, в воскресные и праздничные дни, в так называемые высокоторжественные дни: именин членов императорской семьи, в годовщины побед русского оружия и в праздники воинских частей. Посещение богослужений являлось обязательным для всего личного состава войск православного исповедания, что подкреплялось специальными распоряжениями командиров воинских частей [35].

Под руководством протопресвитера Г.И. Шавельского в 1914 г. была разработана и утверждена Инструкция обязанностей военного священника на поле боя и в тылу. Она определяла место и род занятий всем категориям военных священников. Помимо вышеназванных обязанностей полковой священник должен был 1) помогать врачу в перевязке ран; 2) заведовать выносом с поля боя убитых и раненых; 3) извещать родных о смерти воинов; 4) организовывать в своих частях общества помощи семьям убитых и увечных воинов; 5) заботиться о поддержании в порядке воинских могил и кладбищ; 6) устраивать походные библиотеки [18, с. 52].

Личный состав военного (полкового) духовенства, его происхождение, семейное положение, образовательный уровень, материальное положение, прохождение службы, чинопроизводство и награды являются важной проблемой, которая требует тщательного изучения. Важно учитывать, что на Дону хронически не хватало священно- и церковнослужителей, это осложняло деятельность епархии и духовенства. Прежде всего необходимо было обеспечить все существовавшие и строившиеся церкви, храмы и монастыри, а также пребывавшие на службе полки и народное ополчение в период войн (до 80 казачьих полков).

Чтобы ослабить остроту кадровой проблемы в Земле Донского войска императрица Елизавета Петровна учредила в 1746 в г. Черкасске Войсковую латинскую семинарию. Она просуществовала двенадцать лет и в связи с пожаром в 1758 г. закрылась. Попытки Воронежских архиереев Ки-

рилла и Иоанникия восстановить семинарию наталкивались на сопротивление войсковых атаманов Д.Е. и С.Д. Ефремовых. Только епископу Тихону Задонскому удалось в 1766 г. создать в Черкасске духовное училище, но через три года его деятельность прекратилась из-за отсутствия средств. Прошло более ста лет, прежде чем 1 октября 1868 г. в Новочеркасске открылась Донская духовная семинария. Первым ректором был назначен епископ Мефодий – кандидат богословия, выпускник Петербургской духовной академии [36–38].

Образовательная деятельность епархии Донской и Новочеркасской и деятельность Св. Синода, направлявшего на Дон выпускников духовных семинарий из Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Петербургской губерний, не смогла заполнить все вакансии церковно- и священнослужителей в приходах, а также таковые должности в полках. В XIX – начале XX в. в донские казачьи строевые полки и конноартиллерийские батареи полевые обер-священники, протопресвитеры назначали временных полковых священников из других епархий. Но следует сказать, что и донские священники служили в полках и дивизиях регулярной армии [протодиакон Новочеркасского кафедрального собора в честь Вознесения Господня о. Александр (Власов), священник 17-го Донского казачьего генерала Бакланова полка о. Николай (Бутков), и др.] [35]. К 1917 г., по данным К.Г. Капкова, все казачьи дивизии были укомплектованы священнослужителями [18, с. 40].

В 1798 г. к Донскому Войску были причислены Дербетовые калмыки, на которых распространялись с определенными изъятиями законы Российской империи. Для управления калмыками создано Калмыцкое кочевье в составе Земли Донского Войска под управлением чиновника (пристава над калмыками) Войсковой канцелярии. В начале XIX в. калмыки стали привлекаться к несению казачьей службы [39, 40].

С 1839 г. буддийское ламаистское духовенство окормляло казаков-калмыков, так же как и православное духовенство казаков Войска Донского. Для каждой сотни полагался свой хурул (молитвенный дом), при нем 12 духовных лиц: 4 гелюна (жреца), 4 гецуля (монаха второй монашествовавшей степени) и 4 манжика (младших духовных лиц в хуруле). Высшим духовным лицом донских калмыков являлся бакша-лама [41, с. 355]. Для 13 сотен казаков-калмыков, служивших в Войске Донском в 1849 г., штатами предусматривалось 156 представителей ламаистского духовенства. В 1915 г. бакша-лама донских калмыков Менько Барманжинов по представлению Главного штаба был награжден орденом св. Анны II степени, в 1916 г. атаман Войска Донского представлял его к ордену св. Станислава I степени [18, с. 46].

Одной из слабо изученных страниц донской и российской истории является участие полкового духовенства в войнах России XVII – начала XX в. и его награждение. Длительное время в системе войскового и военного полевого управления не существовало четкого определения священнослужителей в полки, их служебных обязанностей, а также положения после возвращения казачьих полков на Дон и роспуска на льготу. Часто обязанности священнослужителей возлагались на грамотных казаков, знающих правила и требования церковной службы. Они на льготе и при очередном выходе с полком на службу не сохраняли за собой священнические права и преимущества [23, с. 226–227].

Сведений о прямом участии донских полковых священников в боевых действиях не имеется, но их награды свидетельствуют о том, что они мужественно выполняли свой долг, благословляли казаков на полях сражений, там же отпевали погибших, принимали, перевязывали и напутствовали тяжело раненных, помогали санитарам и врачебному персоналу. Нередко в окопах полковые священники делили с солдатами и казаками хлеб и воду, жизнь и смерть [42, с. 1790–1791].

В 1914–1917 гг. за подвиги на полях сражений Первой мировой войны были награждены донские полковые священники Золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте: о. Тимофей (Колобовников Тимофей Иванович) – иеромонах, 53-й Донской казачий полк; о. Василий (Кравченко Василий) – 4-я Донская казачья дивизия; о. Николай (Мошняг Николай) – 6-й Донской казачий полк; о. Стефан (Шепелев Стефан Симеонович) – 17-й Донской казачий полк [43].

Революционные события 1917 г. оказали огромное влияние на Войсковое и полковое духовенство. 26 апреля 1917 г. Чрезвычайный съезд Донского епархиального духовенства и мирян выразил удовлетворение падением старого режима, поддержал Временное правительство и также высказался за продолжение войны до победного конца, отделение церкви от государства, созыва Поместного собора для организации на новых началах церковной жизни и невмешатель-

ства церкви в политические события и дела государства.

Эти предложения были поддержаны полковым духовенством Кавказской армии, Западного, Юго-Западного и Северного фронтов, а также Вторым Всероссийским съездом военного и морского духовенства, состоявшимся 1–11 июля 1917 г. в Могилеве (губернском). В то же время съезд подчеркнул, что в условиях войны «военное духовенство будет и впредь нести подвиг совместного служения с русским воином» [44].

Для подготовки и участия в Поместном соборе были избраны делегатами по основаниям полномочий военные священнослужители. Они внесли большой вклад в разработку документов о статусе и положении военного и морского духовенства, их правах и обязанностях, материальном обеспечении и т.д. [45, с. 111–112].

В годы Гражданской войны система духовного окормления казачества разрушилась, а затем Советская власть ее полностью уничтожила. Некоторые полковые священники эмигрировали, большинство подверглись репрессиям в 20−30-х гг. XX в. Их духовный подвиг сохранился в памяти казачества и в условиях возрождения российского и зарубежного казачества нуждается в тщательном научном изучении и сохранении.

Литература

1. *Аверьянов Ю.* Казаки и церковь (из истории) // Вера и мужество.1994. № 4.

2. *Агафонов А.И.* Политика российского правительства на Дону в конце XVIII – начале XX в. по отношению к неправославным этноконфессиональным группам населения // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (К 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) : материалы Всерос. (с международным участием) науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2014.

3. *Агафонов А.И.* Роль русской православной церкви в окормлении донских полковых музеев в России и эмиграции // Война и воинские традиции в культурах народов юга России : VI Токаревские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.). Ростов н/Д. : Альтаир, 2017.

4. *Агафонов А.И.* Участие епархии Донской и Новочеркасской в сохранении духовного и культурно-исторического наследия донского казачества в XIX – начале XX в. // XXVI Международные Рождественские образовательные чтения. Казачье направление Рождественских чтений. 25 января 2018 г. Москва. URL: http://www.skvk.org/52859 (дата обращения: 05.05.2018).

5. *Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. − 1918 г.) : исследования и материалы. М. : Индрик, 2011. 920 с.

6. *Барсов Т. В*. Об управлении русским военным духовенством. СПб. : Тип. Ф. Г. Елеонского и К°, 1879.

7. *Поляков Г.,* протоиерей. Военное духовенство России. М. : ТИИЦ, 2002. 536 с.

8. *Римский С.В*. Православная церковь и государство в XIX веке. Донская епархия от прошлого к настоящему. Ростов н/Д., 1998. 336 с.

9. *Сизенко А.Г.* Церковный клир церквей Войска Донского (городские, станичные, хуторские, слободские, станционные, поселковые и сельские) XVIII – 1918 г.: фактографический справочник. Ростов н/Д. : Донской издательский дом, 2018. 964 с.

10. Столетие военного министерства 1802–1902. Т. 13 : Управление церквами и православным духовенством военного ведомства: исторический очерк / сост. протопресвитер А.А. Желобовский, сотрудники: протоиерей Н. Каллестов и священник Ф. Ласкеев. СПб., 1902.

11. Столетие Военного Министерства. Главное управление казачьих войск: исторический очерк / сост. А.И. Никольский. СПб. : Синодальная типография, 1902. Т. XI, ч. 1.

12. *Чимаров С.Ю.* Русская православная церковь и Вооруженные Силы России в 1800–1917 гг. СПб. : Нестор, 1999. 272 с.

13. *Шавельский Г.И.* Военное духовенство в борьбе России с Наполеоном. СПб. : Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1912. 31 с.

14. *Павлов А.С*. Курс церковного права. СПб. : Лань, 2002. 384 с.

15. *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб. : Тип. И.Н. Скороходова, 1889. 335 с.

16. Русская историческая библиотека. Т. 18 : Донские дела. СПб. : Изд. Археографической Комиссии, 1898. Кн. 1.

17. *Сень Д.В.* Старообрядчество на Дону в конце XVII века. Ч. 1–2 // Донской временник. Год 2013-й. Ростов н/Д. : ДГПБ, 2012.

18. *Капков К.Г.* Памятная книга Российского военного и морского духовенства XIX – начала XX века : справочные материалы. М. : Летопись, 2008. 752 с.

19. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск : Тип. А.А. Карасева, 1891. Т. 1.

20. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее − 1ПСЗ). СПб., 1830. Т. V. № 3006.

21. 1ПСЗ. Т. X. № 7331.

22. 1ПСЗ. Т. XII. № 9299.

23. 1ПСЗ. Т. XVII. № 12454.

24. 1ПСЗ. Т. XXVI. № 19835.

25. 1ПСЗ. Т. XLIII: Книга штатов. Ч. 1: Штаты военно-сухопутные (1711–1800): 1762–1796.

26. 1ПСЗ. Т. XXV. № 18673.

27. 1ПСЗ. Т. XXVII. № 20921.

28. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1830–1884 (далее – 2ПСЗ). Т. X. № 8163. Ч. 2: Штаты и табели.

29. *Агафонов А.И.* Дом русской славы в Париже // Пространство и время. 2017. № 2–4 (28–30).

30. *Цитович Г.А.,* священник. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание : в 2 ч. Пятигорск : Типо-литография б. А.А. Нагорова, 1913.

31. *Краснов П.Н.* Атаманская памятка. Краткий очерк истории лейб-гвардии Атаманского Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича полка. 1775–1900. М. : Белая армия, 1992.

32. 2ПСЗ. Т. IV. № 2799.

33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1884–1916 (далее – 3ПСЗ). Т. X. Ч. 1. № 6609.

34. 3ПСЗ. Т. X. Ч. 1. № 6924.

35. *Шавельский Г.И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии Г.И. Шавельского. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/shavelsky_gi/24.html (дата обращения: 10.03.2018).

36. *Кириллов А.А.* К истории народного образования на Дону // СОВДСК. Новочеркасск, 1904. Вып. 4.

37. *Кириллов А.А*. К истории народного просвещения на Дону. О войсковой латинской семинарии // СОВДСК. Новочеркасск, 1902. Вып. 3.

38. Открытие Донской духовной семинарии // Донские епархиальные ведомости. 1869. № 1, 3.

39. 1ПСЗ. Т. XXV. № 18651.

40. 1ПСЗ. Т. XXVII. № 20718.

41. 3ПСЗ. Т. XXXI. Ч. 1. № 35210.

42. Война и наши пастыри духовные. Отзывы раненых солдат о военных священниках // Донские епархиальные ведомости. 1914. № 35. 11 дек.

43. Георгиевские кавалеры – священнослужители: именные списки. URL: http://www.history-ryazan.ru/node/10034 (дата обращения: 10.03.2018).

44. *Бабкин М.А*. «Спасите же Россию … от немецкой неволи, которая страшнее была бы и татарщины, и барщины». Православное военное и морское духовенство России в марте – июле 1917 г. // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. URL: http://history.milportal.ru/2012/03/spasite-zhe-rossiyu (дата обращения: 15.04.2018).

45. Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. Священный Православный собор. Деяния. М. : Издание Соборного совета. 1918; Переизд. М. : Новоспасский монастырь, 1994. Кн. 1. Вып. 1.

References

1. Aver'yanov Yu. Kazaki i tserkov' (iz istorii) [Cossacks and the Church (from history)]. *Vera i muzhestvo*.1994, No. 4.

2. Agafonov A.I. [Policy of the Russian government on the Don in the end of 18th - early 20th centuries towards non-Orthodox ethno-confessional groups]. *Nauchnoe nasledie professora A.P. Pronshteina i aktual'nye problemy razvitiya istoricheskoi nauki (K 95-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya rossiiskogo uchenogo)* [Scientific Heritage of Professor A.P. Pronstein and Actual Problems of Development of Historical Science (To the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist)]. Proceedings of the all-Russian (with international participation) Scientific-Practical Conference. Rostov-on-Don, 2014.

3. Agafonov A.I. [The Role of the Russian Orthodox Church in the Care of the Don Regimental Museums in Russia and Emigration]. *Voina i voinskie traditsii v kul'turakh narodov yuga Rossii* [War and Military Traditions in the Cultures of the South of Russia]. 6th Tokarev Readings. Proceedings of the all-Russian Scientific-Practical Conference (Rostov-on-Don, May 4-5, 2017). Rostov-on-Don: Al'tair, 2017.

4. Agafonov A.I. [Participation of the Diocese of Don and Novocherkassk in the Preservation of the Spiritual, Cultural and Historical Heritage of the Don Cossacks in the 19th - early 20th Centuries]. *XXVI Mezhdunarodnye Rozhdestvenskie obrazovatel'nye chteniya. Kazach'e napravlenie Rozhdestvenskikh chtenii* [16th International Christmas Educational Reading. Cossack Direction of Christmas Readings]. January 25, 2018, Moscow. Available at: http://www.skvk.org/52859 (accessed 05.05.2018).

5. Babkin M.A. *Svyashchenstvo i Tsarstvo (Rossiya, nachalo XX v. − 1918 g.): issledovaniya i materialy* [Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of 20th century − 1918). Research and materials]. Moscow: Indrik, 2011, 920 p.

6. Barsov T.V. *Ob upravlenii russkim voennym dukhovenstvom* [On the Management of the Russian Military Clergy]. Saint Petersburg: Tip. F. G. Eleonskogo i K°, 1879.

7. Polyakov G., protoierei. *Voennoe dukhovenstvo Rossii* [Russian Military Clergy]. Moscow: TIITs, 2002, 536 p.

8. Rimskii S.V. *Pravoslavnaya tserkov' i gosudarstvo v XIX veke. Donskaya eparkhiya ot proshlogo k nastoyashchemu* [Orthodox Church and State in the 19th Century. Don Diocese from the Past to the Present]. Rostov-on-Don, 1998, 336 p.

9. Sizenko A.G. *Tserkovnyi klir tserkvei Voiska Donskogo (gorodskie, stanichnye, khutorskie, slobodskie, stantsionnye, poselkovye i sel'skie) XVIII – 1918 g.* [Church Clergy of the Churches of the Don Army (urban, stanitsa, farm, slobodian, station, village and rural) 18th – 1918]. Factual Graphical Guide. Rostov-on-Don: Donskoi izdatel'skii dom, 2018, 964 p.

10. *Stoletie voennogo ministerstva 1802–1902* [Century of the Ministry of war 1802-1902]. Vol. 13. Management of Churches and Orthodox Clergy of the Military Department. Historical Essay. Col. protopresviter A.A. Zhelobovsky, staff: archpriest N. Kallestov and priest F. Laskeev. Saint Petersburg, 1902.

11. *Stoletie Voennogo Ministerstva. Glavnoe upravlenie kazach'ikh voisk* [Century of the Ministry of War. The Main Office of the Cossack Troops]. Historical Essay. Origin. A.I. Nikolsky. Saint Petersburg: Sinodal'naya tipografiya, 1902, vol. XI, ch. 1.

12. Chimarov S.Yu. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' i Vooruzhennye Sily Rossii v 1800–1917 gg* [Russian Orthodox Church and Armed Forces of Russia in 1800-1917]. Saint Petersburg: Nestor, 1999, 272 p.

13. Shavel'skii G.I. *Voennoe dukhovenstvo v bor'be Rossii s Napoleonom* [Military Clergy in Russia's Struggle with Napoleon]. Saint Petersburg: Tip. T-va I.D. Sytina, 1912, 31 p.

14. Pavlov A.S. *Kurs tserkovnogo prava* [Course of Church Laws]. Saint Petersburg: Lan', 2002, 384 p.

15. Druzhinin V.G. *Raskol na Donu v kontse XVII veka* [Split on the Don at the End of 17th Century]. Saint Petersburg: Tip. I.N. Skorokhodova, 1889, 335 p.

16. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. 18. Don Business. Saint Petersburg: Izd. Arkheograficheskoi Komissii, 1898, book 1.

17. Sen' D.V. [The Old Believers on the Don at the End of the 17th Century. Part 1-2]. *Donskoi vremennik. Year of 2013* [Don Annals. 2013]. Rostov-on-Don: DGPB, 2012.

18. Kapkov K.G. *Pamyatnaya kniga Rossiiskogo voennogo i morskogo dukhovenstva XIX – nachala XX veka: spravochnye materialy* [Memorable Book of the Russian Military and Naval Clergy of 19th - early 20th Centuries]. Resource Materials. Moscow: Letopis', 2008, 752 p.

19. *Akty, otnosyashchiesya k istorii Voiska Donskogo, sobrannye general-maiorom A.A. Lishinym* [Acts Relating to the History of the Don Army, Collected by Major General A.A. Lishin]. Novocherkassk: Tip. A.A. Karaseva, 1891, vol. 1.

20. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe* (dalee − 1PSZ) [Full collection of laws of the Russian Empire. Coll. First (further - 1FCL)]. Saint Petersburg, 1830, vol. V, No. 3006.

21. *1PSZ* [1FCL]. Vol. X, No. 7331.

22. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XII, No. 9299.

23. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XVII, No. 12454.

24. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XXVI, No. 19835.

25. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XLIII: State book. Ch. 1. States military land (1711-1800): 1762-1796.

26. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XXV, No. 18673.

27. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XXVII, No. 20921.

28. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe* (dalee – 2PSZ) [Full Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Second (further - 2FCL)]. Saint Petersburg, 1830-1884, vol. X, No. 8163, ch. 2: States and Tables.

29. Agafonov A.I. Dom russkoi slavy v Parizhe [House of Russian glory in Paris]. *Prostranstvo i vremya*. 2017, No. 2-4 (28-30).

30. Tsitovich G.A., priest. *Khramy armii i flota. Istoriko-statisticheskoe opisanie* [Army and Navy Temples. Historical and Statistical Description]. In 2 ch. Pyatigorsk: Tipo-litografiya b. A.A. Nagorova, 1913.

31. Krasnov P.N. *Atamanskaya pamyatka. Kratkii ocherk istorii leib-gvardii Atamanskogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudarya Naslednika Tsesarevicha polka. 1775–1900* [Ataman Memo. A Brief Essay on the History of the Life Guards Ataman of his Imperial Highness, the Emperor Heir to the Crown Prince of the Regiment. 1775-1900]. Moscow: Belaya armiya, 1992.

32. *2PSZ* [2FCL]. Vol. IV, No. 2799.

33. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e (dalee − 3PSZ) [Full Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Third (further - 3FCL)]. Saint Petersburg, 1884-1916, vol. X, ch. 1, No. 6609.

34. *3PSZ* [3FCL]. vol. X, ch. 1, No. 6924.

35. Shavel'skii G.I. *Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoi armii G.I. Shavel'skogo* [Memories of the Last Protopresviter of the Russian Army G.I. Shavelsky]. Available at: http://militera.lib.ru/memo/ russian/shavelsky_gi/24.html (accessed 10.03.2018).

36. Kirillov A.A. K istorii narodnogo obrazovaniya na Donu [The history of Public Education in the Don]. *SOVDSK*. Novocherkassk, 1904, iss. 4.

37. Kirillov A.A. K istorii narodnogo prosveshcheniya na Donu. O voiskovoi latinskoi seminarii [On the History of Public Education on the

Don. About Military Latin Seminary]. *SOVDSK*. Novocherkassk, 1902, iss. 3.

38. Otkrytie Donskoi dukhovnoi seminarii [Opening of the Don Theological Seminary]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1869, No. 1, 3.

39. 1PSZ [1FCL]. Vol. XXV, No. 18651.

40. *1PSZ* [1FCL]. Vol. XXVII, No. 20718.

41. *3PSZ* [3FCL]. Vol. XXXI, ch. 1, No. 35210.

42. Voina i nashi pastyri dukhovnye. Otzyvy ranenykh soldat o voennykh svyashchennikakh [War and Our Spiritual Pastors. Reviews of Wounded Soldiers on Military Priests]. *Donskie eparkhial'nye vedomosti*. 1914, No. 35, Dec. 11.

43. *Georgievskie kavalery – svyashchennosluzhiteli: imennye spiski* [St. George Knights - Priests: Llists]. Available at: http://www.history-ryazan.ru/node/10034 (accessed 10.03.2018).

44. Babkin M.A. «Spasite zhe Rossiyu … ot nemetskoi nevoli, kotoraya strashnee byla by i tatarshchiny, i barshchiny». Pravoslavnoe voennoe i morskoe dukhovenstvo Rossii v marte – iyule 1917 g. ["Rescue Russia from German Captivity, which was Worse would Tatarism, and Serfdom". Orthodox Military and Naval Clergy of Russia in March - July 1917]. *Voenno-istoricheskii zhurnal*. 2012, No. 3. Available at: http://history.milportal.ru/2012/03/spasite-zhe-rossiyu (accessed 15.04.2018).

45. *Sobranie opredelenii i postanovlenii Svyashchennogo sobora Pravoslavnoi Rossiiskoi tserkvi 1917–1918 gg. Svyashchennyi Pravoslavnyi sobor. Deyaniya* [The Collection of Rulings and Resolutions of the Sacred Council of the Orthodox Russian Church of 1917-1918, the Sacred Orthodox Cathedra]. Moscow: Izdanie Sobornogo soveta, 1918; Reed. Moscow: Novospasskii monastyr', 1994, book 1, iss. 1.

Поступила в редакцию / Received ***24 июня 2018 г. / June 24, 2018***

УДК 94 (470) «16/18» DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-34-38

УЧАСТИЕ КНЯЗЯ М.М. ЩЕРБАТОВА В МАСОНСКИХ ЛОЖАХ

© 2018 г. К.А. Виденкина [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

PARTICIPATION OF PRINCE M.M. SHCHERBATOV IN MASONIC LODGES

K.A. Videnkina [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Виденкина Ксения Андрееевна –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: xenia.videnkina@yandex.ru

Ksenia A. Videnkina -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: xenia.videnkina@yandex.ru

Рассматриваются вопрос о принадлежности князя М.М. Щербатова к масонству и степень его участия в деятельности масонских лож. Анализируется проблема влияния масонских идей как одной из видимых сторон европеизации русской дворянской культуры на творчество и мировоззрение князя М.М. Щербатова, допускается возможность присутствия масонских идей в его произведении «Путешествие в землю Офирскую». Отдельные отголоски масонского катехизиса прослеживаются в религии и основных нравственных установках офирского общества. Внешний вид священников, архитектура и обрядовая составляющая религии имеют достаточно явное пересечение с масонскими идеями совершенствования человека и победы разума. Одним из критериев определения масонского влияния в произведении М.М. Щербатова может послужить вопрос повреждения нравов, так как сохранение нравов в Офире становится государственно важной задачей.

Ключевые слова: *М.М. Щербатов, масонство, «Путешествие в землю Офирскую».*

One of the debatable issues related to the life of Prince M.M. Shcherbatov is the question of his belonging and the degree of involvement in the activities of Masonic lodges. Special attention should be paid to the problem of the influence of Masonic ideas, as one of the visible sides of the Europeanization of Russian noble culture on the work and world outlook of Prince M.M. Shcherbatov. Many authors consider the possibility of the presence of Masonic ideas in the works of Prince M.M. Shcherbatov in "Journey to the land of Ophir". Certain aftershocks of the Masonic catechism can be traced in religion and the basic moral principles of the Ophir society. The outer appearance of priests, architecture and the ceremonial part of religion has a fairly clear intersection with Masonic ideas of human perfection and the victory of human brain. One of the criteria for determining the Masonic influence in the work of M. Shcherbatov can be a problem of damage of morals, as the preservation of morals in the Ophir state becomes an important task.

Keywords: *M.M. Shcherbatov, masonry, "Journey to the land of Ofir".*

Одной из не вполне проясненных сторон биографии выдающегося историка и общественного деятеля России екатерининского времени князя М.М. Щербатова является его отношение к масонству и влияние масонской идеологии на его политическое сознание. В посвященной ему литературе принадлежность его к масонству не вызывает сомнения, по существу все авторы, писавшие о нем, признавали его в качестве масона. В то же время по поводу того, насколько он был вовлечен в деятельность русских масонов и в какой степени проникся идеями масонской среды, высказываются разные суждения.

Распространение масонства стало в эпоху Просвещения одной из наиболее видимых сторон дальнейшей европеизации русской дворянской культуры. Увлечение его внешними признаками, ритуалами и атрибутами, а в определенной степени идеями было среди просвещенных дворян весьма широким. Оно проникло в придворную среду, а образованную дворянскую молодежь привлекало своей новизной, несоответствием традиционной рутине во внутренней

жизни поместного и служилого дворянства. Поэтому увлечение масонством князя М.М. Щербатова было не случайным и в полной мере соответствовало настроениям весьма заметной части просвещенного дворянства того времени.

М.М. Щербатов вступил в масонскую ложу в период военной службы. А.Н. Пыпин при упоминании князя М.М. Щербатова в числе масонов Семеновского полка ссылается на данные полицейского донесения о масонах времен Елизаветы Петровны, с приблизительной датировкой около 1756 г. [1, с. 551]. Автор предполагает, что это было полицейское дознание, которое не имело дальнейших последствий [1, с. 92]. Екатерина II до 80-х гг. XVIII в. не предпринимала никаких репрессивных мер по отношению к масонству [2, с. 6], что способствовало распространению сторонников во всех сферах жизни общества. В правительственные учреждения в значительной степени входили масоны. Г.В.Вернадский указывает на то, что в придворном штате императрицы в 1777 г. из 31 действительного камергера 11 были масонами, в том числе и князь М.М. Щербатов [3, с. 86–87].

В 1762 г. он входит в состав открытой в Петербурге ложи «Счастливое согласие» [4, с. 99]. Затем в качестве активного члена одной из масонских лож князь Щербатов упоминается в «Дневнике масона. 1775–1776 гг.» [5, с. 1–15]. Согласно некоторым документам, в эти же годы М.М. Щербатов был членом ложи «Равенство» [6, с. 67].

З.П. Рустам-Заде предполагает, что М.М. Щербатов был мастером ложи Гагарина. Автор ссылается на запись А.Я. Ильина, вклеенную в магистерский катехизис, принятый в доме князя М.М. Щербатова [7, с. 67].

Несмотря на вышеприведенные данные, И.А. Федосов утверждает, что М.М. Щербатов «в дальнейшем, очевидно, полностью отошел от масонства. По крайней мере, других указаний на масонскую деятельность М.М. Щербатова не только в этот, но и в более поздний период его жизни не имеется» [8, с. 21].

Г.В. Вернадский утверждает, что при незначительном числе масонских произведений можно увидеть круг отечественных печатных изданий, позволяющий дать понятие о «духовной пище “братьев”» [3, с. 86–87]. К данным произведениям Вернадский причисляет переводы и статьи князя М.М. Щербатова в журнале «Ежемесячные Сочинения к пользе и увеселению служащие» в 1755–1764 гг.

Вопросы присутствия масонских идей в поздних произведениях князя М.М. Щербатова постоянно обсуждаются в литературе. Так, например, Э. Вагеманс подчеркивает значительное воздействие масонских идей на творчество князя М.М. Щербатова. По его словам, масонское воздействие особенно явно чувствуется в «Путешествии в землю Офирскую», в частности он находит большое количество идейных совпадений с масонством при описании князем офирской религии. Автор, несмотря на это, не причисляет данное произведение к утопической литературе масонской направленности [9, с. 116–117]. З.П. Рустам-Заде в «Путешествии…» прослеживает отголоски отдельных положений масонского катехизиса. Г.В. Вернадский, указывая на применение рационалистического масонства как своеобразной формы религии к осмыслению жизни целого государства в произведении М.М. Щербатова, относит его к масонской утопии.

В свою очередь А.И. Болдырев делает акцент на том, что, несмотря на предложенный масонский вариант «духовной» религии в «Путешествии…», в сочинениях М.М. Щербатова при всей близости к масонству очень отчетливо прослеживается стремление к логической ясности, к всесторонней рационалистической обоснованности выводов. Данный факт, по мнению автора, выгодно отличает М.М. Щербатова от идеологов как русского, так и европейского масонства, для которых не всегда была характерна строгая логика и опора на философский рационализм нового времени [6, с. 67].

Наличием и степенью влияния масонских идей на сформированный образ религии в произведении князя М.М. Щербатова интересовалась А.С. Бренькова [10, с. 45–49]. Автор обращается к вопросу осмысления и осуществления на практике основных догм масонских орденов и причисляет утопию М.М. Щербатова к масонской утопии по своему содержанию и внутреннему смыслу. Т.В. Артемьева при характеристике утопических взглядов масонов делает акцент на том, что они представляли определенную оппозицию официальной идеологии самодержавия [11, с. 13]. В «Путешествии…» она видит совокупную трансляцию идей мыслящих людей XVIII в., среди которых появляются идеи просвещения и масонства. Вопрос о принадлежности самого путешественника к числу масонов весьма противоречивый. Если в религии и общественной жизни Офира четко прослеживают-

ся следы влияния масонской идеологии, то сам путешественник, как подчеркивала Артемьева, не всегда слепо их принимает, а по поводу некоторых вступает в дискуссию со своими офирскими проводниками, выступавшими с позиций, типичных для масонства.

Представляется, что важнейшее произведение князя «Путешествие в землю Офирскую», в котором соединяются черты публицистики, социальной утопии и описания путешествия, позволяет прояснить вопрос, насколько он разделял основные положения масонской идеологии.

В тексте «Путешествия…» можно найти немало подтверждений связи произведения с масонскими идеями. Так, описанная М.М. Щербатовым архитектура храма в Офире не является типичной для религиозных построек, а напоминает масонскую ложу. Храм, писал М.М. Щербатов, «был построен из дикого камня, имея в середке яко окружение столбами в два ряда поставленными, на коих утверждались купола. По середке, на возвышенном месте и на богатом пьедестале, стояло солнце, или лучше сказать, круг, имея середку серебряную, лучи же златые» [12, с. 205]. Внешний вид и основная атрибутика священника перекликается с внешним обликом магистра ложи: «Наконец увидал я человека, в длинном белом платье, имеющего род нагрудника, на коем находилось выкованное такое же солнце, какое я выше описал» [12, с. 206], – писал М.М.Щербатов от имени своего героя, шведского дворянина-путешественника.

Если обратиться к конечной цели масонов, которой было объединение на основе свободы, равенства и братства всех людей, при опоре на нравственное совершенствование человека и на победу разума, то в «Путешествии…» можно найти ряд аспектов, подтверждающих наличие в земле Офирской этих целей. Начала рационализма, как подчеркивается в произведении, лежат в основе религии офирского общества. На вопрос о происхождении офирской религии санкрей офирский священник отвечает, что «основание веры нашей ни от каких откровений или преданий происходит». Тем самым он отрицает связь офирской религии с иррациональными началами, подчеркивает, что религия офирского общества произошла «от самого размышления и очевидного зрения вещей, а потому понеже по творениям познали мы Бога всемогущего и правосудного, из всех тварей человека единого, одаренного особливым понятием, могущим проницанием своим приближаться к вышнему естеству» [12, с. 225]. Таким образом, М.М. Щербатов подчеркивает, что офирское общество было основано на началах рационализма, что находило проявление даже в его религии.

Мировоззрение М.М. Щербатова вместе с тем основывалось не только на началах рационализма, но и на морали и нравственности, что было в целом характерно для личности эпохи Просвещения и в полной мере для масонского общественно-политического мышления и мировоззрения. Поэтому внимание М.М. Щербатова к вопросу об офирской морали и нравственности, о повреждении нравов в офирском обществе и о мерах государства и общества в Офирской земле по их восстановлению в его произведении может служить прямым указанием на наличие в мышлении автора масонских начал. Сохранение нравов в Офире выходило на уровень задачи государственной важности. Это отражалось, как писал М.М. Щербатов, в установлении строгого контроля государства за нравственностью жителей страны. Для этого священника наделяли полномочиями полицейского, и роль священника в офирском обществе таким образом сближалась с ролью полицейского. Подобное понимание роли государства соответствовало масонскому представлению о том, какими должны быть его функции в обществе.

Ярким примером высоконравственного человека, в полной мере соответствовавшего масонскому идеалу, может послужить герой «Путешествия…», знатный офирец Бомбей-Гора, который на протяжении всей жизни был готов жертвовать своими интересами ради других людей. Его жизненный путь, как отмечал М.М. Щербатов, был очень нелегким. Он проявлял себя во всех жизненных ситуациях в качестве честного труженика, всегда готового оказать безвозмездную помощь не только близким, но и чужим людям. Тем самым писатель создал образ своего рода идеального гражданина общества, с которого современникам следовало брать пример, в полной мере соответствовавшего масонскому представлению о честном человеке. Самое позитивное отношение автора к этому герою совершенно очевидно. Образ Бомбей-Горы является одним из наиболее ярких положительных образов русской литературы эпохи Просвещения.

Идея установления царства справедливости на Земле посредством нравственного усовершенствования ярко прослеживается в посещении путешественником офирского кладбища, или «погребалища». При помощи внешнего ви-

да посмертных памятников и надписей на них можно проследить воспевание и пропаганду нравственности и благочестия. Как описывал М.М. Щербатов, при захоронении того или иного члена офирского общества принималось во внимание не фактическое социальное положение человека, но польза, которую он принес при жизни обществу и государству, а также его высокая нравственность, которая могла послужить примером для самосовершенствования. М.М. Щербатов описывал случай, когда обычный столяр был удостоен уважительной надписи на надгробии за свои заслуги, в то время как некоторые императоры были похоронены без единой надписи. Судьба могил «сановников государства», которые при жизни не принесли никакой пользы государству, весьма печальна, так как происходило перезахоронение их останков с целью освобождения места для более достойных граждан. Как писал автор, высокой чести быть погребенными с могильными плитами удостаивались также и женщины, показавшие верность своему отечеству и нравственным идеалам, предпочитавшие претерпеть физические страдания нравственному падению. Основная цель подобного положения вещей заключалась, по словам М.М. Щербатова, в следующем: «Таким образом мы стараемся возбудить в наших гражданах любочестие и по смерти их и учинить, чтобы они не все взирали на настоящее их благосостояние, но и на честь, каковую могут по смерти получить» [12, с. 324]. Это вполне соответствовало масонским идеалам и представлениям о нравственности и гражданской чести.

Таким образом, в жизни князя М.М. Щербатова масонство оставило свой весьма значительный след. Увлечение его масонством проявлялось не только в молодые годы, но и в годы активной общественной и литературной деятельности, когда им было создано произведение в жанре социальной утопии «Путешествие в землю Офирскую». Интерес М.М. Щербатова к масонству, внимание к масонским идеям и ритуалам определялись тем, что в нем он видел один из способов нравственного усовершенствования общества и отдельного человека. В этом отношении он в полной мере соответствовал культурно-историческому типу просвещенного русского дворянина своего времени.

Литература

1. *Пыпин А.Н.* Русское масонство до Новикова // Вестник Европы. 1868. № 6.

2. *Соколовская Т.О., Лотарева Д.Д.* Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007. 480 с.

3. *Вернадский Г.В.* Русское Масонство в царствование Екатерины II. Петроград : Дела в Петрограде, 1917. 287 с.

4. *Брачев В.С.* Масоны в России. За кулисами видимой власти (1731–2001). СПб. : Стомма, 2002. 481 с.

5. Ильин А.Я. Из дневника масона. 1775–1776 гг. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских / сост. и предисл. В.И. Саввы. 1908. Кн. 4. 54 с.

6. *Болдырев А.И.* Проблема человека в русской философии XVIII века. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1986. 120 с.

7. *Рустам-Заде З.П.* Жизнь и творчество М.М. Щербатова. СПб. : Лейла, 2000. 91 с.

8. *Федосов И.А.* Из истории русской общественной мысли XVIII столетия. М.М. Щербатов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1967. 263 с.

9. *Вагеманс Э.* К истории русской политической мысли: М.М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4.

10. *Бренькова А.С.* Религиозно-философские аспекты утопизма в русском масонстве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4 (30), ч. 1.

11. *Артемьева Т.В.* Теория «Естественного права» как философское основание русской социально-политической мысли второй половины XVIII в. // Философия и освободительное движение в России. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 223 с.

12. *Щербатов М.М.* Избранные труды / сост. С.Г. Калинина. М. : РОССПЭН, 2010. 632 с.

References

1. Pypin A.N. Russkoe masonstvo do Novikova [Russian Masonry before Novikov]. *Vestnik Evropy*. 1868, No. 6.

2. Sokolovskaya T.O., Lotareva D.D. *Tainye arkhivy russkikh masonov* [Secret Archives of Russian Freemasons]. Moscow: Veche, 2007, 480 p.

3. Vernadskii G.V. *Russkoe Masonstvo v tsarstvovaniye Ekateriny II* [Russian Masonry in the Reign of Catherine I]. Petrograd: Dela v Petrograde, 1917, 287 p.

4. Brachev B.C. *Masony v Rossii. Za kulisami vidimoi vlasti (1731–2001)* [Masons in Russia. Behind the Scenes of Visible Power (1731-2001)]. Saint Petersburg: Stomma, 2002, 481 p.

5. Il'in A.Ya. [From the Mason's Diary. 1775-1776]. *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i*

drevnostei rossiiskikh [Readings in the Imperial Society of History and Antiquities of Russia]. Comp. V.I. Savva. 1908, book 4, 54 p.

6. Boldyrev A.I. *Problema cheloveka v russkoj filosofii XVIII veka* [The Problem of Man in the Russian Philosophy of the 18th Century]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986, 120 p.

7. Rustam-Zade Z.P. *Zhizn' i tvorchestvo M.M. Shcherbatova* [Life and Work of M.M. Shcherbatov]. Saint Petersburg: Leila, 2000, 91 p.

8. Fedosov I.A. *Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli XVIII stoletiya. M.M. Shcherbatov* [From the History of Russian Social Thought 18th Century. M.M. Shcherbatov]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1967, 263 p.

9. Vagemans E. K istorii russkoi politicheskoi mysli: M.M. Shcherbatov i ego «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu» [To the History of Russian Political Thought: M.M. Shcherbatov and his "Journey to the Land of Ophir"]. *Russkaya literatura*. 1989, No. 4.

10. Bren'kova A.S. Religiozno-filosofskie aspekty utopizma v russkom masonstve [Religious and Philosophical Aspects of Utopianism in Russian Masonry]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya, iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, No. 4 (30), ch. 1.

11. Artem'eva T.V. [The Theory of "Natural Law" as a Philosophical Basis of Russian Socio-political Thought of the Second Half of the 18th Century]. Filosofiya i osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii [Philosophy and Liberation Movement in Russia]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1989, 223 p.

12. Shcherbatov M.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Com. S.G. Kalinin. Moscow: ROSSPEN, 2010, 632 p.

Поступила в редакцию / Received ***19 июля 2018 г. / July 19, 2018***

УДК 94(470.6)"1930" DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-39-47

«КОТЕЛ УДАРНИКА»: ОБ ИЕРАРХИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА РОССИИ 1930-Х ГОДОВ)

© 2018 г. М.А. Гадицкая [a]
[a] Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, Сочи, Россия

"BOILER OF THE FOREMOST MAN": THE HIERARCHY OF CONSUMPTION IN THE COLLECTIVE FARM VILLAGE (BASED ON MATERIALS FROM THE SOUTH OF RUSSIA IN THE 1930s)

M.A. Gaditskaya [a]
[a] Sochi Institute (branch), Russian University of Friendship of the People, Sochi, Russia

Гадицкая Марина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, историко-филологический факультет, Сочинский институт (филиал) Российского университета дружбы народов, ул. Куйбышева, 32, г. Сочи, 354348, Россия. E-mail: marinagaditskay@mail.ru

Marina A. Gaditskaya - Candidate of History, Associate Professor, Department of General History, Faculty of History and Philology, Sochi Institute (branch), Russian University of Friendship of the People, Kuibysheva St., 32, Sochi, 354348, Russia. E-mail: marinagaditskay@mail.ru

Обосновывается идея о распространении складывавшейся в колхозной деревне социальной иерархии на качественные и количественные параметры продовольственного потребления, когда в условиях социалистического строительства сформировалось социально-профессиональное неравенство взамен социально-классовых антагонизмов, с которыми рьяно боролись большевики. Во внутриколхозной иерархии продовольственного потребления более высокую ступеньку по сравнению с рядовыми колхозниками заняли ударники и стахановцы, а еще более значимое положение приобрели специалисты и управленцы. Власти поддерживали социально-профессиональное неравенство в колхозной деревне и стремились его использовать для стимулирования общественного производства. Система иерархичного продовольственного снабжения подчеркивала и подпитывала новое внутриколхозное и местное сельское социальное расслоение, причем в числе ее особых бенефициариев выступали политотдельцы, а вот рядовые колхозники даже заработанную натуроплату получали по остаточному принципу. В тяжелых условиях колхозного строительства выделились две социальные микрогруппы: ударников, перевыполнявших нормы не менее чем на 20 %, и стахановцев, в разы превышавших своим трудом производственные задания. В целях преодоления апатичного отношения колхозников к работе в колхозах кроме приемов административного воздействия местные руководители стали использовать различные меры материального поощрения, среди которых особое место занимали «котлы ударника». В тех колхозах, где удавалось наладить снабжение и применить иерархичное продовольственное потребление, соответственно улучшались производственные показатели.

Ключевые слова: *иерархичность, колхозники, кухарки, микрогруппы, политотдельцы, продовольственное снабжение, стахановцы, трудодни, ударники.*

The article substantiates the idea of the formation in the collective farm village of a social hierarchy based on qualitative and quantitative parameters of food consumption. At that time, under conditions of socialist construction, social and professional inequality was formed in the place of social class antagonisms with which the Bolsheviks fought. In the intra-collective farm food consumption hierarchy, top workers and Stakhanovites took a higher step than ordinary collective farmers, and specialists and managers acquired an even more significant position. The authorities supported social and professional inequality in the collective farm village and sought to use it to stimulate social production. The system of hierarchical food supply emphasized and nurtured a new intra-collective and local rural social stratification, including political beneficiaries, there were employees of political departments while ordinary collective farmers even received paid wages on a residual basis. In the difficult conditions of collective farm construction, two social microgroups were singled out: top workers overfulfilled the norms by at least 20 %, and Stakhanovites, who at times exceeded their

production assignments. In order to overcome the apathetic attitude of collective farmers to work on collective farms, in addition to administrative methods, local leaders began to use various measures of material encouragement, among which a special place was occupied by the "boilers of the foremost men". In those collective farms, where it was possible to establish supply and apply hierarchical food consumption, the production indicators accordingly improved.

Keywords: *hierarchy, collective farmers, cooks, micro-groups, political bosses, food supply, Stakhanovites, workdays, fore people.*

Социалистические преобразования в СССР в 1930-х гг. преследовали цель построения бесклассового общества, в котором отсутствовали бы примат частной собственности, эксплуатация человека человеком, разительная социально-имущественная дифференциация и прочие имманентные язвы капитализма. Именно так означенные преобразования выглядели с позиций коммунистической идеологии и так же они трактовались в советской историографии.

Надо признать, подобные трактовки в определенной мере соответствуют исторической действительности; но наряду с этим Советский Союз оставался весьма далек от того «коммунистического рая», о котором грезили романтики большевизма на фронтах Гражданской войны и на стройках первых пятилеток. В частности, общественное устройство СССР отличалось выраженной социальной иерархичностью. Конечно, эту иерархию нельзя признать равнозначной сословности или кастовости, ибо она удивительным образом сочеталась с высокой социальной мобильностью и не сопровождалась социально-имущественной дифференциацией в столь чудовищных размерах, как в досоветской и постсоветской России. Тем не менее иерархическое общественное устройство в Советском Союзе противоречило официальной риторике об установленном в стране социальном равноправии и влекло за собой явное неравенство тех или иных социально-профессиональных групп. Оно проявлялось в самых разных сферах жизни советского общества и в том числе в столь важной, как сфера потребления. В этом смысле нельзя не согласиться с Т.А. Булыгиной, указывающей, что «история потребления в конкретных региональных и исторических условиях наиболее отчетливо проявляет социальное неравенство внутри общества, даже если оно внешне кажется равноправным» [1, с. 15]. Об иерархии продовольственного потребления в советском обществе, – точнее, в советской колхозной деревне 1930-х гг., – и пойдет речь в настоящей статье, основанной на материалах Дона, Кубани и Ставрополья. Поскольку обозначенная обширная задача не может быть удовлетворительно реализована в рамках одной публикации, мы сконцентрировали внимание в большей мере на продовольственном обеспечении передовиков колхозного производства – ударников и стахановцев, для сравнения рассматривая и другие группы.

Как и советское общество в целом, колхозный социум 1930-х гг. не являлся однородным и подразделялся на целый ряд профессиональных групп. Поскольку же выполнение тех или иных профессиональных обязанностей, пребывание в той или иной должности соответствующим образом отражалось на социальном статусе члена колхоза, можно говорить о возникновении и существовании в советских коллективных хозяйствах 1930-х гг. (в том числе и на Юге России) социально-профессиональной дифференциации. На основе анализа комплекса источников по истории колхозной системы Европейского Севера России 1930-х гг. М.Н. Глумная полагает возможным говорить о наличии четырех групп в составе колхозного крестьянства, которые заметно отличались друг от друга особенностями своего социально-экономического и социально-профессионального статуса. С ее точки зрения, внутриколхозная социальная иерархия (с небольшими нашими дополнениями) выглядит следующим образом:

1) управленцы, т. е. представители колхозного административно-управленческого аппарата: председатели и члены правлений, бригадиры, заведующие производственными участками, звеньевые и т.п.;

2) специалисты, т. е. «люди, получившие специальную подготовку для работы в какой-либо производственной сфере коллективного хозяйства»: бухгалтеры, агрономы, механизаторы, комбайнеры и т.д.;

3) передовики производства (иначе говоря, ударники или стахановцы) – колхозники, систематически перевыполнявшие производственные задания на своих участках, вырабатывавшие намного больше установленного в колхозах годового минимума трудодней;

4) рядовые колхозники, исполнявшие простые операции ручным трудом, составлявшие подавляющее большинство населения колхозов и слу-

жившие резервом для всех вышеперечисленных групп [2, с. 268].

На наш взгляд, социально-профессиональная стратиграфия колхозников, разработанная М.Н. Глумной, выгодно отличается от социальной диагностики предшествующего советского периода, поскольку в ней обращается внимание как раз на сочетание социальных, профессиональных и трудовых аспектов во внутригрупповом делении колхозного крестьянства. В этой связи проведем исследование на основе приведенной стратиграфии, так как она полностью подтверждается южно-российскими материалами.

Тем не менее указанные четыре страты не отражают в полной мере всю сложность и многообразие иерархических отношений в колхозной деревне 1930-х гг. Прежде всего в границах каждой из них существовали собственные взаимоотношения, свое внутригрупповое разделение. Так, председатель колхоза по статусу считался выше, нежели члены колхозного правления, а бригадир «свысока взирал» на звеньевого. Бухгалтер, хотя и входил к группу специалистов колхоза, одновременно причислялся к колхозной администрации и занимал более высокое положение, чем, например, механизаторы и т.д. Кроме того, в течение 1933 – 1934 гг. в сельских районах существовали политические отделы машинно-тракторных станций (МТС), – чрезвычайные органы власти, призванные нормализовать обстановку в деревне и улучшить состояние колхозной системы. Политотделы по объему предоставленных полномочий находились на одной управленческой ступеньке с райкомами ВКП(б) и даже превосходили их по степени значимости, но в отличие от райкомов они не были столь отдалены от рядовых колхозников и администрации коллективных хозяйств. С определенными оговорками политотдельцев вполне можно рассматривать в качестве особой социально-профессиональной группы, занимавшей вершину в пирамиде колхозной иерархии.

Вышеперечисленные группы, расположенные на различных ступеньках социальной иерархии колхозной деревни, не только выполняли различные задачи, но и существенно отличались друг от друга в плане продовольственного снабжения и потребления. Разница получалась довольно заметной, поскольку в 1930-х гг. произошло огосударствление системы снабжения населения промышленными и продовольственными товарами, и это привело к резкому росту возможностей государства с помощью снабжения материально обеспечивать партийно-советский аппарат и те слои и группы населения, в верности и поддержке которых большевистский режим имел свою заинтересованность. Как заметила Е.А. Осокина, «достигнув монополии, государство могло диктовать обществу свою социальную и экономическую политику. Распоряжаясь всеми товарными ресурсами, оно “навязало” обществу и свою политику иерархического снабжения. Власть не только предписывала образ жизни и образ мыслей, она определяла для каждого человека в зависимости от его социальной принадлежности, что и сколько ему есть, что одевать… Каждый человек в глазах государства имел свою цену и ощущал это» [3, с. 13–14]. В свою очередь бенефициарии советского государства платили ему каждый в меру своих сил ответными услугами: неукоснительным исполнением государственных распоряжений, ударным трудом и т.п. Тем самым иерархическое снабжение выступало средством выстраивания социальных опор сталинского режима в колхозной деревне.

С наибольшей заботой советское государство относилось к представителям тех групп, которые находились на вершине колхозной иерархии. Разумеется, эта забота помимо прочего находила выражение и в очередности и размерах продовольственного обеспечения. В частности, политотделы МТС начали формироваться в деревне в разгар голода 1932 – 1933 гг. На фоне широко распространенных в указанный период времени «продовольственных затруднений» снабжение продуктами работников политотделов и членов их семей выглядело особенно впечатляюще. Они получали продовольственный паек, вполне достаточный для сносного существования. Более того, к большим советским праздникам выделялся специальный паек. В частности, к началу ноября 1933 г., согласно письму заместителя начальника политсектора МТС Северо-Кавказского края И. Мамичева, сотрудникам политотделов Северо-Кавказского края полагалось получить праздничный («октябрьский») паек в следующих размерах: 8 кг муки, 2 кг сахара, по 2 кг голландского сыра, колбасы, рыбы и печенья, 1 кг конфет и т.д. [4, с. 115]. Соответствующим образом снабжались и сотрудники районных партийных структур, не говоря уже о краевых партийно-советских органах власти. Тем самым сталинский режим обеспечивал безусловную верность местного руководства и его твердость в борьбе за выколачивание хлебозаготовок из колхозов и сельских жителей.

Напротив, основная масса рядовых колхозников снабжалась продовольствием по остаточному принципу. И выражение «остаточный принцип» – не фигура речи, а один из базовых принципов устройства колхозной системы. Размеры заработной платы колхозников зависели от количества трудодней, выработанных ими в течение года. Оплата труда производилась лишь один раз в год, после сбора урожая (если не считать 15 % аванса, который выдавался (если выдавался) по итогам обмолотов первого урожая). В соответствии с законодательно установленными нормами колхозы сначала обязывались выполнить государственные поставки зерна («первая заповедь»), рассчитаться с МТС за произведенные на их полях работы, а уж затем начинать пополнять свои фонды (семенные, фуражные и др.) и обналичивать выработанные колхозниками трудодни. Остаточный принцип оплаты трудодней для членов маломощных колхозов (а их численность оставалась высокой на всем протяжении 1930-х гг.) означал получение минимума денег и продуктов, ведь львиная доля последних уходила государству, и прожить целый год на такие заработки не представлялось возможным.

Особенно тяжелое положение сложилось в первой половине 1930-х гг., когда колхозная система еще находилась в стадии становления и множество хозяйств едва сводили концы с концами. Зачастую после выполнения обязательств перед государством и расчетов с МТС уже не имелось фондов для достойной оплаты трудодней. Даже официальная советская статистика констатировала невысокий уровень доходов колхозников. Так, средние натуральные выдачи на трудодень в колхозах Дона и Кубани начали существенно прибавлять только после пяти лет колхозного строительства в 1935 г., а в 1932 г. они критически снизились до 1,3 кг, в 1933 г. не превысили 2,1 кг [5, с. 267]. При таких средних величинах во многих колхозах натуральный заработок реально оказывался еще меньше, а то и вовсе отсутствовал. В своем выступлении на первом Северо-Кавказском краевом съезде колхозников-ударников (24–27 февраля 1933 г.) председатель Северо-Кавказского крайисполкома В.Ф. Ларин признавал: «Было бы неправильно, нечестно, неверно отрицать, что в этом году многие колхозники переживают трудности, каких они не испытывали в прошлом и позапрошлом годах» [6, л. 49].

Ударники и стахановцы по своему положению и возможностям в сфере продовольственного обеспечения серьезно отличались от рядовых аграриев Дона, Кубани и Ставрополья. Но принципиальной разницы, как показывает анализ исторических источников, между двумя категориями передовиков производства не существовало, хотя, безусловно, стахановцы превосходили ударников своим трудовым энтузиазмом и в еще больших размерах перевыполняли установленные нормы выработки. Так, летом 1934 г. в молодежной бригаде колхоза им. Магницкого Азово-Черноморского края ударником считали того колхозника, который добивался превышения производственных показателей на 20 % [7, л. 40]. Стахановцем же называли работника, способного перекрыть норму в разы или получить с обрабатываемого поля урожай, значительно выше среднего по хозяйству. Например, звеньевая Мария Басанская из колхоза «Соцземледелие» Штейнгардтовского района Азово-Черноморского края в 1936 г. собрала со своего участка по 115 ц кукурузы с гектара, тогда как соседние звенья собрали лишь по 30 ц [8, с. 3]. Особо властями отмечались ударники, имеющие достойное социальное происхождение, важную для колхоза профессию, безупречную биографию. Например, призывавшийся в ряды РККА осенью 1933 г. из Милютинского сельского совета Маньково-Березовского района Северо-Кавказского края ударник тракторист-комбайнер П. Авдиенко состоял в комсомоле, был сыном красного партизана, в колхоз вступил одним из первых в 1929 г. [9, с. 651].

Как явствует из вышеизложенной стратиграфии колхозного социума, ударники и стахановцы занимали более высокое положение в сельской иерархии 1930-х гг., чем рядовые колхозники. Если же они получали более или менее широкую известность, то их статус стремительно повышался. Именно так произошло и с самим зачинателем стахановского движения А.Г. Стахановым. Он из простого шахтера дорос до начальника шахты, а затем до начальника сектора социалистического соревнования наркомата угольной промышленности СССР, хотя звездная болезнь в конце концов погубила его карьеру.

Социальная роль ударников и стахановцев сельского хозяйства в 1930-х гг. имела важное значение и предопределялась особенностями устройства колхозной системы. На всем протяжении ее существования в большинстве коллективных хозяйств сохранялась невысокая производительность труда. Колхозники не получали за работу достойного вознаграждения и зачастую

демонстрировали апатичное отношение к общественному производству, а в масштабах страны это приводило к снижению урожайности, большим потерям при уборке, падежу скота и прочим негативным хозяйственно-экономическим явлениям.

Разумеется, государство и управленцы от его имени располагали правом применять различные взыскания в отношении нерадивых работников, нарушавших трудовую дисциплину, и очень активно этим правом пользовались. Их подвергали штрафам, арестам и т.п. Например, в 1931 г. правление колхоза «Ильич» Курского района Северо-Кавказского края списало с целого ряда женщин и нескольких мужчин по 1 трудодню за невыход на прополку и предупредило их о возможности применения гораздо более жестких мер в случае повторного уклонения от работы [10, л. 64]. Остракизму подверглась ударница, звеньевая колхоза им. С.М. Буденного Маньково-Березовского района Северо-Кавказского края А.В. Фролова, когда в августе 1935 г. выявилась некачественная работа звена на колхозном поле («скопнили розвязь»), и ей припомнили участие отца в казни Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова («отродье белогвардейщины в чине звеньевого») [9, с. 676].

В целом административное воздействие и внеэкономическое принуждение в 1930-х гг. достаточно широко использовались в колхозах, но все же методы управленческо-репрессивного давления имели ограниченную эффективность и бесконечно на них рассчитывать не приходилось. Даже И.В. Сталин признавал: «Когда зажимают, отдачу дают. Надо по мере развития сознания колхозников, по мере перевоспитания их и по мере накопления продуктов в артели повышать уровень [жизни] людей» [11, с. 397]. Поэтому партийно-советская верхушка нашла иные методы повышения производительности труда, сама жизнь подсказала обратить внимание на ударничество и социалистическое соревнование. Эти методы базировались преимущественно на моральных стимулах, на трудовом энтузиазме, стремлении приблизить «светлое будущее», соответствовать идеалу «честного колхозника» и пр. Другими словами, ударники и стахановцы оказались ценнейшей находкой для сталинского режима, ведь они собственным примером увлекали основную массу колхозников на трудовые подвиги и на реализацию мер по развитию сельского хозяйства. Они стали мощным «социальным антидепрессантом» [12, с. 203], позволившим смягчить и/или преодолеть многие проблемы колхозного строительства, ведь, как объяснял своей жене герой «Поднятой целины» Кондрат Майданников, «в колхозе ударник есть самая заглавная фигура» [13, с. 266].

Советское государство по достоинству оценивало социально-трудовую и производственную роль ударников и стахановцев и всячески заботилось о них. Например, одного «из лучших передовых людей социалистического земледелия», сына донского крестьянина-казака, заведующего молочно-товарной фермой (МТФ) из Глубокинского района Ростовской области, колхозника-ударника А.В. Чеботарева наградили в 1936 г. орденом Ленина «за образцовую постановку работы на животноводческой ферме» [14, с. 318]. Передовики производства по определению входили в состав так называемого «актива», из представителей которого обычно рекрутировались кадры административно-управленческого аппарата коллективных хозяйств, причем это непосредственно подчеркивалось в партийных документах. Так, в постановлении ЦК ВКП(б) «Об очередных мероприятиях по организационно-хозяйственному укреплению колхозов» от 4 февраля 1932 г. речь шла о создании колхозного актива «из ударников-колхозников, участников социалистического соревнования» [15, с. 343]. В докладе на объединенном пленуме Северо-Кавказского крайкома и КрайКК ВКП(б) 29 января 1933 г. заведующий организационным отделом и член бюро Северо-Кавказского крайкома партии В.Г. Филов со знанием дела указывал на необходимость подбора кадров руководителей коллективных хозяйств из числа колхозного актива, и в конкретном перечне категорий активистов он называл ударников и ударниц [16, с. 33, 36].

Представители власти заботились и о материально-бытовом и в том числе о дополнительном продовольственном обеспечении передовиков производства. Как указывалось в прессе, «ударников нужно видеть и отмечать, не только в газете, но главным образом материально, руководствуясь лозунгом партии – ударнику ударное снабжение» [17]. Наиболее актуальной забота властей выглядела в первой половине 1930-х гг. и особенно в тяжелые времена «продовольственных затруднений» 1932 – 1933 гг. В это время в колхозах появился и стал использоваться в качестве формы материального поощрения передовиков «котел ударника», представлявший собой более высокую норму потребления при обслуживании колхозников в рамках общепита.

Система общепита (общественного питания) сформировалась в процессе колхозного строительства и выражалась в организации снабжения колхозников продуктами питания (горячей пищей и хлебом) во время полевых работ. Общепит создавался с двоякой целью: во-первых, накормить людей для поддержания физических сил при выполнении производственных операций, и, во-вторых, не допустить их отвлечения от общественного производства по бытовым надобностям. Иначе говоря, чтобы колхозники не тратили время на приготовление пищи дома, колхозные кухни обеспечивали их питанием по месту работы.

Однако в первой половине 1930-х гг. количественные и качественные параметры общепита часто не выдерживали никакой критики. Не имея средств, колхозы либо не организовывали общественное питание вообще, либо отпускали на нужды общепита мизерное количество муки, круп, масла, жиров, мяса. Так, из урожая 1930 г. на общественное питание и натуральную оплату труда членов колхозов Северо-Кавказского края ушло лишь около 13 % ржи, около 5 % ячменя, 28,1 % озимой и яровой пшеницы [18, с. 240], а ведь работа исполу в России считалась крепостным правом. Порой выделяемые продукты вообще не годились в пищу. Согласно донесениям политотделов МТС Северо-Кавказского края, в августе 1933 г. во многих колхозах Дона, Кубани, Ставрополья и Терека качество общественного питания получалось недопустимо низким и иной раз это приводило к пищевым отравлениям и серьезным заболеваниям [19, л. 32]. Так, в конце августа 1933 г. в колхозе с говорящим названием «Захудалый» (Павловский район Северо-Кавказского края) более 20 колхозников попали в больницу с отравлением после употребления общественного хлеба. Как оказалось, хлеб выпекли в колхозе из низкокачественной муки, полученной путем помола зерна, смешанного с семенами белены [19, л. 52].

На этом безотрадном фоне хорошо организованные «котлы ударника» выглядели более чем впечатляющим образом по составу и калорийности приготовленных блюд. По воспоминаниям кубанских хлеборобов, в 1933 г. «работавшие в колхозах питались по-разному. В некоторых готовили два-три котла. Один (для тех, кто выполнил норму) – полноценный борщ, каша. Второй (для не выполнивших норму) – полупустая/пустая “баланда”, где “крупинка крупинку догоняет”» [20, с. 200]. Летом того же года в колхозе «Красный камышанник» Прикумского района Северо-Кавказского края на общественное питание рядовым колхозникам выдавалось 0,8 кг зерна, а вот ударники получали уже 1 кг [21, л. 5]. Во время уборочной кампании 1933 г. бригадир колхоза имени А.М. Штейнгардта Сальского района Северо-Кавказского края Ирина Никульшина «с огромным трудом достала… барана и устроила первый “ударный” обед. После работы особо отличившихся на молотьбе посадили за стол, где было вдоволь хлеба, и подали редкостный по тем временам мясной обед» [22, с. 145].

Забота о повышенном продовольственном снабжении колхозников-ударников представляла собой разумный и достаточно эффективный метод материального стимулирования их трудовой активности. Впрочем, в данном случае все зависело от материальных возможностей тех или иных колхозов, профессиональной активности и расторопности (или, напротив, халатности) колхозного административно-управленческого персонала, а также добросовестности кухарок. При заботливых председателях и бригадирах и хороших поварихах колхозники-ударники действительно питались вполне прилично.

В то же время нередко в колхозах просто не имелось провизии для организации «ударных котлов» или же председатели и бригадиры игнорировали задачу их организации. В частности, летом 1933 г. местные работники Ессентукского района Северо-Кавказского края с раздражением говорили о таких «котлах»: «Все это написано только на бумаге. Нам здесь виднее, что останется, то и будем давать колхозникам» [21, л. 34]. Как отмечал начальник политотдела Усть-Лабинской МТС Михаил Каравай, когда во время весеннего сева 1933 г. политотдельцы стали внедрять в производственную практику «ударный котел», «многие председатели колхозов и бригадиры вначале считали» это «несерьезным предприятием» [23, с. 52].

При организации «котлов ударника» многое зависело и от колхозных кухарок. О поварихе Александре Косиновой из колхоза им. С.М. Буденного Ставропольского района Северо-Кавказского края односельчане давали весьма похвальные отзывы, ведь она «умеет из одних и тех же продуктов, что есть у других, приготовить вкусный хороший обед, наладила хорошее питание, завела в бригаде поросят и т.д.» [4, с. 248]. В то же время, «кое-где кухарки из числа бывших кулачек обворовывали ударный котел и делали

его хуже, чем обычный» [23, с. 52]. Так, в сентябре 1934 г. селькор «Знающий» из колхоза «Ударник» Смирновской МТС (Курского района Северо-Кавказского края) сообщал в редакцию газеты «За высокий урожай» о кухарке второй колхозной бригады, занимавшейся «воровством продуктов, которые предоставляются бригаде для питания. Она их несет домой». По словам дотошного селькора, 10 сентября 1934 г. нечистая на руку кухарка тайно уносила домой сворованный ею в бригаде картофель, но 70-летний старик-колхозник В.П. Брова, «член старой гвардии» и «лучший ударник», «обнаружил это и вытрусил» картофель, отобрав его у «воровки» [4, с. 126]. Подобные негативные явления неуклонно снижали результативность задуманных мер по организации «котлов ударников» в то «несытое время» [1, с. 15], каким оказались 1930-е гг.

Итак, «котлы ударника» являлись одним из важных элементов колхозной действительности 1930-х гг., в том числе на Дону, Кубани и Ставрополье. Задуманные как способ материального поощрения передовиков производства, «котлы ударника» создавались во многих колхозах, несмотря на дефицит продуктов, нераспорядительность местного начальства, его пренебрежение нуждами и интересами хлеборобов. В непростых условиях «великого перелома» «котлы ударника» представляли собой разумную и реальную заботу государства о простых тружениках. Вместе с тем «котел ударника» стал одним из символов иерархического снабжения и потребления, столь характерных для Советского Союза 1930-х гг.

Литература

1. *Булыгина Т.А*. Живая ткань «локальной истории» // Голоса из провинции: Жители Ставрополья в 1930–1940 годах : сб. док. / науч. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. С. 8–23.

2. *Глумная М.Н.* К характеристике колхозного социума 1930-х гг. (на материалах колхозов Европейского Севера России) // XX век и сельская Россия. Российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке» / под ред. Хироси Окуда. Токио : CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, 2005. С. 265–285.

3. *Осокина Е.А*. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М. : Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.

4. Голоса из провинции: Жители Ставрополья в 1930–1940 годах: сб. док. / науч. ред. Т.А. Булыгина. Ставрополь : Комитет Ставропольского края по делам архивов, 2010. 560 с.

5. *Бондарев В.А.* Крестьянство и коллективизация: Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века / отв. ред. А.П. Скорик. Ростов н/Д. : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 520 с.

6. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 1372.

7. ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 105.

8. *Петров Н.* К сталинским урожаям // Колхозница. Журнал Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). 1937. № 3. С. 3–4.

9. *Скорик А.П.* Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск : Лик, 2015. 1184 с.

10. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-2034. Оп. 1. Д. 5.

11. *Сталин И.В*. Выступление на заседании комиссии II Всесоюзного съезда колхозников-ударников для рассмотрения проекта Примерного устава с/х артели. 16 февраля 1935 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание : документы и материалы : в 5 т. 1927–1939. Т. 4 : 1934 – 1936 / отв. ред. Ю.А. Мошков. М. : РОССПЭН, 2002. С. 390–402.

12. *Багдасарян С.Д., Скорик А.П.* Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск : Лик, 2012. 239 с.

13. *Шолохов М.А.* Поднятая целина. М. : Молодая гвардия, 1960. 614 с.

14. *Скорик А.П.* Казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований : дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2009. 540 с.

15. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов. 1917–1957 гг. : в 4 т. / сост.: В.Н. Малин, А.В. Коробов. Т. 2 : 1929–1945 гг. М. : Госполитиздат, 1957. 888 с.

16. *Филов В.Г.* О работе с беспартийным колхозным и совхозным активом. Доклад на объединенном пленуме С.[еверо]-К.[авказского] Крайкома и КрайКК ВКП(б) 29-го января 1933 года. Ростов н/Д. : Партиздат, 1933. 48 с.

17. *Дмитриев А.* Качество работы зависит от нас самих // Колхозный путь. Газета политотдела Гулькевичской МТС Азово-Черноморского края. 1934. 4 авг.

18. *Бондарев В.А*. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского

краев) : дис. … д-ра ист. наук. Новочеркасск, 2007. 789 с.

19. ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23.

20. *Бондарь Н.И.* Код смерти: антропология голода 1932–1933 гг. // Кубанский сборник : сб. науч. ст. и материалов по истории края / под ред. О.В. Матвеева, Г.В. Кокунько. Краснодар : Книга, 2014. Т. V (26). С. 184–210.

21. ЦДНИРО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 22.

22. *Макарова В.* Русский характер // Красные косынки. Ростов н/Д. : Кн. изд-во, 1971. С. 142–149.

23. *Каравай М.* Политотдел. М. : Партиздат, 1934. 152 с.

References

1. Bulygina T.A. [The Alive Fabric of the “Local History”]. *Golosa iz provintsii: Zhiteli Stavropol'ya v 1930–1940 godakh* [Voices from the Provinces: The Inhabitants of the Stavropol Region in 1930-1940]. Collection of Documents. Scien. ed. T.A. Bulygina. Stavropol: Komitet Stavropol'skogo kraya po delam arkhivov, 2010, pp. 8-23.

2. Glumnaya M.N. [To the Characteristic of the Collective Farm Society of the 1930s (on the materials of the collective farms of the European North of Russia)]. *XX vek i sel'skaya Rossiya. Rossiyskiye i yaponskiye issledovateli v proyekte «Istoriya rossiyskogo krest'yanstva v XX veke»* [20th Century and Rural Russia. Russian and Japanese Researchers in the Project “The History of the Russian Peasantry in the 20th Century”]. Ed. by Khirosi Okuda. Tokio: CIRJE Research Report Series CIRJE-R-2, 2005, pp. 265-285.

3. Osokina Ye.A. *Iyerarkhiya potrebleniya. O zhizni lyudey v usloviyakh stalinskogo snabzheniya. 1928–1935 gg.* [Hierarchy of Consumption. On the Life of People in the Conditions of Stalin's Supply. 1928–1935]. Moscow: Izd-vo MGOU, 1993, 144 p.

4. *Golosa iz provintsii: Zhiteli Stavropol'ya v 1930–1940 godakh* [Voices from the province: Residents of Stavropol in the 1930s-1940s]. Collection of documents. Scient. ed. by T.A. Bulygina. Stavropol: Komitet Stavropol'skogo kraya po delam arkhivov, 2010, 560 p.

5. Bondarev V.A. *Krest'yanstvo i kollektivizatsiya: Mnogoukladnost' sotsial'no-ekonomicheskikh otnosheniy derevni v rayonakh Dona, Kubani i Stavropol'ya v kontse 20-kh – 30-kh godakh XX veka* [The Peasantry and Collectivization: The Multifaceted Socio-economic Relations of the Village in the Don, Kuban and Stavropol Regions in the Late 1920s-1930s]. Resp. ed. A.P. Skorik. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTS VSH, 2006, 520 p.

6. *Tsentr dokumentatsii Noveyshey istorii Rostovskoy oblasti (TSDNIRO)* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Rostov Region (CDCHRR)]. Fund 7. In. 1. File 1372.

7. *TSDNIRO* [CDCHRR]. Fund 166. In. 1. File 105.

8. Petrov N. K stalinskim urozhayam [To Stalin's Harvest]. *Kolkhoznitsa. Zhurnal Azovo-Chernomorskogo kraikoma VKP(b).* 1937, No. 3, pp. 3-4.

9. Skorik A.P. *Milyutinskiy kazachiy yurt: opyt istoricheskoy rekonstruktsii* [Milyutinsk Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk: Lik, 2015, 1184 p.

10. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya (GASK)* [The State Archives of the Stavropol Territory (SAST)]. Fund R-2034. In. 1. File 5.

11. Stalin I.V. [Speech at a Meeting of the Commission of the Second All-Union Congress of Collective Farmers-Drummers to Consider the Draft Model Regulations of Agricultural Artels. February 16, 1935]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and Dispossession]. Documents and materials in 5 vol. 1927-1939. Vol. 4. 1934-1936 / Resp. ed. Yu.A. Moshkov. Moscow: ROSSPEN, 2002, pp. 390-402.

12. Bagdasaryan S.D., Skorik A.P. *Krest'yanskaya povsednevnost' epokhi nepa: dosug i prazdnik v yuzhnorossiyskoy derevne v 1920-e gody* [Peasant Eeveryday Life of the NEP Era: Leisure and a Holiday in the South-Russian Village in the 1920s]. Novocherkassk: Lik, 2012, 239 p.

13. Sholokhov M.A. *Podnyataya tselina* [Raised Virgin Lands]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1960, 614 p.

14. *Skorik A.P. Kazachestvo Yuga Rossii v 30-e gody XX veka: istoricheskiye kollizii i opyt preobrazovaniy*: dis. ... dokt. ist. nauk [Cossacks of the South of Russia in the 30s of the 20th century: Historical Collisions and Experience of Transformation]. Stavropol, 2009, 540 p.

15. *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam. Sb. dokumentov. 1917–1957 gg.* [Directives of the CPSU and the Soviet Government on economic issues]. Sat. documents. 1917-1957: in 4 vol. Com.: V.N. Malin, A.V. Korobov. Vol. 2. 1929-1945. Moscow: Gospolitizdat, 1957, 888 p.

16. Filov V.G. *O rabote s bespartiynym kolkhoznym i sovkhoznym aktivom* [About work with non-partisan collective farm and state-owned assets]. Report on the single plenum of the North Caucasus Krai and the KraiKK VKP(b) on January 29, 1933. Rostov-on-Don: Partizdat, 1933, 48 p.

17. Dmitriyev A. Kachestvo raboty zavisit ot nas samikh [The Quality of the Work Depends on Us]. *Kolkhoznyy put'.* 1934, August 4.

18. Bondarev V.A. *Rossiyskoye krest'yanstvo v usloviyakh agrarnykh preobrazovaniy v kontse 20 –*

nachale 40-kh godov XX veka (na materialakh Rostovskoy oblasti, Krasnodarskogo i Stavropol'skogo krayev): dis. … dokt. ist. nauk [The Russian Peasantry in the Conditions of Agrarian Transformations in the Late 20 - early 40s of the 20th Century (on materials of the Rostov region, Krasnodar and Stavropol territories)]. Novocherkassk, 2007, 789 p.

19. *TSDNIRO* [CDCHRR]. Fund 166. In. 1. File 23.

20. Bondar' N.I. [Death Code: Anthropology of Hunger 1932-1933]. *Kubanskii sbornik* [Kuban collection]. Col. scien. art. and materials on the history of the region. Ed. O.V. Matveyeva, G.V. Kokun'ko. Krasnodar: Kniga, 2014, vol. (26), pp. 184-210.

21. *TSDNIRO* [CDCHRR]. Fund 166. In. 1. File 22.

22. Makarova V. [Russian character]. *Krasnyye kosynki* [Red kerchiefs]. Rostov-on-Don: Kn. izd-vo, 1971, pp. 142-149.

23. Karavay M. *Politotdel* [Political Department]. Moscow: Partizdat, 1934, 152 p.

Поступила в редакцию / Received ***21 августа 2018 г. / August 21, 2018***

УДК 94 (470+57) DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-48-52

РУССКО-ВЕНЕЦИАНСКИЕ СВЯЗИ И БОРЬБА С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ В КОНЦЕ XVII ВЕКА

© 2018 г. О.А. Заварухина [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

RUSSIAN-VENETIAN RELATIONS AND THE STRUGGLE AGAINST THE OTTOMAN EMPIRE IN THE LATE 17TH CENTURY

O.A. Zavaruhina [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Заварухина Оксана Алексеевна –
аспирант,
кафедра отечественной истории
средних веков и нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: Vulkanchik07@mail.ru

Oxana A. Zavaruhina -
Postgraduate,
Departament of History
of the Middle Ages and New Time,
Institute of of History and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: Vulkanchik07@mail.ru

Установление тесных связей между Россией и Венецией в конце XVII в. определялось интересами общей борьбы против Османской империи. Россия в 1686 г. заключила Вечный мир с Речью Посполитой и вступила в Священную лигу. Тем самым она впервые стала частью европейской коалиции государств, созданной для войны с Турцией. Интерес к Венеции возрастал с развитием процесса европеизации русской культуры, который обозначился еще при Иване III, так как итальянская культура была частью западноевропейской. Русские посольства в Венецию этого времени способствовали установлению и развитию русско-венецианских связей. Наиболее значительным результатом стало взаимное ознакомление сторон друг с другом и создание предпосылок для дальнейшего развития дипломатических и культурных отношений.

Ключевые слова: *русско-венецианские связи, европеизация России, антиосманские коалиции, русские посольства в Венецию конца XVII в.*

The establishment of close ties between Russia and Venice in the late 17th century was determined by the interests of the common struggle against the Ottoman Empire. Russia in 1686 concluded the Eternal Peace Treaty with the Polish-Lithuanian Commonwealth and entered the Holy League. Thus, for the first time it became part of the European coalition of states created for the war with Turkey. Relations with Venice were also determined by the development of the process of Europeanization of Russian culture, which had already been identified since the time of Ivan III. These ties were caused by the interest of Russia at that time to the Italian culture, which was the part of Western European culture. Russian embassies in Venice at this time contributed to the establishment and development of Russian-Venetian relations. The most significant result of these ties was the mutual familiarization of the parties with each other and the creation of prerequisites for the further development of diplomatic and cultural relations.

Keywords: *Russian-Venetian relations, Europeanization of Russia, anti-Ottoman coalitions, Russian embassies in Venice at the end of the 17th century.*

В последней четверти XVII в. произошли существенные изменения во внешней политике ряда европейских стран, в том числе России. Способствовали этому Вестфальский мир 1648 г., положивший конец длительному европейскому противостоянию на религиозной почве, русско-польское урегулирование по Андрусовскому перемирию и Вечному миру и усиление османской экспансии, наиболее заметным выражением которой был турецкий поход на Вену 1683 г. В отношении противостояния с Османской империей два европейских государства, Россия и Венеция, занимали особое положение. Венецианская республика еще с XV в. периодически вела войны с турками. Для России значительную угрозу представляла не столько сама империя, сколько ее вассал, Крымское ханство. Это государство от московской

дипломатии XVI – XVII вв. требовало не меньшего внимания, чем такие крупные европейские державы, противостоявшие России, как Речь Посполитая и Швеция. В борьбе с Крымом прилагались не только военные усилия, но и шли огромные материальные затраты на создание системы засечных черт. Эти обстоятельства послужили предпосылками для русско-венецианского сближения конца XVII в., которое намечалось еще ранее, когда в 1656 г. в Венецию приезжало русское посольство стольника И.И. Чемоданова.

На эти причины русско-венецианского сближения в историографии обращалось самое серьезное внимание. Но между тем была еще одна предпосылка, определявшаяся процессом европеизации в культурной жизни России, который был вызван привлекательностью европейской культуры для наиболее просвещенной части российских правящих верхов. Так оценивала этот интерес Т.В.Черникова, видевшая истоки европеизации еще в Московском государстве времен Ивана III [1, с. 847]. Интерес к культуре европейских стран означал также интерес к культуре итальянских государств. Последняя вела свое начало от синтеза культуры античного Рима и христианства, пришедшего и утвердившегося на исходе Римской империи, давала выдающиеся образцы классической культуры, которые воспринимались и становились матрицей культуры европейских стран. В этой связи сближение с Венецианской республикой создавало для российской власти, стремившейся к усвоению европейских образцов и стандартов в разных сферах жизни страны, предпосылки для усвоения культуры итальянских государств и прежде всего самой Венеции.

Присоединение России к Священной лиге в составе Польши, Империи, Венеции и Рима против Османской империи произошло в 1686 г. при заключении Вечного мира с Польшей. Как заметил В.О. Ключевский, «Московское государство впервые вступило в европейскую коалицию», и вошло тем самым «в концерт европейских держав» [2, с. 487, 612]. Вместе с тем в полной мере, по оценке Д.Ю. Гузевича, союзные отношения России с членами лиги в то время еще не вполне сложились. Во время походов на Крым 1687 и 1689 гг. Россия скорее «действовала против турок заодно, совместно с Лигой, но не как ее член» [3, с. 3]. Тем не менее активизация российско-венецианских отношений была несомненной. Об этом на основании увеличения количества посылавшихся в Россию венецианских официальных документов указывали современные исследователи А.О. Ястребов [4] и Н.Б. Карданова [5].

Союз с Польшей стал темой первых грамот между Москвой и Венецианской республикой. Уже в 1686 г. дож Маркантонио Джустиниани приносит свои поздравления с этим событием и утверждает, что Россия, имеющая «преискусные и пресильные войска», будет лишь способствовать в борьбе против «свирепейшаго неприятеля християнского врага» [6, стб. 1208, 1211]. В грамоте особо подчеркивалось, что предлагавшийся на тот момент султану мир не должен был быть подписан, пока не будут удовлетворены требования всех сторон. Для укрепления союзнических отношений в конце 1687 г. в Венецию была направлена русская делегация во главе с И.М. Волковым.

Приняли русских посланников более чем достойно. Как писал позже сам Волков, посольству «учинили … высокое почитание» [6, стб. 1281]. Уже в Венцону по указу дожа была выслана группа из двадцати шести человек. В ее составе были польские дворяне в качестве уполномоченных представителей, лакеи для оказания помощи, во главе ее стоял граф Утынский [6]. Вся свита сопровождала московскую миссию вплоть до города. 26 мая Волков прибыл в Венецию и стал ожидать аудиенции у венецианского дожа. В течение июня 1688 г. состоялось три аудиенции. Выступления Волкова были весьма обстоятельными. По указу великих государей ему необходимо было рассказать о ситуации в отношениях между Россией и Польшей, о надеждах на Венецианскую республику и Священную Римскую империю. Обе стороны заявили о своих планах боевых действий против Османской империи. По словам В.О. Ключевского, «Москва взяла на себя в этом предприятии наиболее разученную ею партитуру – борьбу с татарами, наступление на Крым» [2, с. 487].

Крымским походам русской армии в переписке уделено несколько писем. Среди них есть посвященные непосредственно действиям русской армии, а есть и письма, содержащие благословение и перечисление благодарности российским правителям за помощь «против всего христианства неприятелей». В одной из грамот приведен перечень полководцев, которые будут задействованы в кампании. В их число входили «царственныя болшия печати и государственных великих посольских дел Оберегатель»

В.В. Голицын, белгородский наместник К.О. Щербатов, думный дьяк Е.И. Украинцев, псковский воевода А.С. Шеин, шацкий наместник П.Д. Скуратов и др. Столь представительная делегация стала подтверждением оказания со стороны России мощной поддержки Венеции [6].

Другое письмо было написано 26 июня 1687 г. князю Алексею Васильевичу Голицыну, сыну В.В. Голицына, отправленного в то время в поход на Крым. В нем венецианский резидент, подписавшийся как Тирол Албертов, всячески прославляет войско «светлейшего и превосходительнейшего княже», с пожеланием «победы и победителства всесилному Их Величеству войнству от Бога сил предугадываю и обещевати дерзаю» [6, стб. 1269–1270]. Предсказанию, как известно, не суждено было сбыться. Но тем не менее русский поход на Крым способствовал выполнению одной из важных целей общей войны с турками, заключавшейся в отвлечении противника и рассредоточении сил Османской империи.

Частыми просьбами и пожеланиями в письмах являются предложения состоять в «любительской переписке» царей с дожем. С одной стороны, это было направлено к поддержанию и развитию отношений с республикой, но с другой – не стоит забывать и о недоверии между союзниками. Россия тогда еще в лице молодых царей и боярина В.В. Голицына, как известно, с неохотой вступала в альянс против турок. Причинами служили не только мощь Османской империи, но и разногласия между участниками Лиги. Поэтому в переписке заметны настойчивые требования о сообщении по поводу любых действий, связанных с войной с Османской империей, чтобы предостеречь себя от каких-либо неожиданностей. В свою очередь, Москва обязалась также сообщать в письмах в Венецию о любых предприятиях и планах в отношении турок.

Следующим шагом в развитии русско-венецианских отношений, связанных общими интересами борьбы с Османской империей, стал приезд в республику Иоанникия, одного из братьев Лихудов, в 1688 г. Изначально он направлялся туда для решения своих личных дел. Но В.В. Голицын, воспользовавшись ситуацией, решил переслать через монаха послание дожу Маркантонио Джустиниани, которое получил, однако, уже другой дож, Франческо Морозини. Иоанникий это поручение исполнял исключительно в качестве посыльного, а не дипломатического представителя страны. Ему надлежало передать сведения касательно военных предприятиях у крепости Очаков и вблизи Перекопа. Кроме того, в грамотах ставились некоторые вопросы, касавшиеся торговли [6]. Иоанникий пытался повысить свой статус и предстать в качестве посланника от России. Для этого он писал о международном положении, о переговорах в Сенате, об антитурецком настроении в Европе. Но получить ранг посланника ему не удалось.

Поездка Иоанникия не сыграла какой-либо ключевой роли в развития отношений Венеции и России, так как носила скорее уведомительный характер. Но она способствовала поддержанию русско-венецианских отношений.

После длительного перерыва в страны Западной Европы отправился Борис Петрович Шереметев. Не вполне ясны цели этой миссии. Д.Н. Бантыш-Каменский отмечает, что поездка была нацелена на то, чтобы «обогатить умы новыми сведениями, в особенности в части военной» [7, с. 37]. России необходимо было наладить связи с католическим престолом, и Б.П. Шереметев был послан как раз для выяснения настроений Рима. В царском указе о его посылке от 18 декабря 1697 г. написано, что он направляется «для видения тамошних стран» [8, с. 22]. Вопрос о цели посольства Б.П. Шереметева и версии в историографии по этому вопросу рассматривал Д.Ю. Гузевич. Он пришел к выводу, что визит был главным образом направлен на «прощупывание почвы», на восстановление и обновление дружественных русско-венецианских связей, сложившихся ранее [3].

В Венецию Б.П. Шереметев прибыл 3 февраля 1698 г. В связи с болезнью дожа Сильвестра Вальера личной встрече не суждено было случиться. Но тем не менее Б.П. Шереметев уже 16 февраля встретился с приближенным к дожу духовником. Он очень тепло отзывался о деятельности царей против турок и желал скорейшей победы над общим врагом. 18 февраля Шереметев встречался с сенатором Жаном Батиста Дона, который также рассыпался комплиментами в адрес царствующих особ, пожелал «обладати» Константинополем и обещал оказывать помощь. 3 марта Шереметев отбыл из Венеции в Рим. При отъезде ему была выдана проезжая грамота, в которой дож постановил чинить «всякое вспоможение и благоприятство для спокойствия и безопасности его в пути» [8, с. 39]. Поездку Б.П. Шереметева можно считать успешной. Она способствовала поддержанию русско-венецианских отношений накануне но-

вой войны с Османской империей, к которой готовился Петр I, и позволяла рассчитывать в этом случае на союз с Венецией.

Таким образом, в конце XVII в. установились прочные русско-венецианские связи. Об этом свидетельствовал активный дипломатический обмен, который осуществлялся как через послов, так и через доверенных лиц наподобие Иоанникия Лихуда и боярина Б.П. Шереметева. Движущей силой в развитии этих отношений являлись интересы общей борьбы против опасности для обоих государств со стороны Османской империи. Договориться о совместных действиях обе стороны в общем не смогли. Тем не менее позитивные последствия русско-венецианских контактов были очевидны и заключались в углублении знаний о партнере по переговорам и в создании предпосылок для дальнейшего развития взаимных и разносторонних связей.

Литература

1. *Черникова Т.В.* Европеизация России во второй половине XV – XVII веках. М. : МГИМО-Университет, 2012. 944 с.

2. *Ключевский В.О.* Русская история : полный курс лекций. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 831 с.

3. *Гузевич Д.Ю.* Дипломатическая цель Великого посольства 1697–1698/99 // Изв. Саратовского ун-та. История, международные отношения. 2013. Т. 13, № 2. С. 3–11.

4. *Ястребов А.О.* Страницы русско-венецианской дипломатической переписки 80-х и 90-х годов XVII века // Ricerche Slavistiche. 2015. № 13.

5. *Карданова Н.Б.* Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской Республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет : дис. … д-ра филол. наук. М., 2013.

6. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Т. X : Памятники дипломатических сношений с Папским двором и итальянскими государствами (с 1580 по 1699 год). СПб., 1867.

7. *Бантыш-Каменский Д.Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб. : Тип. третьего департамента Мин-ва гос. имущества, 1840. Т. I-II. 314 с.

8. Записка путешествия генерала фелдмаршала российских войск, тайнаго советника и кавалера Малтийскаго, С. Апостола Андрея, Белаго Орла и прусскаго ордена, графа Бориса Петровича Шереметева, в тогдашния времена бывшаго ближняго боярина и наместника Вятского, в европейския государства в Краков, в Вену, в Венецию, в Рим и на Малтийский остров, изданная по подлинному описанию, находящемуся в библиотеке сына его господина обер-камергера, генерал-аншефа, сенатора и кавалера С. Апостола Андрея, С. Александра Невскаго, Белаго Орла и С. Анны, графа Петра Борисовича Шереметева. М. : Печ. при Импер. ун-те, 1773. 90 с.

References

1. Chernikova T.V. *Evropeizatsiya Rossii vo vtoroi polovine XV – XVII veka* [Europeanization of Russia in the Second Half of the 15th - 17th Century]. Moscow: MGIMO-Universitet, 2012, 944 p.

2. Klyuchevskii V.O. *Russkaya istoriya* [Russian History]. Complete course of lectures. Moscow: OLMA-PRESS, 2005, 831 p.

3. Guzevich D.Yu. Diplomaticheskaya tsel' Velikogo posol'stva 1697–1698/99 [Diplomatic Target of the Grand Embassy 1697-1698/99]. *Izv. Saratovskogo un-ta. Istoriya, mezhdunarodnye otnosheniya*. 2013, vol. 13, No. 2, pp. 3-11.

4. Yastrebov A.O. Stranitsy russko-venetsianskoi diplomaticheskoi perepiski 80-kh i 90-kh godov XVII veka [Pages of Russian-Venetian Diplomatic Correspondence of the 80s and 90s of the 17th Century]. *Ricerche Slavistiche*. 2015, No. 13.

5. Kardanova N.B. *Diplomaticheskie poslaniya Petra Velikogo dozham Venetsianskoi Respubliki: tematika, zhanr, stil', epistolyarnyi etiket*: dis. … d-ra filol. nauk [Diplomatic Messages of Peter the Great to the Dojes of the Venetian Republic: Themes, Genre, Style, Epistolary Etiquette]. Moscow, 2013.

6. *Pamyatniki diplomaticheskikh snoshenii Drevnei Rossii s derzhavami inostrannymi* [Monuments of Diplomatic Relations of Ancient Russia with the Foreign Powers]. T. X: Monuments of diplomatic relations with the Pontifical Court and the Italian states (from 1580 to 1699). Saint Petersburg, 1867.

7. Bantysh-Kamenskii D.N. *Biografii rossiiskikh generalissimusov i general-fel'dmarshalov* [Biographies of Russian Generalissimo and General-field Marshals]. Saint Petersburg: Tip. tret'ego departamenta Min-va gos. imushchestva, 1840, vol. I-II, 314 p.

8. *Zapiska puteshestviya generala feldmarshala rossiiskikh voisk, tainago sovetnika i kavalera Maltiiskago, S. Apostola Andreya, Belago Orla i prusskago ordena, grafa Borisa Petrovicha Sheremeteva, v togdashniya vremena byvshago blizhnyago boyarina i namestnika Vyatskogo, v evropeiskiya gosudarstva v Krakov, v Venu, v Venetsiyu, v Rim i na Maltiiskii ostrov, izdannaya po podlinnomu opisaniyu, nakhodyashchemusya v biblioteke syna ego gospodina ober-kamergera, general-anshefa,

senatora i kavalera S. Apostola Andreya, S. Aleksandra Nevskago, Belago Orla i S. Anny, grafa Petra Borisovicha Sheremeteva [A note of the travel of the general Field-marshal of the Russian troops, the secret adviser and cavalier of the Malta, St. Apostle Andrew, White Eagle and the Prussian Order, Count Boris Sheremetev, at the time of the former boyar and viceroy of Vyatka, to the European states in Krakow, Vienna, Venice, to Rome and to the Maltese island, published according to the original description, located in the library of the son of his master, the chief-chamberlain, the general-anshef, senator and knight St. Apostle Andrew, St. Alexander Nevsky, White Eagle and St. Anna, Count Peter Borisovich Sheremetev]. Moscow: Pech. pri Imper. un-te, 1773. 90 p.

Поступила в редакцию / Received ***15 мая 2018 г. / May 15, 2018***

УДК 947.084 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-53-59

СПЕЦИФИКА ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ К УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ, СЛОЖИВШИМСЯ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1920 – НАЧАЛЕ 1930-Х ГОДОВ

© 2018 г. А.С. Казанцев [a]
[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

THE SPECIFICITY OF THE ADAPTATION PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL SPECIALISTS TO THE CONDITIONS OF LIFE PREVAILING IN THE SOVIET UNION IN 1920S - EARLY 1930S

A.S. Kazantsev [a]
[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Казанцев Александр Сергеевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: Sasha.Kazantseff2014@yandex.ru

Aleksandr S. Kazantsev -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: Sasha.Kazantseff2014@yandex.ru

Исследуется специфика проблемы адаптации научно-технических специалистов к условиям жизни, сложившимся в Советском Союзе в 1920 – начале 1930-х гг. Указываются условия, осложняющие данный процесс: развал промышленности, неблагоприятные условия труда и быта, репрессии. Доказывается, что несколько лет репрессий привели к массовому истреблению собственных кадров и краху экономики, что обусловило установление научно-технических контактов за границей. Отмечается положительная роль таких контактов для становления отечественной науки, техники и промышленности. Анализируется сопоставление двух точек зрения (иностранных специалистов и советского руководства). Делается вывод о значении зарубежных контактов в области науки и техники для данного периода отечественной истории.

Ключевые слова: *специфика адаптации, развал промышленности, условия труда и быта, репрессии, научно-техническая интеллигенция, иностранные специалисты, научно-технические контакты.*

The article investigates the specificity of the adaptation problem of scientific and technical specialists to the conditions of life prevailing in the Soviet Union in the 1920s - early 1930s. The author specifies the conditions complicating the process: the collapse of industry, poor conditions of work and life, repression. It is proved that a few years of repression led to the mass extermination of our own personnel and the collapse of the economy, which led to the establishment of scientific and technical contacts abroad. The positive role of such contacts for the development of national science, technology and industry is mentioned. The comparison of two points of view (foreign specialists and the Soviet leadership) is analyzed. The conclusion about the importance of foreign contacts in the field of science and technology for this period of national history is made.

Keywords: *the specificity of adaptation, the collapse of industry, conditions of work and life, repression, the scientific and technical intelligentsia, foreign specialists, scientific and technical contacts.*

Глобальные перемены, произошедшие в российском обществе после революции 1917 г., повлекли за собой не менее глобальные проблемы. В настоящее время условия жизни в нашей стране, вновь вступившей в эпоху перемен, снова представляют собой большую проблему для адаптации, что является в определенной мере следствием проблем, существовавших ранее. Многое представляется повторением прошлого, но в современных условиях, в развитии, на очередном витке эволюции российского общества. Поэтому актуальным и важным именно сейчас

является изучение и анализ проблемы адаптации научно-технических специалистов к условиям, сложившимся в Советской России после революции 1917 г. Осмысление специфики данной проблемы, существовавшей в то время, поможет выработке мер, способных приостановить «утечку мозгов» за границу, восстановить экономику и систему подготовки кадров и в конечном счете создать процветающее общество.

В основе специфики проблемы адаптации научно-технических специалистов к условиям послереволюционной Советской России лежит особенность, которая, в свою очередь, стала следствием революции, гражданской войны и «красного террора» – разрушение основ экономики и кадровая проблема. Весьма характерным и важным для понимания сущности проблемы является тот факт, что в стране не было специалистов, чтобы поднять рухнувшую экономику своими силами. В частности, анализ материалов эмигрантской прессы показал острую нехватку инженеров [1], массово уничтоженных большевиками либо эмигрировавших. Судя по данной информации, советские высшие технические школы 1920-х гг., комплектуемые рабфаковцами, выпускали «весьма неудовлетворительные кадры», что грозило получить из них в будущем «никуда не годных инженеров». Нежелание безработных русских инженеров идти в провинцию на заводы объясняется «спецеедством», в котором виноваты «новые кадры рабочих, пришедшие на завод прямо из деревни». В таком же положении полного бесправия находились тогда сельские учителя, врачи и агрономы, как сообщает тот же источник. Следует отметить, что отдаленные последствия большевистского отношения к интеллигенции видны до сих пор. При советской власти инженер получал зарплату гораздо меньше рабочего в том же цехе, а одни из самых низких зарплат в стране – традиционно у работников образования и культуры даже в настоящее время.

В исследуемый период положение специалистов в России было нелегким [2]. Сообщается о возмутительном обращении с врачами и даже о случаях «физического воздействия» рабочих на технический персонал: выбивании стекол у мастера, бросании камней и выстрелах в квартиру инженеров, бросании чугутиной в помощников заведующего, тяжелом ранении ножом заведующего отделом, избиении рабочими технического руководителя и т. д. Все это происходило на различных советских заводах. Из ссылки на сообщение газеты «Труд» видно, что вследствие финансовых затруднений заводы выплачивали зарплату натурой – водкой! Следует признать, что перечисленные выше факты, слагаясь в целостную картину условий, характерных именно для нашей страны после революции, весьма наглядно отражают специфические сложности, затрудняющие процесс адаптации специалистов в Советском Союзе.

Такое положение в СССР 1920-х гг. было не только в образовании и промышленности, но и в науке. Из сообщения секретаря Академии наук С. Ольденбурга следует, что вопрос о пополнении кадров научных деятелей находится в катастрофическом положении [3].

Подтверждает это и информация из других источников. Эмигрантская пресса констатировала, ссылаясь на данные газеты «Правда», что подготовка молодых ученых приостановилась, часть профессуры эмигрировала, остальные научные работники «усиленно вымирают, изнашиваются…» [4]. На основании подсчетов, произведенных ЦЕКУБУ (Центральной комиссией по улучшению быта ученых), в то время во всем Советском Союзе, включая все республики, насчитывалось 12 000 ученых. «Правда» сообщает, что «количество выпускаемого ученого молодняка лишь максимум 150 «единиц», а вымирает 600 «единиц» ежегодно. Таким образом, «можно считать, что в ближайшие 20 лет научный контингент… сойдет со сцены», и это, поясняется в статье, если ГПУ прекратит высылать, ссылать и расстреливать ученых.

В связи с этими данными, оценивая состояние научно-технического потенциала нашей страны в исследуемый период, необходимо отметить, что количество не сумевших адаптироваться к новым условиям специалистов достигло критического значения, и наука, техника и производство оказались на грани коллапса. Наибольшие трудности переживали сложные и наукоемкие отрасли промышленности, как, например, авиастроение. В этой передовой отрасли особенно необходимы были высококвалифицированные кадры, и не в одной, а во множестве смежных отраслей. Целый ряд источников указывает на поиски помощи за границей.

Судя по документам, поиски велись в нескольких направлениях. Закупка готовой продукции, особенно в случае с авиацией [5] и другими отраслями оборонного значения, была сопряжена с большими проблемами [6].

Наиболее тесные научно-технические контакты у Советского Союза установились с Германией, что вызвало бурю возмущения у мирового сообщества, так как обе страны в то время были его «изгоями». Советские официальные лица категорически отрицали наличие этих контактов в военной сфере [7].

Однако существуют источники, подтверждающие достоверность информации о военных связях между Германией и Россией [8]. Согласно этим данным, немецкими инженерами были построены в России три фабрики: фабрика аэропланов, фабрика снарядов и завод по производству ядовитых газов. Имелось соглашение между германским военным министерством, фирмой «Юнкерс» и советским правительством о том, что Юнкерс на своей московской фабрике должен был строить аэропланы, часть которых предназначалась для Германии. Договор был подписан в феврале 1923 г.

Как видно из этих материалов, речь идет не о закупке готовой продукции, а о таких серьезных контрактах, как строительство заводов оборонного значения. Это уже другой выход, но он тоже вызвал международные осложнения. Несмотря на это, Советский Союз продолжал сотрудничество с Германией и другими государствами в разных сферах. Так, имеются сведения о создании русско-германского общества «Техника и культура» [9], об обращении Совнаркома к знаменитому германскому инженеру Флетнеру по поводу изобретенных им «ветряных башен» [10], а также о разрешении СНК СССР «Тресту заводов слабого тока» заключить договор со шведской фирмой «Телефонное акц. о-во Л.М. Эриксон и К-о» относительно технической помощи тресту в деле автоматической телефонии [11].

Наша авиация также долгое время не могла обойтись без иностранной продукции. Так, согласно данным альбома для постов воздушного наблюдения, изданного в 1930 г., значительную часть авиапарка советских ВВС на рубеже 1920–1930-х гг. составляли самолеты иностранного производства или разработки [12].

Хорошим выходом в создавшейся ситуации с кадрами было приглашение иностранных специалистов для налаживания производства. Так началась научно-техническая иммиграция в Советский Союз – как правило, временная. Таким образом, проблема адаптации к специфическим условиям нашей страны возникла и перед специалистами-иммигрантами.

В этой связи определенный интерес представляют документы, освещающие некоторые детали данного процесса и в своей совокупности позволяющие представить явление целиком, в то же время конкретизируя отдельные его аспекты. Выясняется, что советским правительством была назначена специальная комиссия для обсуждения вопроса об иммиграции, которая «высказалась за интенсивное привлечение специалистов техников и инженеров из заграницы» и «признала желательным отправлять советских инженеров и техников на практические работы за границу» [13].

В эмигрантской периодической печати отмечалось, что «прибывшие из Франции инженеры… приступили к переоборудованию производства на предприятиях треста слабого тока» [14], что «по сообщению высшего экономического совета предполагается допустить в Россию 72 иностранных техника… для работ в области химической, электрической и текстильной промышленности» [15], что «в Донецкий бассейн прибыли две немецкие экспедиции горных инженеров» [16]. Кроме того, из доклада иностранного отделения, заслушанного на заседании высшего совета народного хозяйства, было выявлено, что в то время на советских промышленных предприятиях работало 85 иностранных специалистов, а потребность была в 544 иностранных специалистах [17]. По утверждениям газеты, главным затруднением при найме иностранных спецов являлся вопрос о более высоком жаловании.

Через полгода та же газета сообщает, что советское правительство разрешило приехать в Россию 25 иностранным инженерам и 115 иностранным рабочим [18].

По сведениям выдающегося советского авиаконструктора В.Б.Шаврова, в 1928 г. для работы в СССР Авиатрестом был приглашен французский авиаконструктор, специалист по гидросамолетам Поль Эмэ Ришар с сотрудниками. В образованном для него конструкторском бюро под его руководством, кроме самого В.Б. Шаврова, работали будущие советские авиаконструкторы С.А. Лавочкин, Н.И. Камов, Г.М. Бериев, М.И. Гуревич, И.В. Четвериков и даже будущий отец советской космонавтики С.П. Королев. Существовало КБ недолго, в конце 1931 г. Ришар уехал во Францию. Единственный построенный им самолет показал неплохие качества, но на вооружение принят не был и в серию не пошел [19].

Следует особо подчеркнуть, что данная иммиграция была только временной, по найму, в отличие от эмиграции наших специалистов за рубеж после революции. Кроме того, иммиграцию сдерживали неприязнь к иностранным специалистам, отсутствие уважения к ним, препятствия в работе и даже аресты. В самом деле имеются сообщения об усиленном приглашении советскими учреждениями заграничных специалистов во время сильной безработицы среди своих инженеров, что послужило поводом к недовольству и даже в некоторых случаях резкому протесту [20]. Германский оптик-специалист Фукс не был допущен до работы в петербургском оптическом тресте старшим мастером заводоуправлением, хотя приехал по приглашению [21]. Германский инженер Франк был арестован по ложному доносу нерадивого рабочего [22]. Жене Франка удалось уехать через несколько недель, не имея сведений о муже. Такое отношение даже к приехавшим на помощь из-за рубежа во многом обусловлено воспитанием в массовом сознании ненависти и презрения к работникам умственного труда, в которых власть учила видеть классовых врагов. Это также было характерно для СССР в то время.

Адаптации иностранных специалистов у нас в 1920-е гг. мешало неприятие ими специфики условий нашей страны. Они привыкли к порядку, требовательности к качеству продукции, налаженности производства, приличной зарплате и нормальным условиям труда и быта. В Советском Союзе же, по объективным причинам, такого просто не могло быть. Заводы были разрушены и только начинали восстанавливаться, квалифицированные кадры, в основной массе, уничтожены, либо эмигрировали, работали в основном молодые рабочие без опыта, необученные, из деревни. Сверху спускались нереальные планы, со снабжением были перебои, новые производственные площади и оборудование осваивались, технологические процессы перестраивались, рабсила только обучалась, а быт только начинал налаживаться.

Адаптироваться к таким условиям иностранным специалистам было тяжело, несмотря на то, что они были поставлены в привилегированные условия по сравнению с нашими работниками. На борьбу с препятствиями их, как правило, не вдохновляли высокие идеи, они приехали качественно сделать свою работу ради заработка, так как в их странах с работой были проблемы.

О состоянии производства в стране и положении иностранных специалистов можно узнать из следующего документа, в котором описывается ситуация на заводе № 26, в 1928 г. вступившем в строй после реконструкции. Продолжая расширяться, он в 1930 г. дал первую продукцию – мотор М-17, строившийся по лицензии BMW для авиации. Этот документ, хранящийся в Фонде Орджоникидзе в РГАСПИ, показывает картину, характерную для промышленности того времени [23].

В нем начальник Глававиапрома Баранов 17.03.1933 г. сообщает Народному комиссару тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе информацию (под грифом «Секретно»), 2-й экземпляр которой отправлен 26.03.1933 г. Народному комиссару по военно-морским делам тов. Ворошилову. Информация эта дана по вопросу «Состояние производства на 26 заводе и положение иноспециалистов на заводе» и весьма ценна для изучения объективной картины условий, к которым приходилось приспосабливаться (адаптироваться) иностранным специалистам в нашей стране, так как в ней даны две точки зрения на одни и те же факты – точка зрения иноспециалистов и мнение завода по этому поводу, что в совокупности предоставляет возможность целостного восприятия состояния промышленности, а также особенностей труда, быта и человеческого фактора, характерных для того времени.

На основании данного документа можно утверждать, что иноспециалисты были возмущены отсутствием точности в деталях, поступающих в монтажный цех, причем несоответствия невозможно было устранить самым тщательным монтажом. Заводоуправление признает данное замечание верным и называет в качестве причин низкую квалификацию рабочих, слабость и раздробленность контрольного аппарата и отклонения от технологических процессов.

С заявлением иноспециалистов, что монтеры обходят требования заводского и военного контроля, Баранов соглашается только частично; а с указанием на скачкообразное планирование производства как на одну из основных причин плохого монтажа вообще не согласен: неравномерный выпуск продукции по месяцам обусловлен перебоями в снабжении, перестройкой технологических процессов, освоением нового оборудования и обучением новой рабочей силы.

Иноспециалисты сообщают, что выпускаемые авиационные (!) моторы настолько плохи,

что в «немецком производстве таковых моторов не выпускали из фабрики». Баранов в ответ заявляет, что в условиях борьбы за выполнение производственной программы завод, естественно, не мог уделить вопросам качества должного внимания.

Баранов не считает жалобы на малые ставки верными, сравнивая их с зарплатой наших рабочих. Однако он признает уравниловку, отсутствие прозрачности в оплате труда и недостаточную организацию производства и труда. Положение с питанием и жилищными условиями он считает удовлетворительным, опять-таки сравнительно с положением собственных рабочих.

С точки зрения завода иноспециалисты не являются высококвалифицированными, а представляют собой средних хорошо квалифицированных рабочих, которые выделяются только на фоне нашей молодой рабсилы. Они не могут конкурировать с нашими опытными кадровыми рабочими, которых осталось очень мало. Отсюда у них, по мнению завода, неправильный взгляд на качество наших рабочих, на организацию производства и на качество изделий, которого якобы не требовали.

Тем не менее Глававиапром поставил заводу ряд конкретных задач по организации производства, по освоению технологических процессов, и по повышению качества по всем показателям и постановил заставить завод эти задания выполнить.

Разумеется, не только временно, ради заработка, приезжали в нашу страну в те годы научно-технические специалисты. Некоторые, как Р.Л. Бартини и А.А. Штернфельд, приехали сюда, вдохновленные великими идеями. Условия труда и быта для них имели второстепенное значение. Главным приоритетом была возможность творческой реализации на благо своей новой Родины, а труд иноспециалистов на том этапе у нас был востребован. Но продолжался этот период недолго. Р.Л. Бартини, показавший прекрасный карьерный рост от лаборанта до главного конструктора рекордного самолета «Сталь-7» [24], был репрессирован и посажен в тюрьму по ложному доносу. А.А. Штернфельд, принесший в дар своей новой Родине свою книгу «Введение в космонавтику» [25], был уволен с работы и всю остальную жизнь был вынужден решать проблемы освоения космоса дома, в одиночку, в научно-популярных статьях.

Анализ представленных документов позволяет сделать вывод, что СССР в 1920 – начале 1930-х гг. представлял собой общество, жестокое к своим гражданам, но в целях собственной адаптации и просто выживания в окружении враждебных государств, по необходимости стимулировавшее развитие научно-технической мысли и экономики. Ради этого вследствие недостатка квалифицированных специалистов (в основной массе уничтоженных либо эмигрировавших) были допущены контакты с иностранцами. Контакты шли по трем направлениям: закупка готовой продукции, постройка заводов в России и приглашение иностранных специалистов. Специфика проблемы адаптации в нашей стране в то время представляла и для наших, и для иностранных специалистов целый комплекс взаимосвязанных причин объективного и субъективного характера. Безусловно, адаптацию научно-технических специалистов в исследуемый период в СССР крайне затрудняли нестабильность производства, нереальные планы, перебои со снабжением, необходимость осваивать новое оборудование и обучать с нуля новую рабочую силу, что вело к лихорадочности производственных процессов. Общая разлаженность производственных связей в сочетании с тяжелыми условиями труда и быта, а также «спецеедство» и угроза репрессий со стороны государства делали процесс адаптации научно-технических специалистов весьма затруднительным, а часто просто невозможным. Однако в истории нашей страны исследуемый период имел и свои положительные стороны. Очень важно, что именно в это время были заложены основы советской науки, техники и промышленности, подготовлены высокопрофессиональные кадры. Следует признать позитивную роль контактов с зарубежной научно-технической мыслью, вложения больших сил и средств в развитие советской науки и техники, а также осознания необходимости этого развития ради выживания страны и концентрации усилий в этом направлении.

Литература

1. С инженерами неблагополучно // Руль (Берлин). 1926. № 1594. 28 февр. С. 4.

2. Положение специалистов в России // Руль (Берлин). 1926. № 1826. 3 дек. С. 4.

3. Истощение научных кадров // Руль (Берлин). 1926. № 1625. 8 апр. С. 4.

4. Вымирание науки // Дни (Берлин). 1925. № 717. 17 марта. С. 2–3.

5. Задержание аэропланов // Руль (Берлин). 1923. № 912. 4 дек. С. 3.

6. О советских аэропланах // Руль (Берлин). 1923. № 921. 14 дек. С. 3.

7. Советское опровержение // Дни (Париж). 1926. № 1179. 8 дек. С. 1.

8. «Юнкерс» в России // Дни (Париж). № 1179. 1926. 8 дек. С. 1.

9. Техника и культура // Дни (Берлин). 1925. № 696. 20 февр. С. 3.

10. Флетнер и советская Россия // Дни (Берлин). 1925. № 661. 10 янв. С. 3.

11. Концессионный договор о телефонных автоматических установках // Парижский вестник. 1925. № 166. 18 дек. С. 2.

12. *Владимиров М.А.* Силуэты самолетов. Альбом для постов воздушного наблюдения. М.: Осоавиахим СССР, 1930. С. 18–19, 58–59, 98–99, 120–123, 150–151, 154–157, 166–169.

13. Привлечение иностранных техников // Руль (Берлин). 1925. № 1258. 23 янв. С. 3.

14. Французские инженеры в Петрограде // Руль (Берлин). 1924. № 955. 26 янв. С. 2.

15. Допущение иностранных специалистов // Руль (Берлин). 1925. № 1278. 15 февр. С. 4.

16. Немецкие горные инженеры в Донбассе // Руль (Берлин). 1926. № 1601. 9 марта. С. 3.

17. Иностранные спецы в СССР // Руль (Берлин). 1926. № 1630. 14 апр. С. 3.

18. Иностранные техники в СССР // Руль (Берлин). 1926. № 1763. 19 сент. С. 3.

19. *Шавров В.Б.* История конструкций самолетов в СССР до 1938 года (Материалы к истории самолетостроения). М. : Машиностроение, 1969. С. 389–390; 1986. С. 432–434.

20. Приглашение иностранных инженеров // Руль (Берлин). 1925. № 1513. 22 нояб. С. 5.

21. Жалоба спеца-иностранца // Дни (Париж). 1926. № 1017. 28 мая. С. 2.

22. Арест немецкого инженера // Дни (Берлин). 1925. № 683. 5 февр. С. 3.

23. РГАСПИ Ф. 85. Оп. 29. Д. 550. Л. 1–2.

24. Новый рекорд скорости на 5000 километров // Известия. 1939. № 205 (6975). 4 сент. С. 1.

25. ОПИ ПМ Ф. 24.28406/1. Штернфельд А.Я. Введение в космонавтику. М., Л. : Главная редакция авиационной литературы, 1937.

References

1. S inzhenerami neblagopoluchno [Miserable State of Engineers]. *Rul'* (Berlin), 1926, No. 1594, Febr. 28, p. 4.

2. Polozhenie specialistov v Rossii [Position of Specialists in Russia]. *Rul'* (Berlin). 1926, No. 1826, Dec. 3, p. 4.

3. Istoshhenie nauchnykh kadrov [The Depletion of the Scientific Staff]. *Rul'* (Berlin). 1926, No. 1625, Apr. 8, p. 4.

4. Vymiranie nauki [Extinction of Science]. *Dni* (Berlin). 1925, No. 717, March 17, pp. 2-3.

5. Zaderzhanie aeroplanov [Detention of Airplanes]. *Rul'* (Berlin). 1923, No. 912, Dec. 4, p. 3.

6. O sovetskikh aeroplanakh [About Soviet airplanes]. *Rul'* (Berlin). 1923, No. 921, Dec. 14, p. 3.

7. Sovetskoe oproverzhenie [Soviet Refutation]. *Dni* (Parizh). 1926, No. 1179, Dec. 8, p. 1.

8. «Yunkers» v Rossii ["Junkers" in Russia]. *Dni* (Parizh). 1926, No. 1179, Dec. 8, p. 1.

9. Tekhnika i kul`tura [Technology and Culture]. *Dni* (Berlin). 1925, No. 696, Febr. 20, p. 3.

10. Fletner i sovetskaya Rossiya [Fletner and Soviet Russia]. *Dni* (Berlin). 1925, No. 661, Jan. 10, p. 3.

11. Koncessionnyi dogovor o telefonnykh avtomaticheskikh ustanovkakh [Concession Agreement on Automatic Telephone Installations]. *Parizhskii vestnik* (Parizh). 1925, No. 166, Dec. 18, p. 2.

12. Vladimirov M.A. *Siluety samoletov. Al`bom dlya postov vozdushnogo nablyudeniya* [Silhouettes of Aircraft. Album for Air Surveillance Posts]. Moscow: Osoaviakhim SSSR, 1930, pp. 18-19, 58-59, 98-99, 120-123, 150-151, 154-157, 166-169.

13. Privlechenie inostrannykh tekhnikov [Attraction of Foreign Technicians]. *Rul'* (Berlin). 1925, No. 1258, Jan. 23, p. 3.

14. Frantsuzskie inzhenery v Petrograde [French Engineers in Petrograd]. *Rul'* (Berlin). 1924, No. 955, Jan. 26, p. 2.

15. Dopushhenie inostrannykh specialistov [Admission of Foreign Specialists]. *Rul`* (Berlin). 1925, No. 1278, Febru. 15, p. 4.

16. Nemetskie gornye inzhenery v Donbasse [German Mining Engineers in the Donbass]. *Rul`* (Berlin). 1926, No. 1601, March 9, p. 3.

17. Inostrannye spetsy v SSSR [Foreign Specialists in the USSR]. *Rul'* (Berlin). 1926, No. 1630, Apr. 14, p. 3.

18. Inostrannye tekhniki v SSSR [Foreign Technicians in the Soviet Union]. *Rul'* (Berlin). 1926, No. 1763, Sept. 19, p. 3.

19. Shavrov V.B. *Istoriya konstruktsii samoletov v SSSR do 1938 goda (Materialy k istorii samoletostroeniya)* [The History of Aircraft Designs in the USSR until 1938 (Materials to the History of Aircraft)]. Moscow: Mashinostroenie, 1969, pp. 389-390; 1986, pp. 432-434.

20. Priglashenie inostrannykh inzhenerov [Invitation of Foreign Engineers]. *Rul'* (Berlin). 1925, No. 1513, Nov. 22, p. 5.

21. Zhaloba spetsa-inostrantsa [The Complaint of Specialist-foreigner]. *Dni* (Parizh). 1926. No. 1017, May 28, p. 2.

22. Arest nemetskogo inzhenera [The Arrest of a German Engineer]. *Dni* (Berlin). 1925, No. 683, Febr. 5, p. 3.

23. *RGASPI* [Russian State Archive of Social and Political History] Fund 85. In. 29. File 550. L. l-2.

24. Novyi rekord skorosti na 5000 kilometrov [New Speed Record for 5000 Kilometers]. *Izvestiya*. 1939, No. 205 (6975), Sept. 4, p. 1.

25. OPI PM F.24.28406/1. Shternfel'd A.Ya. *Vvedenie v kosmonavtiku* [Introduction to the Cosmonautics]. Moscow, Leningrad: Glavnaya redakciya aviatsionnoi literatury, 1937.

Поступила в редакцию / Received ***3 июля 2018 г. / July 3, 2018***

УДК 94 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-60-65

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО СУДА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

© 2018 г. М.А. Малина [а]
[а] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

HISTORY OF RUSSIAN JURY TRIAL

M.A. Malina [а]
[а] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Малина Максим Александрович –
аспирант, кафедра уголовного процесса
и криминалистики, юридический факультет,
Южный федеральный университет,
ул. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия.
E-mail: bestar@yandex.ru

Maksim A. Malina -
Postgraduate, Department of Criminal Process
and Criminology, Faculty of Law,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don, 344002, Russia.
E-mail: bestar@yandex.ru

Исследуются исторические основания отечественного суда с участием присяжных заседателей. Рассматривается позиция его критиков о заимствовании данной модели суда российским законодателем. Проводится анализ предпосылок возникновения этой формы судопроизводства в Российской Федерации и исследуются исторические этапы формирования данного правового института в России и в Англии. Осуществляется оценка жизнеспособности суда с участием присяжных заседателей в условиях отечественного правового контекста.

Ключевые слова: *Древняя Греция, Древний Рим, Англия, Российская империя, суд с участием присяжных заседателей, коллегия, жюри, вердикт.*

In the article historical foundations of domestic court with participation of jury members are investigated. The position of its critics on the issue of borrow of this court model by the Russian legislation is considered. The analysis of prerequisites of emergence of this form of legal proceedings in the Russian Federation is carried out and historical stages of formation of this legal institute in Russia and in England are investigated. Assessment of its viability in the conditions of a domestic legal context is carried out.

Keywords: *Ancient Greece, Ancient Rome, England, the Russian Empire, jury trial, board, jury, verdict*.

Одной из наиболее развитых форм участия представителей общества в отправлении правосудия является суд с участием присяжных заседателей. Этот правовой институт получил свое распространение во многих странах мира и имеет богатую историю. При этом полемика его сторонников и критиков сопровождает такую модель суда с самого ее зарождения и по настоящее время. Не обошло стороной это противостояние и нашу страну. В научной литературе существует точка зрения, что данный правовой институт чужд отечественной уголовно-процессуальной доктрине. Так, по мнению Л.В. Головко, классическая модель суда с участием присяжных заседателей представляет собой символ уголовного процесса англосаксонской правовой системы. Уголовное судопроизводство континентального типа ориентировано на профессиональную юстицию. Поэтому данный правовой институт заимствован российским законодателем и не имеет в нашей стране надежных исторических оснований [1, с. 42]. В.В. Клочков аналогичное мнение высказывал при помощи лаконичной формулировки: «Мы – не Англия. Мы – Россия» [2, с. 296–299].

Но такой подход можно назвать правильным лишь отчасти. Стоит отметить, что разнообразные формы участия представителей общества в отправлении правосудия появились в разных странах задолго до зарождения английской модели суда с участием присяжных заседателей. Так, оплотом демократического развития процедуры разрешения спорных вопросов в Древней Греции стало учреждение в Афинах суда

гелиастов (слово «гелиос» в переводе означало «солнце») [3, с. 7]. Суд начинал свою работу на восходе солнца. Примечательно, что численность присяжных судей в жюри зачастую доходила здесь до 500 человек. При этом сложные и важные дела могли рассматриваться коллегией, включавшей до 2000 народных представителей.

В Древнем Риме прообразом суда с участием присяжных заседателей выступили квестии – постоянные комиссии, формируемые для рассмотрения гражданских и уголовных дел (II в. до н.э.). Споры рассматривались особым претором и коллегией присяжных судей, которая формировалась путем жеребьевки. Со временем такие комиссии полностью заменили суды народного собрания.

Представляется, что зарождение английского суда с участием присяжных заседателей можно условно разделить на два этапа в зависимости от роли представителей общества при отправлении правосудия.

Первый этап связан с реформами Генриха II Плантагенета, правившего Англией с 1154 по 1189 г. В сфере совершенствования судебных институтов он адаптировал нормандские традиционные подходы к местным английским условиям. Особенно это коснулось земельных отношений. Здесь спор разрешал королевский судья при помощи представителей местного населения. Они опрашивались под присягой о тех или иных фактических обстоятельствах дела. На основе таких свидетельств и принимались решения. Призванные для исполнения данной миссии жители сотни или графства являлись прообразом сегодняшних присяжных заседателей [4, с. 307].

Установленный Генрихом II порядок стал продолжением обычая, существовавшего еще при Вильгельме Завоевателе. Тогда на основе данных под присягой свидетельств местных жителей составлялась «Книга страшного суда», содержащая данные о земельных владениях Англии и о ее населении. Присяжное исследование фактических обстоятельств в сфере земельных отношений получило свое распространение у преемников Вильгельма.

Данный подход позволял при принятии решения обойтись без использования таких формальных доказательств, как ордалии и поединки. При этом он вводил «... сотрудничество представителей центральной королевской власти и местного населения в лице присяжных, в деле отправления правосудия ...» и «... стал исходным пунктом для всего дальнейшего развития английского процесса, как гражданского, так и уголовного» [4, с. 308].

Такое взаимодействие предполагало участие представителей общества в рассмотрении спорных вопросов в качестве свидетелей. Прибывшим в графство для разрешения спора королевским чиновником (юстициарием) избирались четверо рыцарей [4, с. 310]. Далее уже они осуществляли отбор 12 присяжных из местных жителей. Последние являлись землевладельцами, которые, по мнению рыцарей, были наиболее осведомлены об истинном положении дел: размеры участков, условия их использования и т.д. Решение принималось на основе данных ими под присягой свидетельств об исследуемых фактах. От присяжных при этом требовалось единогласие. В противном случае отбирались новые представители местного населения и процедура исследования повторялась. Из такого «... порядка, видимо, ведет свое происхождение принцип единогласия вердикта присяжных в Англии, а также условия образования жюри» [4, с. 310].

В период царствования Генриха III (1216–1272 гг.) ордалии практически полностью исчезают, и доказательственная система по уголовным делам формируется в рамках «суда отчизны» [4, с. 343]. Здесь миссия присяжных заключалась в сообщении председательствующему всех известных им обстоятельств дела и своих личных впечатлений о произошедшем событии.

Второй этап развития исследуемой формы суда ознаменован изменением роли присяжных заседателей в рассмотрении дел об уголовных преступлениях. При Эдуарде I (1272–1307 гг.) началось перевоплощение представителей общества из свидетелей, сообщавших под присягой искомые сведения о фактической стороне дела, в судей. Их миссия претерпела метаморфозы принципиального характера. Это уже не собрание осведомленных об обстоятельствах происшествия местных жителей, а единая коллегия. Ее мнение (вердикт) формировалось, исходя из исследованных доказательств, и выступало основой решения спора. Такой подход применялся как для выяснения обоснованности обвинения (Большое жюри), так и для решения дела по существу.

Учреждение данной формы суда в России произошло в ходе реформ Александра II в 1864 г. Несмотря на распространенную точку зрения о заимствовании данного института из

Англии, это не вполне соответствует действительности. Несомненно, полноценная модель суда с участием присяжных заседателей была реализована в нашей стране в ключе классической английской традиции. Российский присяжный заседатель – судья факта. То есть миссия отечественного жюри обозначена в духе второго из указанных выше этапов формирования данного института в Англии. При этом последний – естественное продолжение предшествующей фазы, когда присяжные являлись разрозненной коллегией свидетелей. Но такая роль представителей общества при отправлении правосудия существовала и в России, причем задолго до 1864 г. Она имела оригинальный характер и самобытное происхождение.

Основные предпосылки привлечения жителей Российской империи к судебному рассмотрению дел, их задачи и функции, а также описание данной процедуры достаточно полно изложено в трудах В. О. Ключевского [5]. Рассмотрим далее кратко некоторые принципиальные положения.

Долгое время на Руси все официальные действия наместников и волостелей сопровождались соответствующими сборами с местного населения. Таким образом «должность областного управителя называлась кормлением: управитель кормился за счет управляемых в буквальном смысле этого слова» [5]. Из-за этого выполнение кормленщиками своих обязанностей имело целью не столько охрану правового порядка и защиту благополучия местных жителей, сколько увеличение своих собственных доходов.

Такое положение дел обусловило принятие необходимых мер по снижению произвола областных управителей и приданию их деятельности государственного характера в полном смысле этого слова. Для соответствующего ограничения власти кормленщиков использовался двойной контроль.

Во-первых, существовала практика передачи дела в вышестоящую инстанцию для ревизии проведенного разбирательства и принятия итогового решения (надзор сверху). Областной кормленщик проводил общий разбор дела и передавал его в центральный приказ или в Боярскую думу. Такая процедура носила название «доклад». Согласно положениям второго Судебника 1550 г., все наместники и волостели должны были передавать в вышестоящую инстанцию дела о наиболее тяжких преступлениях. Постепенно компетенция центральных учреждений расширялась. Например, помимо таких уголовных преступлений, как разбой, душегубство, татьба (кража) с поличным, с конца XV в. сюда начали поступать на доклад и земельные споры.

Во-вторых, контроль за судебными действиями кормленщиков осуществлялся представителями местного населения (надзор снизу). Так, С.А. Пашин отмечал, что Российский Судебник 1497 г. предписывал включать в состав суда наместников и волостелей земских выборных людей – представителей местного населения (сотских, старост и т.д.) [6, с. 1]. Привлечение к судебному разбирательству дела судных мужей стало продолжением старой русской традиции, согласно которой юридические акты должны были совершаться в присутствии свидетелей. Это выступало способом удостоверения их подлинности и действительности.

Соответственно миссия судных мужей имела то же предназначение. Они были призваны выполнять роль свидетелей суда. В отличие от английских присяжных, допрашиваемых об обстоятельствах дела, судные мужи выступали гарантом соответствия действительного порядка рассмотрения дела, указанному в судном списке. Если дело шло в вышестоящую инстанцию на доклад, и одна из сторон оспаривала достоверность судебного протокола, староста и судные мужи должны были свидетельствовать о том, как шел суд на самом деле.

Со временем институт судных мужей развился в особое учреждение, члены которого выполняли соответствующие функции на постоянной основе. Согласно положениям Судебника 1550 г., суд областных управителей предусматривал обязательное участие выборных представителей общества – целовальников. В.О. Ключевский называет их присяжными заседателями или присяжными судными мужами и отмечает, что помимо указанных выше функций они «... должны были наблюдать за правильностью судопроизводства, охраняя правовой порядок, местный юридический обычай от произвола или неопытности кормленщиков, не знавших или не хотевших знать местной правды, – словом, быть носителями мирской совести» [5].

Помимо этого деятельность земских выборных при рассмотрении дела способствовала соблюдению прав привлекаемых к суду лиц. Так, положения второго Судебника предусматривали привлечение к суду наместников и волостелей тех старост и целовальников, которые прожива-

ли в той же местности (волости), что и противоборствующие стороны. Когда кормленщиком принималось решение о передаче подсудимого на поруки, действовало следующее правило. В случае отсутствия возможности найти поручителей судебный пристав не имел права лишать данного человека свободы, а обязан был представить его присяжным. В противном случае староста и целовальники могли отменить арест и потребовать соответствующую компенсацию за незаконные действия.

Институт присяжных судных мужей был упразднен Петром I, который в 1697 г. указал «суду и очным ставкам не быть, а ведать все дела розыском» [6, с. 1]. Законодательное закрепление российского уголовного процесса инквизиционного типа произошло в 1715 г. в Кратком изображении процессов. Данный порядок сохранялся вплоть до реформы уголовного судопроизводства 1864 г.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что зарождавшийся в Российской империи институт присяжных заседателей имел крепкую основу, сформировавшуюся с учетом всех местных самобытных особенностей – народных традиций, русского менталитета, государственного устройства и т.д. При этом очевидно сходство российских и английских основных начал, на которые опирался данный институт в его первоначальном виде. Так, английские присяжные были призваны осуществлять взаимодействие представителей центральной королевской власти и местного населения при отправлении правосудия. Миссия русских судных мужей имела тот же вектор – в суде наместников и волостелей они являлись посредниками между управителями и своими земскими областями.

Но если в Англии данный институт успешно развивался и присяжные заседатели прошли путь от свидетелей до судей факта, то в России данного перехода так и не произошло в силу исторических причин. Введение в России в 1864 г. суда с участием присяжных заседателей английского типа и явилось тем закономерным продолжением развития данной формы суда, благодатная почва для которого существовала здесь столько лет. Представляется, что речь можно вести не о внедрении инородного правового института в отечественную доктрину, а о наступлении второго этапа развития российского института присяжных заседателей.

Полагаем, что подтверждается это следующими фактами. В конце XIX в. в России статистика решений по уголовным делам о наиболее часто встречающихся преступлениях, принятых коронным судом и судом с участием присяжных заседателей, практически не отличалась [6, с. 11]. Так, по делам о краже жюри признавало подсудимого виновным в 60 % случаев, имперский суд – в 61 % преступлений. Данные по приговорам в религиозной сфере составляют 70 и 72 % соответственно. Виновность лица в преступлениях против телесной неприкосновенности в 51 % случаев устанавливалась судом с участием присяжных заседателей и в 55 % дел – коронным судом. Так что вести речь о несовместимости данной формы суда с отечественными реалиями тех лет вряд ли возможно.

Вместе с тем стоит отметить, что у судебной реформы Александра II было множество противников. А. Ф. Кони в своем докладе 25 октября 1880 г. в Санкт-Петербургском юридическом обществе ее критиков охарактеризовал как «... людей, готовых с легким сердцем перекраивать Уставы вдоль и поперек и ортодоксов, защищающих с буквоедством каждую черточку и запятую в Уставе с упорным невниманием к его духу» [7, с. 4]. Соответственно и учреждение в России суда с участием присяжных заседателей породило немалое количество замечаний в адрес данного правового института как среди правоприменителей, так и у представителей научного сообщества.

Наиболее взвешенная точка зрения по отношению к сложившейся ситуации высказывалась А. М. Бобрищевым-Пушкиным. Он призывал, несмотря на европейское происхождение данного института, приступить к изучению его русской модели. Соответствующие положения действующего тогда Устава уголовного судопроизводства 1864 г. отражали подход, который был разработан «... по соображении условий деятельности существовавших уже в Европе судов присяжных и применен к совершенно своеобразным (по сравнению с Европой) жизненным условиям» [7, с. 8–9]. Такой взгляд на проблему согласуется с позицией К. Миттермайера, который указывал на своеобразие и уникальность данной модели суда применительно к каждой стране. Это обусловлено специфичностью политических и общественных условий, национальными особенностями, присущими отдельно взятому государству [8, с. 3].

Большая работа по совершенствованию отечественного суда с участием присяжных заседателей была проведена Санкт-Петербургским юридическим обществом. Вопросами улучше-

ния организации данного института и условий его деятельности занимались такие видные его представители, как А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, В. К. Случевский, Н. А. Неклюдов, Н. С. Таганцев, Н. В. Муравьев, И. Я. Фойницкий.

Всего в дореволюционный период суд с участием присяжных заседателей существовал около 53 лет. Он был упразднен принятием 24 ноября 1917 г. Декрета о суде № 1 (Декрет Временного рабочего и крестьянского правительства). Возрождение данной формы судопроизводства произошло 16 июля 1993 г. внесением в УПК РСФСР нового раздела «Производство в суде присяжных». Таким образом, на сегодняшний день суд с участием присяжных заседателей в его классическом понимании существует в нашей стране уже 78 лет.

Исходя из вышеизложенного, считаем, что сегодня можно вести речь о существовании российской модели суда с участием присяжных заседателей. При этом полемика его сторонников и противников по-прежнему не теряет своего накала. Одни ученые отмечают достоинства данной формы российского уголовного судопроизводства [9, с. 245]. Здесь, по мнению Ю.А. Ляхова, существуют все необходимые гарантии независимости судей и «выносится справедливое судебное решение» [10, с. 4]. Другие же по-прежнему считают, что доверять столь ответственную миссию простым гражданам не стоит [11, с. 53].

Представляется, что для разрешения сложившейся ситуации можно воспользоваться подходом, предложенным И. Я. Фойницким 15 декабря 1884 г. на заседании Санкт-Петербургского юридического общества: «Между ломкой и обережением судебных уставов есть нечто среднее – развитие» [7, с. 11]. Полагаем, что воплощение этой идеи как в законотворческом процессе, так и в формировании соответствующих научных концепций позволит найти нужный вектор совершенствования суда с участием присяжных заседателей в Российской Федерации.

Литература

1. *Головко Л.В.* Теоретические и сравнительно-правовые подходы к определению модели участия граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российское правосудие. 2015. № 8. С. 40–49.

2. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования: дискуссии / отв. ред. Л.М. Карнозова; Международный комитет содействия правовой реформе. М. : Междунар. комитет содействия правовой реформе, 1995. 384 с.

3. *Боботов С.В., Чистяков Н.Ф.* Суд присяжных: история и современность. М. : Манускрипт, 1992. 149 с.

4. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб. : Равена, Альфа, 1995. 846 с.

5. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекции XXXVIII – XXXIX. URL https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/38 (дата обращения: 25.06.2018).

6. *Пашин С., Левинсон Л.* Суд присяжных: проблемы и тенденции. М., 2004. 68 с.

7. *Бобрищев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М. : Книга по требованию, 2013. 624 с.

8. *Миттермайер К.* Суд присяжных и его значение. Одесса : Г. Бейленсон и И. Юровский, 1895. 32 с.

9. *Стецовский Ю.И.* Судебная власть. М. : Дело, 2000. 399 с.

10. *Ляхов Ю.А., Филимонов Г.А.* Суд присяжных: Российская действительность и традиции. М. : Экспертное бюро, 1998. 102 с.

11. *Алексеев И.Н.* Суд присяжных заседателей как угроза российской правовой системе // Уголовный процесс. 2005. № 5. С. 52–59.

References

1. Golovko L.V. Teoreticheskie i sravnitel'no-pravovye podkhody k opredeleniyu modeli uchastiya grazhdan v otpravlenii pravosudiya po ugolovnym delam [Theoretical and Comparative Legal Approaches to Determining the Model of Citizen Participation in the Administration of Justice in Criminal Cases]. *Rossiiskoe pravosudie.* 2015, No. 8, pp. 40-49.

2. *Sudebnaya reforma: yuridicheskii professionalizm i problemy yuridicheskogo obrazovaniya: diskussii* [Judicial Reform: Legal Professionalism and Legal Education Problems: Discussions]. Res. ed. L.M. Karnozov. Moscow: Mezhdunar. komitet sodeistviya pravovoi reforme, 1995, 384 p.

3. Bobotov S.V., Chistyakov N.F. *Sud prisyazhnykh: istoriya i sovremennost'* [Jury Trial: History and Modernity]. Moscow: Manuskript, 1992, 149 p.

4. Chel'tsov-Bebutov M.A. *Kurs sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i*

burzhuaznykh gosudarstvakh [The Course of Soviet Criminal Procedure Law. Essays on the History of the Court and the Criminal Process in the Slave-owning, Feudal and Bourgeois States]. Saint Petersburg: Ravena, Al'fa, 1995, 846 p.

5. Klyuchevskii V.O. *Kurs russkoi istorii. Lektsii XXXVIII – XXXIX* [Course of Russian History. Lectures XXXVIII-XXXIX]. Available at: https:// azbyka.ru/ otechnik/Vasilij_Klyuchevskij/kurs-russkoj-istorii/38 (accessed 25.06.2018).

6. Pashin S., Levinson L. *Sud prisyazhnykh: problemy i tendentsii* [Jury Trial: Problems and Trends]. Moscow, 2004, 68 p.

7. Bobrishchev-Pushkin A.M. *Empiricheskie zakony deyatel'nosti russkogo suda prisyazhnykh* [Empirical Laws of the Activities of the Russian Jury]. Moscow: Kniga po trebovaniyu, 2013, 624 p.

8. Mittermaier K. *Sud prisyazhnykh i ego znachenie* [Jury Trial and its Meaning]. Odessa: G. Beilenson i I. Yurovskii, 1895, 32 p.

9. Stetsovskii Yu.I. *Sudebnaya vlast'* [Judicial branch]. Moscow: Delo, 2000, 399 p.

10. Lyakhov Yu.A., Filimonov G.A. *Sud prisyazhnykh: Rossiiskaya deistvitel'nost' i traditsii* [The Jury: Russian Reality and Traditions]. Moscow: Ekspertnoe byuro, 1998, 102 p.

11. Alekseev I.N. Sud prisyazhnykh zasedatelei kak ugroza rossiiskoi pravovoi sisteme [Jury Trial as a Threat to the Russian Legal System]. *Ugolovnyi protsess*. 2005, No. 5, pp. 52-59.

Поступила в редакцию / Received ***2 июля 2018 г. / July 2, 2018***

УДК 93 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-66-74

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ ЭТИКИ ДОНСКИХ ШАХТЕРОВ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)[1]

© 2018 г. Н.Г. Мануковский [a]
[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

PECULIARITIES OF LABOR ETHICS OF THE DON MINERS DURING POST-REFORM PERIOD (THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY)

N.G. Manukovskiy [a]
[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Мануковский Николай Георгиевич –
младший научный сотрудник,
кафедра отечественной истории Средних веков и Нового времени,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: magistratury2012@yandex.ru

Nikolay G. Manukovskiy -
Junior Researcher,
Department of National History of the Middle Ages and Modern Times,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: magistratury2012@yandex.ru

Анализируются особенности трудовой этики и трудового поведения донских шахтеров в пореформенные годы второй половины XIX века в России. Установлено, что шахтеры в этот период имели много праздников и прогулов и работали в среднем от 200 до 264 дней в году, что было меньше, чем в среднем по стране. Анализ средней годовой производительности труда показал, что при повышении сдельной заработной платы шахтеры вырубали угля меньше, чем прежде, т. е. меньше, чем могли. При понижении заработной платы повышали производительность своего труда. В то же время в пореформенный период они были склонны нарушать трудовые договоры и правила безопасности и распорядка, что свидетельствует об отсутствии у них ответственного отношения к выполнению своих профессиональных обязанностей. В целом на основе данных о продолжительности рабочего года, годовой производительности труда рабочих и фактах нарушения ими трудовой дисциплины и договоров найма сделан вывод, что большинство донских шахтеров в пореформенный период придерживалось принципов традиционной трудовой этики.

Ключевые слова: *модернизация, индустриализация, трудовая этика, трудовое поведение, прогулы, самоэксплуатация, производительность труда, трудовая дисциплина, ответственное отношение к труду, стремление к минимизации трудовых усилий.*

The article describes analysis of peculiarities of labor ethics and labor behavior of the Don miners during in-reform period. It is stated that Don miners had many holidays and absence from work and worked from 200 to 264 days, which was less than average in the country. Analysis of average annual labor productivity of miners during in-reform period indicates that wage rising made miners work less and mine less coal than before thus they worked less, than they could. At the same time Don miners during in-reform period tended to break contracts of engagement and office regulations, which shows that they didn't have responsible attitude to fulfillment of their professional duties. In whole, on the basis of data on the duration of the working year, the annual labor productivity of workers and the facts of violation of labor discipline and hiring agreements, it was concluded that the majority of the Don miners in the in-reform period adhered to the principles of traditional labor ethics.

Keywords: *modernization, industrialization, labor ethics, labor behavior, absences, self-exploitation, labor productivity, labor discipline, responsible attitude to labor, tendency to minimization of labor efforts.*

[1] Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).

Различаются два идеальных типа трудовой этики, один из которых можно назвать потребительским, традиционным, или минималистским, а другой – современным, или максималистским. Согласно принципам традиционной трудовой этики, следует работать до удовлетворения потребностей в питании, одежде и жилище. Максималистская трудовая этика, напротив, ориентирует работника на достижение в труде максимально возможного результата. Традиционная трудовая этика была общим явлением практически для всех обществ в доиндустриальную эпоху. Поэтому перестройка ее в максималистскую стала объективной необходимостью в эпоху модернизации и индустриализации, которая требовала грамотного, инициативного и дисциплинированного работника, способного интенсивно и качественно трудиться. В этой связи предстоит выяснить, какой трудовой этики придерживались российские рабочие в период модернизации и индустриализации, развернувшейся в России в пореформенный период (вторая половина XIX в.). Основанные на общероссийском материале выводы по данной проблеме ряда современных исследователей (в первую очередь Б.Н. Миронова [1]) нуждаются в дополнении и конкретизации за счет привлечения регионального материала. Особый интерес представляет вопрос о характере и постепенной трансформации в период модернизации трудовой этики различных региональных и профессиональных подотрядов российского пролетариата в пореформенный период, в особенности тех, которые сохраняли сезонный характер труда и связь с деревней. Одним из таких подотрядов были шахтеры Области войска Донского.

Отношение к труду включает много аспектов. Эмпирическими признаками, позволяющими дать ему операционную интерпретацию, могут служить: уровень самоэксплуатации, проявлявшийся в продолжительности рабочего времени и реальная производительность труда в ее соотнесении с предельно возможной производительностью. Еще одним важным признаком, указывающим на характер трудовой этики, являются нарушения работниками трудового договора и правил внутреннего распорядка [1].

С точки зрения определения характерных особенностей трудовой этики показательным является продолжительность рабочего дня. Такие данные могут указать на степень самоэксплуатации и интенсивность труда рабочего. Наиболее подробно рабочий день донских шахтеров в 1890-е гг. был описан штейгером Е.К. Колодубом. Смена горнорабочих, по его словам, производилась в 6 часов утра и в 6 часов вечера. Спуск в шахту начинался ровно в 6 часов и продолжался при большом количестве шахтеров 1,5 – 2 часа. Далее рабочий должен был добраться до места своей работы иногда за 300 – 400 сажен от ствола шахты. «Прибыв в уступ, – отмечал Е.К. Колодуб, – только забойщики и отбойщики немедленно готовятся к работе, то есть осматривают место работы, если нужно, подставляют стойки и упоры, затем, выкурив “цыгарку”, начинают работу. Тягальщики и вагонщики ждут, пока для них накопится материал. … Полная работа обыкновенно начинается не ранее 9 часов. Среди смены обычно бывают отдых и закуска. … хорошие, опытные горнорабочие, зарубщики и выдавщики, оканчивают работу за 2–3 часа до смены и только плохие работники досиживают до конца смены». Таким образом, по его словам, «горнорабочий, находясь в руднике и рудничном здании много часов, на производство затрачивает не более 8–9 часов в сутки» [2, с. 116].

Еще одним из важных показателей, характеризующих особенности трудовой этики, является продолжительность рабочего года. Абсолютное большинство донских шахтеров в период 1860–1880-х гг. проводили на рудниках от 5 до 9 зимних месяцев. Как отмечал Ю. И. Гессен, для крестьян-отходников работы в шахте по непривычке «представлялись очень изнурительными». Поэтому из 9 месяцев в году, проводимых ими на шахтах, у самых «усердных» выходило не более 6 полных рабочих месяцев, так как после месяца работы шахтеры часто «устраивали себе двухнедельный перерыв для отдыха», в результате чего из 180 рабочих дней они отрабатывали лишь 120, совершая до 60 прогулов в течение рабочего периода [3, с. 102].

В официальных документах того времени, в первую очередь в годовых отчетах донских Наказных атаманов за 1880–1890-е гг. и в отчетах управляющего Горной и Соляной частями Области войска Донского, средняя продолжительность рабочего года определялась в 200 дней [4, с. 13]. Как следует из основанных на данных общероссийской официальной статистики расчетов суточной производительности труда шахтеров ряда крупных рудников Дона в 1895 г., приводимых И. П. Хлыстовым, продолжительность рабочего года на шахте РОПИТ составляла от 198,6 до 204,53 дней в году, на

шахте Кошкина – от 196,3 дней до 200,57 дней в году, а на шахтах Иловайских – от 199,63 дней до 201,2 дней [5, с. 156–157]. Эти цифры подтверждаются расчетами Г. Тигранова, отмечавшего, что в конце XIX в. в Донбассе в целом «вследствие обилия праздников, число рабочих дней в году не превышает 240**,** а вследствие неявок на работу оно сокращается и остается не более 200 дней» [цит. по: 6, с. 79].

В последние годы XIX в. под влиянием усиления капиталистической эксплуатации продолжительность рабочего года у шахтеров несколько возросла. Так, комиссия, собиравшая в 1900 г. данные об условиях труда и быта рабочих Донбасса (в том числе и в Области войска Донского), определила, что при 10-часовом рабочем дне на каменноугольных копях рабочий год составлял не более 250 дней. Причем было отмечено, что у шахтеров число рабочих дней «менее среднего в России… по причине частых прогулов и праздников, празднуемых разными артелями» [6, с. 79].

Согласно более подробным данным Статистического бюро Совета съездов горнопромышленников Юга России за конец XIX века, среднегодовое число выходов шахтеров на работу в 1900 г. составило уже 264 дня вместо прежних 200: у забойщиков (учтено 14,6 тыс.) – 267 дней, у прочих подземных (учтено 23,3 тыс.) – 262 дня, у возчиков, грузчиков, сортировщиков, чернорабочих (учтено 6,3 тыс.) – 247 дней, у мастеровых (учтено 3,5 тыс.) – 308 дней. В целом же, по данным того же источника, 101 нерабочий день на Донбассе в 1900 г. включал в себя 52 воскресенья, 27 праздников и еще 22 дня приходилось на прогулы (число которых в сравнении с 1860–1880-ми гг. сократилось) и предпраздничные сокращенные рабочие дни, в которые многие шахтеры не выходили на работу [6, с. 79].

Причем на мелких уголедобывающих предприятиях продолжительность рабочего года шахтеров из-за праздников, прогулов и сезонного ухода с рудников на полевые работы была еще меньше, так как на них работали преимущественно местные жители, для которых шахтерский труд был не основным, а дополнительным источником дохода. Так, согласно рапорту окружного инженера в Управление Горной и Соляной частями Области войска Донского, в течение 1896 г. на рудниках второго горного округа Области Войска Донского, где преобладали мелкие предприятия, число рабочих дней за год не превышало 100 [7, л. 103].

О сокращении продолжительности рабочего года шахтеров из-за большого количества праздников свидетельствуют и воспоминания штейгера Е. К. Колодуба, управлявшего в 1890-е гг. шахтой Епифанова на Грушевском руднике: «Много говорится и пишется о числе рабочих часов, забывают только выяснить число действительных рабочих дней в году. Не принимаются во внимание полу-Петры, десятые пятницы и звон большого колокола, услыхав который, рабочие на работу не пойдут и без всяких пятниц и понедельников» [2, с. 121].

Таким образом, общая продолжительность рабочего года шахтеров Дона при 8 – 9-часовом рабочем дне в период 1890-х гг. составляла от 200 до 264 дней, и была меньше, чем в среднем по стране. Во многом это было обусловленно, как свидетельствуют приведенные данные, большим количеством прогулов и праздников, что указывает на наличие у них стремления к минимизации трудовых усилий. В целом представленные выше данные о продолжительности рабочего дня и рабочего года и количестве праздников и прогулов позволяют сделать вывод о приверженности большинства донских шахтеров к традиционной трудовой этике.

Еще одним показателем уровня самоэксплуатации шахтеров в пореформенный период служат данные о колебании производительности их труда в зависимости от размера заработной платы. Уже в 1840-х гг. на Грушевских копях установилась сдельная оплата труда подземных рабочих. Как отмечал наказной войсковой атаман в своем рапорте в военное министерство от 9 марта 1846 г., на Грушевском руднике «рабочие нанимаются от пуда и получают за каждый пуд добытого угля или антрацита от 2 до 4 копеек: средняя плата – 3 копейки серебром за пуд» [8, с. 63]. В 1859–1860 гг. за пуд добытого угля на шахтах Дона платили 2,5 коп., но когда рабочих на шахтах было мало, сдельный заработок возрастал до 4,5–5 коп. за пуд [9, с. 414–415]. В 1878 г. на шахте РОПИТ за пуд добытого антрацита рабочим платили от 3 до 3,5 коп. [5, с. 302]. В качестве примера, наглядно иллюстрирующего условия такого найма, можно привести договор, который в декабре 1870 г. горный инженер Отто заключил с подрядчиками крестьянином Князевым и казаком Улановым о найме артели численностью в 30 человек для работы на шахте Маркова. Условия, на которых артель согласилась приступить к работам, заключались в том, что ей с каждого пуда выдан-

ного на поверхность угля должно было выплачиваться 3,75 коп., причем за каждый пуд угля, добытого в первую неделю работы, платилось 5 коп. [10, л. 73–90]. В 1870 г. на рудниках Донбасса, по данным Ю. И. Гессена, платили за пуд добытого угля по 5 коп. [3, с. 84]. Плата в 1–1,5 коп. за пуд добытого угля была минимальной и встречалась крайне редко. По данным И.П. Хлыстова, «в течение сорока лет пореформенного периода рабочий-шахтер получал за выработку одного пуда угля 2 – 3 копейки» [5, с. 307].

В период 1880–1890-х гг. на крупных предприятиях произошло снижение расценок сдельной оплаты труда. Так, в 1887 г. на руднике Горного и Промышленного Общества шахтерам за выработку вагона в 30 пудов угля платили по 24, 26, 28, 33, 35 коп. в зависимости от тяжести работ, что составляло от 0,8 коп. за пуд угля до 1,17 коп. [11, с. 189]. Еще на двух шахтах того же рудника, где условия труда были тяжелее, платили по 42 и 45 коп. за вагон, или 1,4–1,5 коп. за пуд [11, с. 189]. По данным комиссии А. А. Штофа, в 1900 г. на Рыковском руднике Общества Рыковских копей за вагон в 30 пудов угля рабочим платили 27 коп. в «продольных печах» и 30 коп. в «лавках», или от 0,9 до 1 коп. за пуд. На Григорьевском руднике того же общества за вагон в 25 пудов угля – от 30 до 45 коп., или от 1,2 до 1,8 коп. за пуд [12, л. 76–78]. На Берестовском руднике Пастухова, по данным того же источника, в это же время шахтерам за вагон в 28 пудов платили 40–50 коп., или 1,5–1,9 коп. за пуд. На Кальмиус-Богодуховском руднике Алексеевского горнопромышленного общества в 1900 г. за вагон в 30 пудов платили 40 копеек при вырубке «в столбах», или 1,4 коп. за пуд, и 60–90 коп. при вырубке «в резке», что составляло 2–3 коп. за пуд. На рудниках Общества Прохоровских копей в 1900 г. платили 60–70 коп. за вагон в 35 пудов, или 1,72–2 коп. за пуд [12, л. 76–78].

Таким образом, если в период 1860–1870-х гг. на рудниках Дона рабочим обычно платили от 2 до 5 копеек за пуд добытого антрацита или угля, то в 1890-е гг. произошло снижение расценок. В это время плата размером более 2 копеек за пуд добытого угля или антрацита на крупных рудниках встречалась крайне редко. В большинстве случаев она была ниже 2 коп. за пуд, а иногда – даже ниже 1 коп.

На Дону средняя добыча угля и антрацита на одного подземного рабочего в 1860-е гг. при установившейся сдельной системе оплаты труда (в среднем 3 коп. за пуд добытого угля) и ручной вырубке угля из пласта составляла около 20–30 пудов в сутки, или от 4000 до 6000 пудов в год [5, с. 157]. Причем по отдельным годам она была даже ниже средней, например, в 1869 г. – 13 пудов на одного рабочего в день, или 2600 пудов в год, а в 1871 г. – 26 пудов в день, или 5200 пудов в год [5, с. 156–157]. Согласно данным, переданным Смотрителем Грушевских угольных копей в Новочеркасский статистический комитет в 1862 г., в среднем грушевский шахтер при плате 3 коп. за пуд добытого антрацита вырабатывал 30 пудов в сутки, или около 6000 пудов в год [13, л. 156].

В 1880–1890-е гг. при прежних физических условиях труда и сохранении ручного его характера производительность труда донского шахтера несколько возросла. Так, согласно расчетам, представленным в годовых отчетах наказных войсковых атаманов за 1880-е гг., в 1881 г., пришедшемся на период промышленного подъема, производительность труда каждого донского шахтера составила 7055,6 пуда в год, или 35,28 пуда в сутки при 200 рабочих днях в год [14, с. 95], в 1884 г., на который пришлось начало экономического кризиса, – 7064,9 пуда в год, или 35,33 пуда в сутки [15, с. 77–78], а в кризисном 1885 г. она даже возросла до 7952,23 пуда в год, или 39,76 пуда в сутки [16, с. 85–86], существенно превзойдя таким образом уровень 1881 г. В 1888 г. произошло снижение до 6672,63 пуда в год [17, с. 71–72]. В 1889 г., когда начался новый промышленный подъем, годовая производительность шахтера составила лишь 6956 пудов, что было ниже уровня кризисного 1884 г., а в 1890 г. отмечен рост до 7288,68 пуда в год [18, с. 43], но при этом, что примечательно, оказалась меньше, чем в кризисном 1885 г.

В дальнейшем, в период мощного промышленного подъема 1890-х гг., производительность труда на донских шахтах при сохранении ручного труда забойщика и прежних физических условий добычи угля возросла в сравнении со средней производительностью 1880-х гг. и составила в 1892 г. 8330,69 пуда в год, или 42 пуда в сутки [19, с. 45–46], в 1894 г. она возросла до 10 353,7 пуда в год [20, с. 41–42], а в 1896 г. достигла максимального для пореформенного периода значения в 13 923,8 пуда, превысив, таким образом, почти в два раза показатель 1881 г. [21, с. 49–50].

В последние годы XIX в. годовая производительность донских шахтеров несколько снизилась в сравнении с 1896 г. Так, в 1898 г. она составила 11 679,36 пуда в год (или на 16 % меньше, чем в 1896 г.) [22, с. 54–55], в 1899 г. годовая производительность шахтера возросла до 12 508 пудов, не достигнув, однако, уровня 1896 г., а в следующем 1900 г. она составила лишь 10 413,8 пуда, приблизившись к уровню 1894 г. [23, с. 55].

Кроме того, в этот период выработка угля или антрацита на одного подземного рабочего на разных донских рудниках была неодинакова. Так, в 1895 г. на шахте РОПИТ она равнялась 6545 пудам в год (32–33 пудам в сутки), у Кошкина – 9427 пудам в год (47–48 пудам в сутки), а на шахтах Макеевского рудника наследников И.Г. Иловайского составляла 26 951 пуд в год (134–135 пудов в сутки) [5, с. 157]. Между тем в 1890-е гг. на указанных рудниках вырубка угля продолжала оставаться ручной. На шахтах Иловайского, отличавшихся самой большой на Дону производительностью труда одного подземного рабочего, по свидетельству Л. А. Либермана, зарубка и отбойка угля ничем не отличалось от того же процесса на других рудниках: «Забойщик лежал как в гробу, с запрокинутой головой, и рубил, рубил, рубил» [24, с. 49].

С 1885 по 1895 г. на Макеевском руднике И.Г. Иловайского годовая добыча угля возросла более чем в два раза (с 8 911 700 пудов в 1885 г. до 15 056 648 пудов в 1890 г. и до 20 078 769 в 1895 г.), в то время как число рабочих значительно уменьшилось (с 1178 чел. в 1885 г. до 865 чел. в 1895 г.) [5, с. 152–153].

В целом рост производительности труда донских шахтеров в течение пореформенного периода не может быть объяснен ни механизацией, ни изменением условий труда. Не всегда он был связан и с увеличением доли опытных квалифицированных рабочих, так как рост производительности одного рабочего часто совпадал по отдельным годам с увеличением общей численности шахтеров, что всегда происходило за счет притока на рудники неопытных крестьян.

Следовательно, данные о динамике производительности труда шахтеров могут свидетельствовать о том, что при господствовавшей в 1860–1870-е гг. системе сдельной оплаты труда, предполагавшей расчет в 2, 3, 4 или 5 коп. за пуд добытого угля, большинство донских шахтеров предпочитало придерживаться определенной меры самоэксплуатации, предполагавшей выработку в год от 2 до 6 тыс. пудов угля или антрацита и дававшей им в день средний сдельный заработок, достаточный, по их мнению, для удовлетворения основных потребностей. Как показывает опыт двух следующих десятилетий, шахтеры при тех же условиях и характере труда могли производить существенно больше. Изменение расценок сдельной оплаты труда в 1880–1890-е гг. в сторону их понижения в условиях сохранения ручной вырубки угля привело к росту уровня самоэксплуатации донских шахтеров, выразившемуся в увеличении продолжительности рабочего года и повышении годовой производительности труда до 7–8 тыс. пудов в 1880-е гг. и до 10–14 тыс. пудов в 1890-е гг. Это свидетельствует о том, что шахтеры в условиях повышения сдельной оплаты труда стремились работать меньше, чем могли, т. е. сознательно снижали уровень самоэксплуатации, что является признаком традиционной трудовой этики.

Этот вывод находит подтверждение в словах штейгера Е. К. Колодуба, долгое время управлявшего одной из крупных копей в Грушевском руднике: «Приходилось нам переживать несколько периодов повышения и понижения заработной платы. Повышения иногда доходили до тройного размера нормального заработка, но в такие периоды совершенно не наблюдалось ни улучшения благосостояния, ни повышения гражданского самосознания. Больше в день зарабатывалось, меньше дней работалось» [2, с. 123]. В этой связи также примечательно высказывание одного из авторов «Горнозаводского листка», заявившего, что «горький опыт 1892 года, когда ощущался недостаток в рабочих, убеждает нас, что экономический закон, утверждающий, что повышение заработной платы влечет за собой увеличение производительности рабочего, на каменноугольных рудниках подтверждается только крайне редкими исключениями. Общим же правилом является факт, что с повышением платы производительность рабочего уменьшается, а его средний месячный заработок остается постоянным, то есть, другими словами, с повышением зарплаты рабочий начинает работать меньше, делает большие прогулы, зная, что повышенная плата обеспечит ему прежний хороший заработок при меньшем числе рабочих дней. Поэтому повышение заработной платы является только средством привлечь рабочих с одного рудника на другой» [25, с. 3603].

В рассматриваемый период на шахтах Дона практиковалась поденная оплата труда, но преимущественно для работающих на поверхности, а также для мастеровых и машинистов (где они имелись) [26, л. 13]. В отношении же подземных рабочих такая система оплаты применялась крайне редко в связи с особенностями их трудового поведения. Известно, что в 1870 г. на шахте Маркова за повременную плату был нанят комплект горнорабочих из местных крестьян и казаков. Согласно заключенным условиям, зарубщики получали 21 руб. в месяц, отбойщики – 22 руб., тягальщики – 19 руб. [10, л. 73–90]. Однако, как отмечал управляющий рудником инженер Отто, из-за большого числа прогулов и праздников у рабочих, производительность их труда оказалась «недостаточна для обеспечения нормального функционирования предприятия» [10, л. 73–90].

Еще одной особенностью трудового поведения донских шахтеров в изучаемый период являлось то, что они часто сознательно нарушали договоры найма. Причем не только переходили с рудника на рудник или на полевые работы до истечения срока найма, но и сразу после приезда на рудник и получения задатка. Так, в 1889 г. администрация Рутченковских копей выписала две партии рабочих из Тульской и других губерний. Однако рабочие вопреки заключенному с предприятием соглашению ушли с рудника на другой день после приезда, оставив в конторе паспорта и не отработав задатков. Как отмечал корреспондент Горнозаводского листка в 1890 г., «часто, рабочие, приехав на место назначения и зная, что наниматель не имеет никакой возможности удержать их и их паспорта, решают, что им нет никакого расчета работать у нанявшего их и рассеиваются по окрестным экономиям и рудникам, куда поступают на работу» [27, с. 697]. В этой связи горнопромышленник из западной части Донбасса А. М. Завадский в докладной записке по рабочему вопросу, присланной в адрес XII съезда горнопромышленников в ноябре 1887 г., отмечал: «Нам нужны постоянные рабочие, которые бы обеспечивали нам правильный ход предприятия и не бросали бы нас во всякое время, когда им вздумается» [8, с. 140].

Почти всегда причиной перехода шахтера с одного предприятия на другое до истечения срока найма являлось то, что они искали лучших условий труда и более высокой оплаты. Пользуясь этим, некоторые горнопромышленники переманивали рабочих к себе. О распространенности такого рода переходов шахтеров на другое предприятие вопреки заключенному договору о найме свидетельствует то, что в 1892 г. на собрании донских углепромышленников в числе прочего обсуждался вопрос о том, чтобы «обязать углепромышленников не принимать на работу артелей и подрядчиков, которые уже обязаны договорами**;** последних следует принимать на работу не иначе, как с возмещением потерпевшему всех убытков**,** причиненных артелью вследствие нарушения договора» [28, л. 1]. В целом, опираясь на приведенные выше данные, можно утверждать, что нарушение шахтерами трудовых договоров представляло собой массовое явление. Очевидно, что эта черта их трудового поведения указывает на то, что они придерживались традиционной трудовой этики.

Трудовое поведение большинства донских шахтеров в пореформенный период также определялось характерным для традиционной трудовой этики низким уровнем трудовой дисциплины, что в свою очередь приводило к частым несчастным случаям на производстве, происходившим по вине самих шахтеров. Об этом свидетельствует большое количество протоколов окружных горных инженеров, составленных на месте происшествия и рассмотренных на заседаниях совета Управления Горной и Соляной частями в Земле Войска Донского за 1870, 1871, 1875 и 1879 гг.

Так, 11 июня 1870 г. в 8 часов по полудни крестьянин Тульской губернии Белевского уезда Поляновской волости Борис Моисеев, поднимаясь из шахты на вагоне с углем, выпал из клети и разбился насмерть. Вместе с ним поднимались еще четыре шахтера. Этот несчастный случай произошел несмотря на то, что конторой рудника было дано предписание «воспретить рабочим подыматься в вагонах с углем». Контора вывесила это распоряжение на здании шахты для сведения рабочих. Между тем за нарушение распоряжений рудничной администрации, согласно договору о найме, записанному в расчетных книжках шахтеров, с каждого рабочего взыскивался штраф в размере 3 рублей. Однако, как было отмечено в журнале совета Управления Горной и Соляной частями Области при обсуждении этого инцидента, «несмотря на такое распоряжение, рабочие, не сознавая своей опасности, продолжают его нарушать и поднимаются из шахты вместе с углем» [29, л. 306].

12 марта 1879 г. на шахте Кушнарева, расположенной на Грушевском руднике, погиб рабочий Кудрявцев, крестьянин Тамбовской губернии Моршанского уезда. Во время спуска в шахту Кудрявцев вопреки установленным правилам решил спуститься в шахту не в бадье, а по канату. Примерно на пятой сажени он сорвался с каната и разбился насмерть [30, л. 95–97] .

В 1888 г. на крестьянской шахте в поселке Верхний Нагольчик, разрабатываемой товариществом из 10 крестьян, один из них, рабочий Афанасий Головков, при подъеме на канате из шахты для перерыва на обед не закрепил страховочный пояс и сорвался. Как сообщал окружной горный инженер, товарищи погибшего признали, что он проявил неосторожность [31, л. 36–39].

Частыми на донских рудниках, как было отмечено на заседании совета Управления Горной и Соляной частями ОВД за 1879 г., были случаи выпадания кусков угля из бадьи при ее подъеме. Так, в 1879 г. на шахте Юганова из-за этого погибли шахтеры братья Земцовы [30, л. 63]. Между тем, согласно ст. 65 Правил безопасности ведения горных работ, за «нагрузку ящиков в таком количестве, что куски угля при подъеме выпадали из ящика, полагался штраф в размере 10 рублей» [30, л. 63].

По данным окружного инженера второго горного округа ОВД, в 1896 г. произошло 25 несчастных случаев. При этом, отмечал окружной инженер, 12 из них произошли от собственной неосторожности шахтеров. Среди указанных 12 несчастных случаев с шахтерами присутствовали такие, как взрыв динамита в казарме, взрыв пистона в руках, падение вагона в шахту из-за нарушения правил, травмы при движении конного ворота из-за нарушения правил эксплуатации, ожог паром из котла. Очевидно, что эти несчастные случаи с рабочими произошли в силу не только недостатка у них опыта или из-за неосторожности, но и также из-за нарушения известных им правил безопасности [32, л. 16].

В 1901 г. на Кальмиус-Богодуховском руднике Алексеевского горнопромышленного общества по вине шахтеров, по расчетам Л. Либермана, произошло 20 % несчастных случаев. Из них собственная неловкость и неосторожность шахтеров была причиной 10,8 % несчастных случаев, неосторожность другого рабочего, повлекшая за собой несчастный случай – 5,7 %, неисполнение правил безопасности – 0,6 % [33, с. 11].

Приведенные примеры лишь некоторых несчастных случаев такого рода показывает, что достаточно часто шахтеры погибали или получали травмы или увечья из-за недостатка опыта и низкого уровня дисциплины. Также шахтеры проявляли склонность к риску и часто нарушали правила безопасности.

Таким образом, анализ продолжительности рабочего года показывает, что донские шахтеры имели большое количество праздников и прогулов и работали от 200 до 264 дней, что было меньше, чем в среднем по стране. Динамика годовой производительности труда одного шахтера в течение пореформенного периода указывает на ее рост с 4000–6000 до 10000–14000 пудов, несмотря на сохранение прежних условий труда и ручного его характера и при постепенном снижении расценок сдельной оплаты. Это говорит о том, что при повышении заработной платы шахтеры вырубали угля меньше, чем при ее снижении, т. е. меньше, чем могли. В то же время нарушались договоры найма и правила распорядка, что дает основание утверждать, что для шахтеров было не свойственно ответственное отношение к труду, к исполнению своих профессиональных обязанностей. В целом такая модель трудового поведения указывает на то, что большая часть донских шахтеров в пореформенный период была носителем традиционной трудовой этики.

Литература

1. *Миронов Б.Н.* Послал Бог работу, да отнял черт охоту // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М. : РОССПЭН, 1999. С. 243–286.

2. *Колодуб Е.К.* Труд и жизнь горнорабочих на грушевских антрацитовых рудниках. М., 1905. 127 с.

3. *Гессен Ю.И.* История горнорабочих СССР. М. : ЦК Союза горнорабочих, 1929. Т. 2. 294 с.

4. Отчет управляющего горной, горнозаводской и соляной частями Области Войска Донского за 1894 год // ГАРО, библиотека.

5. *Хлыстов И.П.* Дон в эпоху капитализма. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1962. 331 с.

6. *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в). М. : Наука, 1979. 208 с.

7. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 1179.

8. *Потолов С.И.* Рабочие Донбасса в XIX веке. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1963. 256 с.

9. Горный журнал. 1861. № 1. С. 414–415.
10. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 680.
11. Рабочее движение в XIX веке : сб. документов и материалов / под ред. А.М. Панкратовой. М. : Госполитиздат, 1952. Т. 3, ч. 1 (1885–1889 гг). 898 с.
12. ГАРО. Ф. 455. Оп. 2. Д. 282.
13. ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д. 93-а.
14. Отчет Войскового наказного атамана за 1881 год. Новочеркасск, 1882. 115 с.
15. Отчет Войскового наказного атамана за 1884 год. Новочеркасск, 1885. 88 с.
16. Отчет Войскового наказного атамана за 1885 год. Новочеркасск, 1886. 97 с.
17. Отчет Войскового наказного атамана за 1888 год. Новочеркасск, 1889. 90 с.
18. Отчет Войскового наказного атамана за 1890 год. Новочеркасск, 1891. 54 с.
19. Отчет Войскового наказного атамана за 1892 год. Новочеркасск, 1893. 56 с.
20. Отчет Войскового наказного атамана за 1894 год. Новочеркасск, 1895. 47 с.
21. Отчет Войскового наказного атамана за 1896 год. Новочеркасск, 1897. 47 с.
22. Отчет Войскового наказного атамана за 1898 год. Новочеркасск, 1899. 60 с.
23. Отчет Войскового наказного атамана за 1900 год. Новочеркасск, 1901. 59 с.
24. *Либерман Л.А*. В угольном царстве. Очерки условий труда и развития промышленности в Донецком бассейне. М., 1918. 132 с.
25. Горнозаводский листок. 1898. № 24.
26. ГАРО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 696.
27. Горнозаводской листок. 1890. № 11.
28. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1085.
29. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 963.
30. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 308.
31. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 527.
32. ГАРО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1178.
33. *Либерман Л.* Условия труда и жизни горнорабочих Юга России // Вестн. фабричного законодательства и профессиональной гигиены. 1905. № 1. С. 1–27.

References

1. Mironov B.N. [God sent the work, but took the devil out of the hunt]. *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik. 1998/1999* [Social History. Yearbook. 1998/1999]. Moscow: ROSSPEN, 1999, pp. 243-286.
2. Kolodub E.K. *Trud i zhizn' gornorabochikh na grushevskikh antratsitovykh rudnikakh* [Work and Life of Miners on the Hrushev Anthracite Mines]. Moscow, 1905, 127 p.
3. Gessen Yu.I. *Istoriya gornorabochikh SSSR* [History of Miners of the USSR]. Moscow: TsK Soyuza gornorabochikh, 1929, vol. 2, 294 p.
4. Otchet upravlyayushchego gornoi, gornozavodskoi i solyanoi chastyami Oblasti Voiska Donskogo za 1894 god [Report of the manager of the mining, mining and salt parts of the Don Military Region for 1894]. *GARO* [SARR], biblioteka.
5. Khlystov I.P. *Don v epokhu kapitalizma* [Don in the Era of Capitalism]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 1962, 331 p.
6. Kir'yanov Yu.I. *Zhiznennyi uroven' rabochikh Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)* [The Living Standard of Workers in Russia (Late 19th - Early 20th Century)]. Moscow: Nauka, 1979, 208 p.
7. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 2. File 1179.
8. Potolov S.I. *Rabochie Donbassa v XIX veke* [Workers of the Donbass in the 19th Century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1963, 256 p.
9. *Gornyi zhurnal*. 1861, No. 1, pp. 414-415.
10. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 2. File 680.
11. *Rabochee dvizhenie v XIX veke* [Workers in the 19th Century]. Ed. A.M. Pankratova. Moscow: Gospolitizdat, 1952, vol. 3, ch. 1 (1885-1889), 898 p.
12. *GARO* [SARR]. Fund 455. In. 2. File 282.
13. *GARO* [SARR]. Fund 353. In. 1. File 93-a.
14. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1881 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1881]. Novocherkassk, 1882, 115 p.
15. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1884 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1884]. Novocherkassk, 1885, 88 p.
16. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1885 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1885]. Novocherkassk, 1886, 97 p.
17. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1888 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1888]. Novocherkassk, 1889, 90 p.
18. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1890 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1890]. Novocherkassk, 1891, 54 p.
19. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1892 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1892]. Novocherkassk, 1893, 56 p.
20. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1894 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1894]. Novocherkassk, 1895, 47 p.
21. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1896 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1896]. Novocherkassk, 1897, 47 p.
22. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1898 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1898]. Novocherkassk, 1899, 60 p.

23. *Otchet Voiskovogo nakaznogo atamana za 1900 god* [The Report of the Ataman of the Military in 1900]. Novocherkassk, 1901, 59 p.

24. Liberman L.A. *V ugol'nom tsarstve. Ocherki uslovii truda i razvitiya promyshlennosti v Donetskom basseine* [In the Coal Realm. Essays on Working Conditions and Industrial Development in the Donetsk Basin]. Moscow, 1918, 132 p.

25. *Gornozavodskii listok*. 1898, No. 24.

26. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 2. File 696.

27. *Gornozavodskoi listok*. 1890, No. 11.

28. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 1. File 1085.

29. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 1. File 963.

30. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 1. File 308.

31. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 1. File 527.

32. *GARO* [SARR]. Fund 32. In. 1. File 1178.

33. Liberman L. Usloviya truda i zhizni gorno-rabochikh Yuga Rossii [Working and Living Conditions of Mining Workers in the South of Russia]. *Vestn. fabrichnogo zakono-datel'stva i professional'noi gigieny*. 1905, No. 1, pp. 1-27.

Поступила в редакцию / Received ***30 августа 2018 г. / August 30, 2018***

УДК 908 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-75-81

ЖИЗНЬ И ВУЗОВСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.П. ЕФЛЕЕВА В ЯКУТСКОМ, ГРОЗНЕНСКОМ И КУЙБЫШЕВСКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ (1940–1957 ГОДЫ)

© 2018 г. Х.А. Матагова [a], Р.И. Петрова [b]
[a] Чеченский государственный университет, Грозный, Россия,
[b] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия

LIFE AND UNIVERSITY ACTIVITIES OF A.P. EFLEEV IN YAKUTSK, GROZNY, AND IN THE KUIBYSHEV PEDAGOGICAL INSTITUTES (1940-1957)

Kh.A. Matagova [a], R.I. Petrova [b]
[a] Chechen State University, Grozny, Russia,
[b] Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Матагова Хатмат Абуевна –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра отечественной истории и политологии,
исторический факультет,
Чеченский государственный университет,
ул. А. Шерипова, 32, г. Грозный,
Чеченская Республика, 364000, Россия.
E-mail: hatmat73@mail.ru

Khatmat A. Matagova -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of National History and Political Science,
Faculty of History,
Chechen State University,
A. Sheripova St., 32, Grozny, Chechen Republic,
364000, Russia.
E-mail: hatmat73@mail.ru

Петрова Раиса Иннокентьевна –
кандидат технических наук, доцент,
кафедра методики преподавания физики,
Физико-технический институт,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова,
ул. Белинского, 58, г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
677000, Россия.
E-mail: rain72@mail.ru

Raisa I. Petrova -
Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Department of Physics Teaching Methods,
Institute of Physics and Technology,
Ammosov North-Eastern
Federal University,
Belinskogo St., 58, Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia),
677000, Russia.
E-mail: rain72@mail.ru

Анализируется жизненный путь талантливого организатора, руководителя, ученого, математика А.П. Ефлеева на основе воспоминаний, документов и опубликованных материалов. Рассматривается его вузовская деятельность в Якутском, Грозненском и Куйбышевском педагогических институтах в 1940–1957 гг. В период становления, а затем военного и послевоенного восстановления А.П. Ефлеев возглавил работу вначале Якутского, затем – Грозненского государственного педагогического институтов. В 1951–1957 гг. его научно-педагогическая деятельность оказалась связанной с Куйбышевским педагогическим институтом, в котором он занимал должность заместителя директора по научно-учебной работе. Многие задачи,иногда казавшиеся неразрешимыми, в деле развития образования и конкретной работы вузов были им успешно решены. Его огромный вклад и участие в создании советской образовательной системы, успешной деятельности вышеуказанных учебных заведений неоценим. Талант организатора и исследователя, преданность науке, работоспособность, глубокая порядочность оставили огромную память в сердцах его сотрудников, а также несколько ярких страниц в истории российского образования.

Ключевые слова: *Александр Петрович Ефлеев, математико-механический факультет, Ленинградский государственный университет, преподавание, Ленинградский военно-механический институт, Военно-транспортная академия РККА им. Л.М. Кагановича, Якутский педагогический институт, Грозненский педагогический институт, Куйбышевский педагогический институт.*

The life path of a talented organizer, leader, scientist, mathematician is analyzed on the basis of memoirs, documents and published materials. The article deals the University activities in Yakutsk, Grozny and Kuibyshev Pedagogical Institutes in 1940-1957. During the period of formation of the military and post-war reconstruction A.P. Efleev headed the work of the Yakutsk and then Grozny State Pedagogical Institutes. In 1951-1957 his scientific and pedagogical activity was connected with the Kuibyshev Pedagogical Institute, where he held the position of Deputy Director for scientific and educational work. Many tasks, sometimes seemingly unsolvable, in the development of education and the specific work of universities have been successfully solved by him. His great contribution and participation in the creation of the Soviet educational system, the successful operation of the above educational institutions is invaluable. The talent of the organizer and researcher, devotion to science, efficiency, deep decency left a huge memory in the hearts of its employees, as well as several bright pages in the history of Russian education.

Keywords: *Alexander Efleev, Faculty of Mathematics and Mechanics, Leningrad State University, teaching, Leningrad Military Mechanical Institute, Kaganovich Military Transport Academy of the Red Army, Yakutsk Pedagogical Institute, Grozny Pedagogical Institute, Kuibyshev Pedagogical Institute.*

Образцом высокого служения науке и образованию является деятельность Александра Петровича Ефлеева. Его опыт может быть поучительным для представителей профессорско-преподавательских кадров высших учебных заведений.

Изучаемая проблема не являлась предметом специального исследования. Однако отдельные страницы биографии А.П. Ефлеева освещались в коллективных работах, посвященных истории высших учебных заведений, в которых в разное время он работал [1–6].

Следует признать, что деятельность А.П. Ефлеева в Грозненском государственном пединституте освещена не достаточно полно. Отдельные вопросы проблемы рассматривались в публикации Х.А. Матаговой [7]. Редакционной коллегии юбилейного издания, посвященного истории и современности Чеченского госуниверситета, удалось восстановить лишь некоторые факты биографии А.П. Ефлеева из рассказов его бывших студентов и коллег [8, с. 36].

В настоящее время не существует обобщающей работы, посвященной изучению жизни и деятельности А.П. Ефлеева в Якутском, Грозненском и Куйбышевском пединститутах.

Александр Петрович Ефлеев родился «в 1912 г. на станции Болоджари Закавказской железной дороги Бакинской области в семье рабочего, по национальности русский» [2, с. 76]. В 1930 г. он закончил девятилетнюю школу. В 1930–1935 гг. учился на математико-механическом факультете Ленинградского государственного университета по специальности «Аэрогидромеханика». После окончания университета «получил квалификацию научного работника 2 разряда в области аэромеханики и преподавателя вуза, втуза, преподавателя технических рабфаков и старших классов средней школы» [2, с. 76].

Но научно-педагогическая деятельность А.П. Ефлеева была связана не только с тремя вышеназванными учебными заведениями. Свою трудовую карьеру он начинает в г. Ленинграде в 1934–1936 гг. старшим инженером Научно-исследовательского института военного кораблестроения Министерства Военно-Морского Флота СССР (ныне – НИИ (кораблестроения и вооружения ВМФ) ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия»).

В 1936–1939 гг. А.П. Ефлеев учится в аспирантуре, но защита кандидатской диссертации состоится значительно позже, в период его работы в Грозненском госпединституте, о чем будет сказано чуть ниже.

Педагогическая деятельность А.П. Ефлеева началась в 1938–1939 гг. в качестве преподавателя теоретической механики в Военно-механическом институте Народного Комиссариата тяжелой промышленности (ныне – Балтийский государственный технический университет «Военмех» им. Д.Ф. Устинова) и по совместительству в Военно-транспортной Академии РККА им. Л.М. Кагановича (ныне – Военная ордена Ленина академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва Министерства обороны Российской Федерации). К сожалению, более подробными сведениями о его научно-педагогической работе в указанных учебных заведениях г. Ленинграда мы не располагаем, но надеемся, что дальнейшие исследования позволят нам осветить неизвестные страницы его биографии.

Последующая деятельность А.П. Ефлеева оказалась связанной с Якутским педагогическим институтом. Национальные республики нуждались в помощи со стороны центральных учреждений в создании советской образовательной системы. Политические изменения в начале XX в. стали новой страницей в отечественной

истории, в том числе и в образовании. Советской властью в качестве главной ставилась задача всеобщего и бесплатного обучения. Свидетельством успешно проведенной работы явилось введение всеобщего обязательного начального образования в 1930–1931 гг. Значительный рост сети школ вызвал необходимость в ускоренной подготовке школьных учителей. С 1933 г. в стране учреждаются двухгодичные учительские институты, где готовили учителей 5–7-х классов, в числе которых в 1936 г. был открыт Якутский, в 1938 г. – Чечено-Ингушский.

Особенно сложной оставалась ситуация в национальных окраинах, уровень развития образования в которых был невысоким, где существовала проблема с высококвалифицированными педагогическими кадрами. Без помощи центральных и местных партийных и государственных органов эта проблема не могла быть решена. Помощь Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР национальным республикам выражалась в различных формах, в том числе и в направлении квалифицированных работников. Среди них оказался А.П. Ефлеев, который был командирован НКП РСФСР в Якутский государственный педагогический институт (ЯПИ) в феврале 1940 г.

23 февраля 1940 г. он был назначен заведующим кафедрой математики, доцентом данной кафедры и по совместительству временно исполнял должность декана физико-математического факультета ЯПИ. В числе преподаваемых им дисциплин были математический анализ, теоретическая механика и теория функций комплексного переменного. С 18 августа 1941 г. он исполнял обязанности декана физико-математического и естественного факультетов (до 20 октября 1942 г.) в связи с временным упразднением должности декана естественного факультета из-за малочисленности студентов [2, с. 76].

Сохранились свидетельства о его преподавательской деятельности в ЯПИ. Так, в монографии «Вспомним сердцем своим …» приводятся следующие воспоминания ветерана войны и тыла В.В. Алексеева: «Он излагал материал спокойно и ровно, хорошо иллюстрировал теоретический материал и своеобразно вел практические занятия. Он всегда добивался того, чтобы студенты самостоятельно решали задачи. Но зато на консультациях он показывал подробные решения задач. Александр Петрович много рассказывал о своих учителях – об академике В.И. Смирнове, о профессорах Н.М. Гюнтере, Р.О. Кузьмине и о других. Был он широко образованным математиком» [2, с. 77].

С началом Великой Отечественной войны преподавательская деятельность А.П. Ефлеева в течение почти одного года совмещалась с работой в подразделениях всеобщего военного обучения (всевобуча), где готовились резервы для Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). Для пополнения действующей армии подготовленным командным и рядовым составом необходимо было организовать изучение населением военного дела. Поэтому 17 сентября 1941 г. Государственным Комитетом Обороны было принято постановление «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР». Всевобуч проводился в определенные периоды (очереди). Системой всевобуча было охвачено мужское население в возрасте от 16 до 50 лет.

Можно только догадываться о простых человеческих чувствах А.П. Ефлеева, который продолжал честно служить стране, науке и образованию, не зная о судьбе своих родителей, проживавших в оккупированном немцами г. Прохладном, и сыне, который остался в г. Ленинграде.

По собственному свидетельству, А.П. Ефлеев принимал участие во всевобуче 1-й (зимний период 1941–1942 гг.), 2-й (15 марта – 15 августа 1942 г.), 3-й (вторая половина 1942 г.) очереди. В первой очереди он был начальником штаба стрелкового батальона и за работу получил благодарность от командования полка всевобуча и военкомата; во второй очереди – командиром батальона специальных подразделений и в соревнованиях между батальонами занял первое место, за что получил благодарность; в третьей очереди сначала был начальником штаба полка всевобуча г. Якутска, а затем по особому заданию назначен командиром комсомольской молодежи батальона специальных подразделений, подготавливаемых в непосредственно действующих фронтовых частях [9, л. 70].

За это же время А.П. Ефлеев дважды сопровождал эшелоны из лиц, призванных в РККА: первый раз в качестве комиссара эшелона, а второй – в качестве начальника. Эшелоны сопровождались из Якутии до Иркутска по р. Лене и Ангаре.

25 ноября 1942 г. Постановлением Совнаркома ЯАССР А.П. Ефлеев был назначен заместителем Наркома просвещения Якутии по военной подготовке школьников. В этой долж-

ности он проработал до июля 1944 г. и считался кадровым офицером РККА [9, л. 70].

Уже занимая должность директора Грозненского пединститута, А.П. Ефлеев 2 ноября 1945 г. обращается в НКП РСФСР с просьбой рассмотреть представление к награждению медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вероятно, он был награжден этой высокой наградой, но сведениями об этом мы не располагали [7]. Однако поисковая работа и помощь коллег из Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова (ранее – Якутский пединститут) и из Самарского государственного социально-педагогического университета позволили восстановить эти факты из биографии А.П. Ефлеева. Выяснилось, что он Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» 6 июня 1945 г. Эта военная награда оказалась не единственной: 9 мая 1945 г. он был также награжден медалью «За победу над Германией» Президиумом Верховного Совета СССР [6, с. 320].

В июле 1944 г. по ходатайству СНК ЯАССР А.П. Ефлеев был демобилизован из РККА и освобожден от работы в Наркомпросе Якутии для более эффективного использования по специальности и укрепления работы ЯПИ [9, л. 70]. После чего его назначают директором Якутского педагогического института.

С 1 июля 1944 г. А.П. Ефлеев вновь продолжил преподавательскую работу в качестве и. о. доцента на физико-математическом факультете ЯПИ. В период с 20 сентября 1944 г. до 5 марта 1945 г. занимал должность директора ЯПИ.

По его неоднократным просьбам и в связи с долгой работой на Крайнем Севере в марте 1945 г. А.П. Ефлеев был откомандирован из Якутии г. Москву в распоряжение Наркомпроса РСФСР и назначен директором Грозненского педагогического института.

Александр Петрович Ефлеев занимал должность директора Грозненского государственного педагогического / учительского института в 1945–1951 гг. 20 июля 1948 г. А.П. Ефлеев приказом № 550 по ГУВУЗУ Министерства Просвещения РСФСР был утвержден также и. о. зав. кафедрой геометрии Грозненского педагогического института в порядке внутривузовского совместительства и, выполняя соответствующую учебную нагрузку, получал 0,5 ставки доцента, начиная с указанного времени до момента освобождения от работы [6, с. 323–324]. В Грозненском пединституте А.П. Ефлеев преподавал теоретическую механику и теорию аналитических функций. Творческий подход в преподавательской деятельности А.П. Ефлеева в период его работы в разных учебных заведениях подчеркивался не раз в отзывах руководства и современников. Высоким научным уровнем преподавания отличалась также его работа в Грозненском пединституте. В его партийно-производственной характеристике отмечалось, что «лекции читаются на достаточно высоком научном уровне, освещая современное состояние преподаваемых дисциплин. В организации педагогического процесса он уделяет очень много внимания и энергии на решение студентами различных задач и, особенно, по теоретической механике, что приводит к высокому качеству знаний у студентов. За время работы в Грозненском государственном пединституте тов. Ефлеев А.П. зарекомендовал себя как преподаватель, вполне подготовленный к педагогической деятельности в ВУЗах, хорошо владеющий педагогическим мастерством» [6, с. 323–324].

Административная и преподавательская работа А.П Ефлеева сочеталась с научными исследованиями. Первые его научные публикации относятся к 1935 г., когда он был старшим инженером НИИ военного кораблестроения. В годы учебы в аспирантуре в 1936–1939 гг. список его научных трудов пополнился. В его личном деле, хранящемся в Национальном архиве (НА) Республики Саха (Якутия) (РС(Я)), имеется список научных трудов, датированный 15 февраля 1940 г.: «1. Коплометрическое определение малых количеств железа в фосфорнокислых солях сульфо-салициловой кислоты. Журнал «Заводская лаборатория», 1935, г. Москва; 2. Влияние кавитации на подъемную силу и сопротивление крыла аэроплана. На правах рукописи, издание НИИВК, Ленинград, 1936 г.; 3. О садовом озере «Абалах» в Якутии. Журнал «Прикладная химия», 1936, вып. 4, т. 9; 4. Обтекание круговых сегментов идеально сжимаемой жидкостью (плоская задача). Труды Военно-механического института, Ленинград, 1939 г.» [10].

В плане научно-исследовательских работ кафедры математики ЯПИ за 1942 г. А.П. Ефлеев указал следующую тему: «О некоторых особых точках дифференциальных уравнений плоской задачи теории упругости» (руководитель – профессор ЛГУ Волков) [2, с. 77].

Научные исследования А.П. Ефлеева продолжались в годы его руководства Грозненским пединститутом (1945–1951 гг.). В этот период он работал над кандидатской диссертацией «по плоской задаче теории упругости». Одновременно А.П. Ефлеев активно занимался разработкой научных проблем «по газовой механике пористых сред, выдвигаемых практикой нефтяной промышленности города Грозного» [6, с. 321].

Также плодотворностью отличалась в годы его руководства и научно-исследовательская деятельность профессорско-преподавательского состава Якутского и Грозненского пединститутов, которая являлась главным условием обеспечения хороших показателей в их учебной и воспитательной работе. В отчетных документах Грозненского государственного пединститута за 1944/45 учебный год отмечалось, что «научно-исследовательская работа рядом кафедр велась более интенсивно по сравнению с предыдущими периодом и дала ряд положительных результатов. Старший преподаватель кафедры А.П. Ефлеев, назначенный в 1945 г. директором института, смог завершить работу над диссертационной темой по теории упругости» [12, л. 13 об.]. Решением Совета Азербайджанского государственного университета им. Кирова от 1 июля 1948 г. (протокол № 17) Александру Петровичу Ефлееву была присуждена ученая степень кандидата физико-математических наук [6, с. 323]. Как свидетельствуют документы, А.П. Ефлеев был утвержден в ученом звании доцента по кафедре «Математический анализ» 11 декабря 1948 г. [6, с. 323].

В последующие годы было опубликовано еще несколько научных работ, о чем свидетельствует сообщение из партийно-производственной характеристики Грозненского пединститута: «За прошлый период его научной деятельности имеются шесть законченных работ по гидротехнике и теории упругости (одна из них опубликована в печати)» [6, с. 321]. В документе, датированном 24 июня 1957 г. – ходатайство директора Куйбышевского пединститута Я.Ф. Водоватова об установлении персональной пенсии республиканского значения семье А.П. Ефлеева на имя заместителя министра просвещения РСФСР, сообщается, что он «имеет восемь научных работ по гидротехнике и теории упругости» [6, с. 324].

Широким кругом интересов и обязанностей отличалась его общественная работа. В период нахождения в Якутской АССР был секретарем комитета ВЛКСМ ЯПИ и членом бюро ОК ВЛКСМ. Будучи директором Грозненского пединститута, А.П. Ефлеев также принимал активное участие в партийно-массовой работе института, являлся членом партийного бюро института, депутатом Грозненского городского совета депутатов трудящихся в 1947–1950 гг.

За время работы в Якутском и Грозненском пединститутах А.П. Ефлеевым была проведена работа по укреплению материальной базы учебных заведений. Благодаря его инициативе и настойчивости удалось решить вопрос о дальнейшей эксплуатации учебного здания ЯПИ, произвести ремонт, обеспечивающий безопасную эксплуатацию, а ряд вопросов, которые ставил А.П. Ефлеев перед НКП РСФСР, были решены после его ухода с директорской должности.

Говоря об учебно-материальной базе Грозненского института, директором которого в 1945 г. был назначен А.П. Ефлеев, следует отметить, что она продолжала оставаться без изменений, и ему пришлось решать проблемы довоенного и военного времени. По-прежнему институт располагался в тесном, малоприспособленном для полноценной вузовской работы здании. Аудиторный фонд был совершенно недостаточен, особенно не было помещений для потоков в 50–100 человек, поэтому аудиторные занятия проводились в кабинетах. Особенно неудовлетворительным было положение на физико-математическом факультете, где отсутствовали возможности развернуть физические лаборатории. Институт не располагал нормальным спортивным залом. Все это создавало трудности с организацией учебно-производственного процесса. Опыт решения проблем, связанных с материально-технической базой, приобретенный в период его работы в Якутии, будет успешно использован в Грозном. Несмотря на сложности, в результате большого напряжения сил, институту в 1951/52 учебном году удалось наладить занятия в одну смену, хотя в отдельные периоды учебного года приходилось проводить занятия в две смены.

В период руководства Грозненским институтом А.П. Ефлеевым была проведена работа по улучшению учебно-педагогического процесса в целом и повышению научно-педагогической квалификации преподавателей института. Следует отметить, что обеспеченность квалифицированными кадрами с каждым годом повышалась. Если в институте в 1944/45 учебном году, когда он был назначен директором, не было ни

одного профессора, недостаточным было количество кандидатов и доцентов, а также имело место большое количество совместителей, то в 1951/52 учебном году работало 64 преподавателя. В результате проведенной кропотливой работы институт уже имел 16 дипломированных работников, в том числе 1 профессора, доктора наук и 15 доцентов и кандидатов наук.

В 1951–1957 гг. научно-педагогическая деятельность А.П. Ефлеева оказалась связанной с Куйбышевским педагогическим институтом. В феврале 1951 г. А.П. Ефлеев был переведен на должность заместителя директора Куйбышевского педагогического института по научно-учебной работе, где, проработав до 16 марта 1954 г., был освобожден от обязанностей заместителя директора по личной просьбе и назначен заведующим кафедрой теоретической физики [6, с. 323–324]. Александр Петрович Ефлеев умер 12 апреля 1957 г. после тяжелой болезни.

Подводя итоги, отметим, что вся жизнь А.П. Ефлеева была посвящена научной и учебно-воспитательной работе. Его можно считать добрым посланцем науки и образования в разные регионы нашей многонациональной страны. Вся его жизнь, всецело отданная науке и образованию, должна стать образцом для нынешних поколений. В сложный период становления, а затем военного и послевоенного восстановления высшего образования в нашей стране пришлось А.П. Ефлееву руководить работой Якутского, Грозненского госпединститутов. Он обладал всеми качествами научного работника высшей школы – преданностью науке, работоспособностью, умением распределять время и силы, внутренней дисциплиной и исключительной порядочностью. Вклад его в становление и развитие вузовского образования неоценим. В историю Якутского (ныне – Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова), Грозненского (ныне – Чеченский государственный университет) и Куйбышевского (ныне – Самарский государственный социально-педагогический университет) педагогических институтов вписано имя директора, преподавателя, ученого Александра Петровича Ефлеева.

Литература

1. Физико-технический институт: история, работа, люди / отв. ред. А.Н. Капитонов. Якутск : Изд-во Якутского ун-та, 2005. 219 с.

2. *Петрова Р.И., Сивцева В.С., Петрова С.И., Максимова М.Н.* Вспомним сердцем своим… Якутск : Изд. дом СВФУ, 2014. 408 с.

3. *Алексеев В.В*. Становление математического факультета. Якутск : Изд-во ЯГУ, 1996. 77 с.

4. *Петрова Р.И.* Первые деканы физико-математического факультета ЯПИ, ЯИУ и ЯГУ (1937–1969 гг.). // Физико-технический институт: история, работа, люди / отв. ред. А.Н. Капитонов. Якутск : Изд-во ЯГУ, 2005. С. 58–68.

5. *Петрова Р.И., Сивцева В.С., Петрова С.И*. Якутский пединститут в годы войны (1941–1945 гг.). Якутск: CMYK-master, 2007. 195 с.

6. Жизнь замечательных людей физико-математического факультета : издание, посвящённое 105-летию Самарского государственного социально-педагогического университета и его факультета математики, физики и информатики / сост. В.Н. Аниськин, Л.И. Бордунова, Л.П. Токмакова; отв. ред. В.Н. Аниськин. Самара: Изд-во СГСПУ, 2017. Т. 5, ч. 1.

7. *Матагова Х.А.* Они были первыми: директора Чечено-Ингушского государственного педагогического / учительского института в 1938–1951 гг. // Политематический сетевой электронный научн. журн. Кубанского гос. аграрного ун-та. 2017. № 125 (01).

8. Чеченский государственный университет. М. : Дизайн хаус, 2012. 240 с.

9. ГАРФ. Ф. 2306.Оп. 70. Д. 4778.

10. НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 174. Д. 1455.

11. НА РС(Я). Ф. 828. Оп. 1. Д. 123.

12. ГАРФ. Ф. 8080. Оп. 1. Д. 1809.

References

1. *Fiziko-tekhnicheskii institut: istoriya, rabota, lyudi* [Physico-Technical Institute: History, Work, People]. Ed. A.N. Kapitonov. Yakutsk: Izd-vo Yakutskogo un-ta, 2005, 219 p.

2. Petrova R.I., Sivtseva V.S., Petrova S.I., Maksimova M.N. *Vspomnim serdtsem svoim…* [Let's Remember with our Heart...]. Yakutsk: Izd. dom SVFU, 2014, 408 p.

3. Alekseev V.V. *Stanovlenie matematicheskogo fakul'teta* [Establishment of Mathematical Faculty]. Yakutsk: Izd-vo YaGU, 1996, 77 p.

4. Petrova R.I. [The First Deans of the Physics and Mathematics Faculty of YAPI, YaIU and YSU (1937-1969)]. *Fiziko-tekhnicheskii institut: istoriya, rabota, lyudi*. Resp. ed. A.N. Kapitonov. Yakutsk: Izd-vo YaGU, 2005, pp. 58-68.

5. Petrova R.I., Sivtseva V.S., Petrova S.I. *Yakutskii pedinstitut v gody voiny (1941–1945 gg.)* [Yakutsk Pedagogical Institute in the Years of the War (1941-1945)]. Yakutsk: CMYK-master, 2007, 195 p.

6. *Zhizn' zamechatel'nykh lyudei fiziko-matematicheskogo fakul'teta* [The life of remarkable people of the physics and mathematics faculty]. Publication dedicated to the 105th anniversary of the Samara State Social and Pedagogical University and its faculty of mathematics, physics and computer science. Comp. by V.N. Anis'kin, L.I. Bordunova, L.P. Tokmakova; resp. ed. V.N. Anis'kin. Samara: Izd-vo SGSPU, 2017, vol. 5, ch. 1.

7. Matagova Kh.A. Oni byli pervymi: direktora Checheno-Ingushskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo / uchitel'skogo instituta v 1938–1951 gg. [They were the first: the directors of the Chechen-Ingush State Pedagogical / Teacher's Institute in 1938-1951]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchn. zhurn. Kubanskogo gos. agrarnogo un-ta*. 2017, No. 125 (01).

8. *Chechenskii gosudarstvennyi universitet* [Chechen State University]. Moscow: Dizain khaus, 2012, 240 p.

9. *GARF* [SARF]. Fund 2306. In. 70. File 4778.

10. *NA RS(Ya)* [NARS]. Fund P-3. In. 174. File 1455.

11. *NA RS(Ya)* [NARS]. Fund 828. In. 1. File 123.

12. *SARF* [NARS]. Fund 8080. In. 1. File 1809.

Поступила в редакцию / Received ***2 июля 2018 г. / July 2, 2018***

УДК 94(430).084 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-82-87

ВЛИЯНИЕ ВИЛЬГЕЛЬМА II НА ЕВРОПЕЙСКУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ ОБСТАНОВКУ В 1908–1913 ГОДЫ

© 2018 г. В.П. Подольников [a]

[a] *Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

THE INFLUENCE OF WILHELM II ON THE EUROPEAN INTERNATIONAL SITUATION IN 1908-1913

V.P. Podolnikov [a]

[a] *Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории
и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Б. Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону, 344082, Россия.
E-mail: podolnikov@list.ru

Vladimir P. Podolnikov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History
and International Relations,
Southern Federal University,
B. Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don, 344082, Russia.
E-mail: podolnikov@list.ru

Исследуются европейская международная обстановка в предвоенный период 1908–1913 гг. и личное влияние на нее германского кайзера Вильгельма II. Анализируются причины ухудшения англо-германских и русско-германских отношений. Подчеркивается значительная роль Вильгельма II в принятии важнейших внешнеполитических решений германского правительства и в их практической реализации в годы, предшествующие Первой мировой войне. Раскрываются побудительные мотивы его действий, вытекающие из мировоззренческих установок монарха, показаны особенности его дипломатического почерка. Отмечены самовластные методы управления, некомпетентность в вопросах международной политики, недобросовестное и грубое отношение к партнерам по переговорам, преувеличенное самомнение о своих дипломатических способностях, непоследовательность действий. Делается вывод о негативных последствиях личного вмешательства германского императора в европейские международные отношения, о потере доверия к немецкому правительству со стороны Англии и России в предвоенные годы.

Ключевые слова: *международные отношения, дипломатия, кайзер, Германия, доверие, переговоры, внешняя политика, предвоенный период.*

The European international situation in the pre-war period, 1908-1913, and the personal influence of the German Kaiser Wilhelm II on it are being studied. The causes of the deterioration of English-German and Russian-German relations are analyzed. The author stresses the significant role of Wilhelm II in the adoption of the most important foreign policy decisions of the German government and in their practical implementation in the years preceding the First World War. The motives of his actions, arising from the peculiarities of the character and ideological attitudes of the monarch, are revealed, the features of his diplomatic handwriting are shown. Self-government methods of the management, incompetence in international politics issues, unfair and rude attitude to the partners in the negotiations, exaggerated conceit about their diplomatic abilities, inconsistency of actions are noted. The conclusion about the negative consequences of the personal intervention of the German Emperor on European international relations, the loss of confidence in the German government by England and Russia in the prewar years is given.

Keywords: *international relations, diplomacy, Kaiser, Germany, trust, negotiations, foreign policy, pre-war period.*

Роль личного влияния германского кайзера Вильгельма II на разработку внешнеполитической стратегии империи и ее тактическую реализацию недостаточна освещена в отечественной исторической литературе. Но недооценивать ее нельзя, поскольку этот человек, по мнению авторитетных историков, тридцать лет говорил и действовал от имени своего государства и нес большую личную ответственность за его агрессивный внешнеполитический курс [1, 2].

В статье предпринята попытка проанализировать степень персонального влияния немецкого императора на европейские международные дела в предвоенное время (1908–1913 гг.), показать побудительные мотивы его поступков, вытекающих из особенностей характера и мировоззрения Вильгельма II, раскрыть характерные черты его дипломатии.

От Германии в условиях сложного предвоенного периода блоковой политики требовалась глубоко продуманная, четко сбалансированная внешнеполитическая стратегия и тонкая дипломатическая тактика. Реализация этого во многом зависела от личностных качеств главы государства, которого имперская конституция 1871 г. наделяла большими полномочиями в области международной политики: правом назначать и освобождать канцлера, вырабатывать главные направления внешней политики, руководить иностранными делами, включая вопросы объявления войны и заключения мира [3].

Считая дипломатию своей специальностью [4], Вильгельм, однако, по своим личным качествам мало соответствовал роли дипломата, о чем свидетельствуют многочисленные воспоминания близко знавших его людей. В них содержится негативная оценка многих черт его характера, самовластных методов правления, странных особенностей дипломатического почерка.

После похорон Бисмарка Вильгельм в присущей ему напыщенной и хвастливой манере торжественно заявил: «Сегодня упал занавес над длинным актом нашей истории. Теперь начинается второй акт, в котором первая роль принадлежит мне» [5, с. 125]. И на этой позиции он оставался до конца своего правления.

Казалось, после его скандального интервью английской газете «Дейли телеграф» в 1908 г., ситуация должна измениться. По словам его сына, кронпринца Вильгельма, «...под внешней маской своей былой самоуверенности он (Вильгельм II. – *В.П.*) с тех пор возложил на себя обет воздержания от всякой личной активной политики» [6, с. 92]. Но продлилось это не долго, и вскоре окружение императора вновь услышало привычные из его уст слова: «Хозяин и правитель — это я», «...я здесь командую, и все тут!..., я не принимаю решения, я приказываю!» [7, с. 510, 525].

С мнением своих советников Вильгельм не особо считался, поэтому ни канцлер Бюлов, «прячущий в карман» в общении с императором «не только личное самолюбие, но и достоинство, связанное с нравственной ответственностью» [8, с. 318], ни Бетман-Гольвег – эта «длинная никудышность» [5, с. 440], оказавшаяся «почти пустым местом на канцлерском кресле» [9, с. 211], о чем позже говорил и сам Вильгельм [10, с. 91], не составляли ему конкуренцию в решении вопросов внешней политики. «Немецкую политику делаю я сам, – говорил Вильгельм II, – и моя страна должна следовать за мной, куда бы я не шел» [11, с. 516]. И это не было пустой фразой, что отлично понимали и зарубежные партнеры Германии. Председатель Совета министров Российской империи В.Н. Коковцов после визита в Берлин в 1913 г. и аудиенции у Вильгельма, докладывая русскому царю результаты переговоров, сделал следующий вывод: «Имперский канцлер не держит в руках всех нитей внешней политики; она ведется лично императором и всесильной теперь военной кликой» [12, с. 301].

Вести переговоры с Вильгельмом было делом непростым из-за особенностей его характера, который, по словам полковника Хауза, отличали «импульсивность» и «религиозное направление мыслей» [13, с. 59]. Император искренно верил в божественное происхождение своей власти и считал себя «орудием в руках всевышнего» [9, с. 212]. Это делало его излишне самоуверенным и нереалистичным дипломатом. К тому же у императора, по свидетельству близко знавших его людей, отсутствовал логический склад мышления, и он чаще всего действовал, руководствуясь чувствами и интуицией, а не трезвым расчетом [5, с. 76–77]. И уж совершенно неприемлемым для политика качеством Вильгельма II было то, что он «часто жил в мире утопий» [5, с. 61].

Между тем принимать судьбоносные для Германии решения предстояло в реальном мире. В создавшейся расстановке политических сил весьма сложно было найти и утвердить место империи на площадке трех великих европейских держав – Англии, России и Франции. Следовало обладать незаурядными дипломатическими талантами, чтобы, используя существующие между ними противоречия, помешать им сблизиться и сформировать антигерманский военно-политический союз. Вильгельму это не удалось; к 1907 г. Антанта была окончательно создана. Внутри нового блока не было идеального единства взглядов. Каждая страна преследовала и отстаивала свои собственные национальные интересы, которые зачастую противоречили инте-

ресам других. Единственным сплачивающим его элементом была необходимость противостоять Тройственному союзу и его главной силе – Германии. В этой ситуации последняя объективно должна была стремиться к поддержанию ровных отношений с каждым государством враждебного блока. При разумной и тонкой дипломатической игре немцы могли попытаться ослабить, а то и полностью разрушить антантовский триумвират. Но ничего подобного не произошло. Напротив, единство трех государств все более крепло. И немалый личный вклад в это внес своим неуклюжим руководством Вильгельм II. Кайзер, по меткому замечанию российского министра иностранных дел С.Д. Сазонова, «никогда не отличавшийся самостоятельностью своих политических суждений» [14, с. 59], попал под влияние военной партии, которая внушила ему «слишком розовое представление о военном положении Германии» [5, с. 464]. Переоценка собственных сил и недооценка потенциальных противников, в сочетании с поспешностью и импульсивностью принимаемых решений, подталкивали Вильгельма к шагам, обостряющим международную обстановку в Европе до предела.

Правильно понимая внешнеполитическую задачу Германии, состоящую в том, чтобы вбить клин между членами Антанты, Вильгельм попытался реализовать ее на редкость «бездарно и легкомысленно» [15, с. 65], что в конечном итоге привело к противоположным задуманному результатам. Осознавая, что подорвать союз России и Франции не получится, он делает ставку на Англию, по его мнению, наиболее слабое звено блока.

Сразу после похорон королевы Виктории Вильгельм убеждал нового английского короля Эдуарда VII: «Нам следовало бы создать англо-германский союз; вы будете следить за морем, а мы будем ответственны за сушу; с таким союзом ни одна мышь не сможет пошевелиться в Европе» [16, p. 193]. Но попытки сближения с Великобританией постоянно наталкивались на стойкую англофобию кайзера, уходящую корнями в неприятие либеральных взглядов своей матери – дочери английской королевы, и находившегося под ее влиянием отца. «Мать моя, – говорил он С.Д. Сазонову в 1912 г., уже после кончины вдовствующей императрицы, – даже после тридцатилетнего пребывания в Германии, не переставала осознавать себя англичанкой. В ее глазах германские интересы всегда и во все должны были подчиняться интересам ее родины, по отношению к которой она считала, что Германия призвана была играть служебную роль. Меня возмущало до глубины души такое пренебрежительное отношение к Германии» [14, с. 52]. Подобная позиция кайзера постоянно накладывала свой негативный отпечаток на характер англо-германских отношений.

В интервью, данном английской газете «Дейли телеграф» в 1908 г., кайзер, жалуясь на враждебность Англии к Германии, пытался втереться к англичанам в доверие и предлагал им дружбу. Но сам тон интервью (а там можно было встретить фразы типа «вы, англичане, просто ошалели!» или «большая часть... моего народа не питает к Англии особенно дружеских чувств» [9, с. 203]) вряд ли способствовал этому, не говоря уже о том, что самих англичан император называл «взбесившимися мартовскими зайцами» [1, с. 182]. По словам Э. Людвига, «Англия впервые призывается к дружбе по рецепту: А если не хочешь быть моим братом, то я проломлю тебе череп» [17, с. 158]. Улучшения отношений между двумя странами после этого естественно не последовало, скорее наоборот.

Стремление уязвить Англию у Вильгельма все более возрастало, и концу 1908 г. он буквально упивался слухами о предстоящем нападении японцев на Индию, зная насколько болезненна для британцев эта тема. Характерна его пометка на полях одного из документов: «Англичане должны уяснить себе: война с Германией будет означать для них утрату Индии! И вместе с ней – своих позиций в мире» [7, с. 475].

Немалую роль в ухудшении англо-германских отношений сыграла и широко рекламируемая Вильгельмом идея создания фантастической империи от берегов Рейна до устья Тигра и Ефрата, язвительно названная С.Д. Сазоновым «Берлинским халифатом» [14, с. 231], которая затрагивала интересы Англии на Ближнем Востоке. Но, пожалуй, наибольшую опасность со стороны Германии Англия увидела в немецкой программе строительства сильного морского флота, инициатором которой также выступил Вильгельм II. Кайзер заявил: «Наше будущее на море... Я не успокоюсь до тех пор, пока мой флот не будет стоять на такой же высоте, как армия» [18, с. 142, 143]. Уже в 1908 г., в ответ на требования англичан приостановить постройку военно-морских судов, император категорично и воинственно заявил : « Тогда бу-

дем сражаться, потому что это вопрос национальной чести и достоинства» [1, с. 190]. Вильгельм лично запретил канцлеру и государственному секретарю по иностранным делам встретиться с министром обороны Великобритании Халдейном, прибывшим в Берлин в 1912 г. для переговоров по этому вопросу. «Мое терпение и терпение немецкого народа иссякло», – сказал он [11, с. 534].

«Чрезвычайно тяжелое впечатление» на Вильгельма, по словам канцлера Бетман-Гольвега, производило «враждебное окружение, в котором мы находились» и жертвой которого, по мнению императора, должна была стать Германия [19, с. 7]. Эта мысль, как заметил С.Д. Сазонов, превратилась для Вильгельма в «манию преследования» [14, с. 231], которая питала, с одной стороны, его подозрительность, с другой – чрезмерную воинственность и задиристость. Он очень ревностно, иногда просто в ребяческой форме относился к личным отношениям Николая II и Георга V, прибывшим в Берлин на свадьбу его дочери в 1913 г., страшась неких интриг с их стороны. Георг позднее вспоминал, что Вильгельм старался не оставлять их наедине. Когда же им все-таки удавалось провести приватную беседу, король подозревал, что «Вильгельм стоит, прижавшись ухом к замочной скважине» [20, с. 275]. Позже Бюлов так передавал слова Вильгельма об этом эпизоде, что де его двоюродные братья, английский король и русский царь «составили против него заговор» и «с коварством и изменой в сердцах эти «двоюродные братья и коллеги» вели бедное дитя (дочь Вильгельма. – *В.П.*) к Божьему алтарю. За это поразит их Божья кара!» Когда он неожиданно вошел в комнату и застал их наедине, они испуганно вскочили. Ага! Вели окончательные переговоры о нападении на Германию [5, с. 466].

Видя, что его хитроумные замыслы разбить тройственное согласие не приносят результатов, германский император впадал в крайнее раздражение и мог во время визита в Великобританию выкрикивать «угрозы и проклятия в адрес Англии» в присутствии родственников короля Георга V [20, с. 274] или назвать британский кабинет министров «шайкой мошенников», а страну, с которой хотел якобы дружить, – «нацией лавочников» [7, с. 510, 515]. Даже эпитафия своему покойному дяде, Эдуарду VII, которого он называл не иначе, как «сатаной», была проникнута желчью. «Сильнее всего будут скорбеть об Эдуарде VII его подданные; после них – французы и евреи», – говорилось в ней [7, с. 495].

Доставалось от германского кайзера и союзникам Великобритании. Продолжая жить в мире собственных иллюзий, и не оставляя желания разрушить Антанту, он уже накануне войны, в 1913 г., в разговоре с Георгом V в поучительной и оскорбительной для Франции и России форме заявил: «Плохо то, что вы заключаете союзы с разлагающимися странами, вроде Франции, и полуварварскими, вроде России, выступая против нас, истинных поборников прогресса и свободы...» [20, с. 276].

Вместе с тем это не мешало самому ему искать дружеского расположения «полуварварской» России. Правда, в отношении к ней он придерживался другой, чем к Великобритании, тактики. Понимая, что склонить Россию к союзу с Германией не удастся, Вильгельм тем не менее периодически предпринимал попытки поссорить ее с Англией и Францией, напоминая об их негативной роли в русско-японской войне 1904–1905 гг. Но главный упор он все же делал на то, чтобы отвлечь внимание России от европейских дел и переключить его на Дальний Восток. Вильгельм убеждал в 1912 г. министра иностранных дел С.Д. Сазонова в необходимости вести более активную политику в этом регионе, в частности, способствовать укреплению вооруженных сил Китая, «чтобы сделать из него оплот против японского натиска» [14, с. 54]. Однако российский министр правильно понял хитрый замысел его плана, реализация которого на долгое время лишила бы Россию «всякого значения в Европе» [14, с. 56].

Не забывал Вильгельм II вредить интересам России и в Европе. Именно он в марте 1909 г. в ультимативной форме потребовал от нее признать осуществленную Австро-Венгрией в 1908 г. аннексию Боснии и Герцоговины. Русское правительство, не готовое еще к серьезной европейской войне, вынуждено было подчиниться, чем вызвало бурю возмущения внутри страны, где, как отмечала в своем дневнике А.В. Богданович, считали, «что Россия могла уклониться и от ответа – от согласия на аннексию, и от войны; а теперь вопрос, и очень острый, – признав аннексию, удастся ли России избежать войны» [21, с. 472].

Результатом этого унижения России, ставшего плодом «личной дипломатии» Германского императора, явилось то, что русский

царь окончательно потерял доверие к своему кузену.

Следующий удар по интересам России и одновременно по доверию к себе Вильгельм II нанес на турецком направлении ее внешней политики. Это выразилось в посылке в 1913 г. в Турцию немецкой военной миссии, состоявшей из более чем 40 офицеров, под командованием дивизионного генерала Лимана фон Сандерса. Ее сотрудники должны были стать советниками турецкого штаба, начальниками всех военных школ и главное – получить командование Константинопольским военным гарнизоном, чего раньше не было. Но именно эту последнюю, самую важную и болезненную для России задачу миссии Вильгельм утаил от Николая II, сообщив ему о посылке миссии «среди других маловажных предметов» в мае 1913 г. в Берлине, куда царь прибыл на свадьбу его дочери. Обманутый таким образом своим кузеном, Николай ответил, «что, если новая миссия не будет отличаться от прежних, то он, само собою разумеется, не будет возражать» [14, с. 139]. Когда через полгода, в декабре 1913 г., во время беседы Вильгельма II в Берлине с российским премьером В.Н. Коковцовым, последний выразил свой протест по поводу расширения функций военной миссии, Вильгельм, прикинувшись простаком, заявил: «Я не принимаю такого упрека и не понимаю, какую разницу усматривает император Николай в том, что вместо одного генерала (фон-дер-Гольц-Паши. – *В.П.*) будет другой (Сандерс. – *В.П.*)» [12, с. 279].

Характерно, что проинформированный В.Н. Коковцовым об этом разговоре Николай II нисколько не был удивлен столь откровенной ложью своего венценосного кузена, заявив, что «уже не раз встречался с тем же приемом сваливать с больной головы на здоровую» [12, с. 301].

Потеря взаимного доверия между руководителями крупнейших европейских государств в напряженной обстановке предвоенного периода не сулила в будущем ничего хорошего, что и подтвердили события лета 1914 г.

Таким образом, личная дипломатия Вильгельма II, этого, по выражению немецкой прессы, «кайзера мира» привела в конечном итоге к резкому ухудшению международных отношений в предвоенные годы и подтолкнула мир к Первой мировой войне, «матери всех катастроф», обрушившихся на человечество в XX в.

Литература

1. *Тарле Е.В.* Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. // Соч. : в 12 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. 5. 430 с.

2. *Туполев Б.М.* Династия Гогенцоллернов // Новая и новейшая история. 1991. № 6. С. 143–179.

3. *Бабанцев Н.Ф., Прокопьев В.П.* Германская империя 1871–1918 гг. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1984. 176 с.

4. *Cecil L.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859-1900. Chapel Hill : The University of North Carolina Press, L., 1989. 463 p.

5. *Бюлов Б.* Воспоминания : пер. с нем. М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. 561 с.

6. Воспоминания кронпринца Вильгельма / сост. К. Роснер. Берлин : Слово, 1922. 303 с.

7. *Макдоно Д.* Последний кайзер: Вильгельм Неистовый / пер. с англ. А.М. Филитова. М. : АСТ; Люкс, 2004. 746 с.

8. *Витте С.Ю.* Воспоминания : в 3 т. М. : Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 639 с.

9. *Перцев В.Н.* Гогенцоллерны. М. : Задруга, 1918. 228 с.

10. Вильгельм II. События и люди 1878–1918 : воспоминания. Мемуары. Минск : Харвест, 2003. 464 с.

11. *Рель Дж.К.Г.* Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов н/Д. : Феникс, 1997. 640 с.

12. *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919. М. : Современник, 1991. 590 с.

13. Архив полковника Хауза. Избранное : в 2 т. М. : АСТ; Астрель, 2004. Т. 1. 602 с.

14. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. М. : Международные отношения, 1991. 399 с.

15. *Черчилль У.* Во главе великой нации. К вопросу о несоответствии актера и роли: кайзер Вильгельм II // Социум. 1994. № 7. С. 63–69.

16. *Whittle T., Sidney M.* The last kaiser: A Biography of Wilhelm II, German Emperor and King of Prussia. N.Y., 1977. 368 p.

17. *Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. М. : Московский рабочий, 1991. 236 с.

18. *Аррен Ж.* Вильгельм II / пер. с франц. М.М. Тверского. М. : Скоропечатня А.А. Левенсон, 1914. 263 с.

19. *Бетман-Гольвег Т.* Мысли о войне. М.; Л. : Госиздат, 1925. 120 с.

20. *Роуз К.* Король Георг V / пер. с англ. С.Б. Скворцова. М. : АСТ; Люкс, 2005. 695 с.

21. *Богданович А.В.* Три последних самодержца. Дневник. М. : Новости, 1990. 608 с.

References

1. Tarle E.V. [Europe in the era of imperialism 1871-1919]. *Soch.* [Works]: in 12 vol. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1958, vol. 5, 430 p.

2. Tupolev B.M. Dinastiya Gogentsollernov [Hohenzollern Dynasty]. *Novaya i noveishaya istoriya.* 1991, No. 6, pp. 143-179.

3. Babantsev N.F., Prokop'ev V.P. *Germanskaya imperiya 1871–1918 gg.* [German Empire 1871-1918]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyar. un-ta, 1984, 176 p.

4. Cecil L. *Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859-1900.* Chapel Hill: The University of North Carolina Press, L., 1989, 463 p.

5. Byulov B. *Vospominaniya* [Memories]. Tr. from Germ. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1935, 561 p.

6. *Vospominaniya kronprintsa Vil'gel'ma* [Memories of the Kronprinz Wilhelm]. Comp. K. Rosner. Berlin: Slovo, 1922, 303 p.

7. Makdono D. *Poslednii kaizer: Vil'gel'm Neistovyi* [Last Kaiser: Wilhelm Frantic]. Tr. from Engl. A.M. Filitov. Moscow: AST; Lyuks, 2004, 746 p.

8. Vitte S.Yu. *Vospominaniya* [Memories]: in 3 vol. Moscow: Sotsekgiz, 1960, vol. 2, 639 p.

9. Pertsev V.N. *Gogentsollerny* [Hohenzollern]. Moscow: Zadruga, 1918, 228 p.

10. *Vil'gel'm II. Sobytiya i lyudi 1878–1918: vospominaniya. Memuary* [Wilhelm II. Events and People 1878-1918. Memories. Memoir]. Minsk: Kharvest, 2003, 464 p.

11. Rel' Dzh.K.G. [Wilhelm II the German Emperor (1888-1918)]. Shindling A., Tsigler V. *Kaizery* [Kaisers]. Rostov-on-Don: Feniks, 1997, 640 p.

12. Kokovtsov V.N. *Iz moego proshlogo. Vospominaniya 1911–1919* [From My Past. Memories 1911-1919]. Moscow: Sovremennik, 1991, 590 p.

13. *Arkhiv polkovnika Khauza. Izbrannoe* [Colonel house's archive. Elected]: in 2 vol. Moscow: AST; Astrel', 2004, vol. 1, 602 p.

14. Sazonov S.D. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991, 399 p.

15. Cherchill' U. Vo glave velikoi natsii. K voprosu o nesootvetstvii aktera i roli: kaizer Vil'gel'm II [At the head of a great nation. On the question of the discrepancy between the actor and the role: Kaiser Wilhelm II]. *Sotsium*. 1994, No. 7, pp. 63-69.

16. Whittle T., Sidney M. *The last kaiser: A Biography of Wilhelm II, German Emperor and King of Prussia*. New York, 1977, 368 p.

17. Lyudvig E. *Poslednii Gogentsollern* [The Last Hohenzollern]. Moscow: Moskovskii rabochii, 1991, 236 p.

18. Arren Zh. *Vil'gel'm II* [Wilhelm II]. Tr. s French M.M. Tverskoi. Moscow: Skoropechatnya A.A. Levenson, 1914, 263 p.

19. Betman-Gol'veg T. *Mysli o voine* [Thoughts of war]. Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1925, 120 p.

20. Rouz K. *Korol' Georg V* [King George V]. Tr. from Engl. S.B. Skvortsov. Moscow: AST; Lyuks, 2005, 695 p.

21. Bogdanovich A.V. *Tri poslednikh samoderzhtsa. Dnevnik* [The last Three of the Autocrat. Diary]. Moscow: Novosti, 1990, 608 p.

Поступила в редакцию / Received ***1 июня 2018 г. / June 1, 2018***

УДК 304.4 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-88-95

ЭВОЛЮЦИЯ ИСПАНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ОТ ПРОТИВОСТОЯНИЯ «ДВУХ ИСПАНИЙ» К «КОНСТИТУЦИОННОМУ ПАТРИОТИЗМУ»

© 2018 г. А.Д. Тумин [a]
[a] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE EVOLUTION OF SPANISH NATIONAL IDENTITY: THE CONFRONTATION OF "TWO SPAINS" OR "CONSTITUTIONAL PATRIOTISM"

A.D. Tumin [a]
[a] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Тумин Александр Дмитриевич –
аспирант,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: tumin.alexsandr@yandex.ru

Aleksandr D. Tumin -
Postgraduate,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya St., 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: tumin.alexsandr@yandex.ru

Исследуются процесс формирования испанской национальной коллективной идентичности и культурные феномены из истории испанской культуры. Это феномен «двух Испаний», выражающий раскол между сторонниками европеизации Испании и сторонниками сохранения патриархального уклада испанской культуры; феномен кастилизации испанских регионов и развития испанских региональных национализмов, феномен испанской доктрины национальной и культурной политики «национал-католицизм», являющийся развитием идей испанских консерваторов; испанский феномен «перехода к демократии», выражающий процесс поэтапной либерализации и радикальный отход от франкистской идеологии «национал-католицизма» и кризис единой испанской национальной идентичности. В процессе «перехода к демократии» наибольшую известность получила деятельность террористической леворадикальной националистической организация ЭТА (Euskadi Ta Askatasuna (Страна Басков и свобода)). Идеологи ЭТА противопоставляли концепции испанской франкистской государственной национальной коллективной идентичности этнический баскский национализм и свое стремление получить независимость. В результате, несмотря на успешное завершение испанского «перехода к демократии», террористическая активность ЭТА значительно увеличилась в 1980-е гг., при том что главный союзник баскских националистов – современная Коммунистическая партия Испании отказалась от концепции «самоопределения наций» после автономизации испанского унитарного государства.

Ключевые слова: *«автономное сообщество», национальная коллективная идентичность, «переход к демократии», «Dos Españas», «Nacionalcatolicismo», «Spain is different», «Конституционный патриотизм», «Nacionalidad», «Castilisacion».*

The history of the formation of the Spanish national collective identity is the product of fierce competition between the choice of different political ideologies. By the beginning of the 19th century there were two strategies for the development of the Spanish national collective identity - the formation of Spanish civil society (liberal) and the restoration of the monarchy (conservative). The main expression of the rivalry between the Spanish "Francophiles" (liberals) and conservatives was the emergence of the concept of "Two Spain" (Spain and "Anti-Spanish") in the 1820s. The superior leadership of the Spanish phalanx supported the political myth of the "Two Spanish", consisting in the eternal struggle between Spain (patriarchal, Catholic) and Anti-Spain (liberal, secular), since this myth was the justification for the historical predetermination of the Franco military coup and the Civil War in Spain 1936-1939. The reason for the disappointment of most of the Spanish Catholic church hierarchs since the reign of Franco in the ideology of National - catholicism was the adoption of political manifestos of the Second Vatican Council (the 21st Universal Council of the Catholic Church), according to which the Roman Catholic Church began to encourage Christians to respect the pluralism of opinions. The adoption of the doctrine of the national and cultural policy of "Constitutional patriotism" as the basis for justifying the modern doctrine of the Spanish national and cultural policy and for the creation of the Spanish Constitution of 1978 was the main expression of the rejection of the idea of eternal intransigence

between the "Two Spains" that led the country to civil war (1936-1939) and the Francoist repressions, since according to the Spanish constitution of 1978, the relations between the different Spanish Nacionalidades were regulated according to the principle of solidarity. "Constitutional patriotism" thus is the justification of the unity of the Spanish civil national collective identity, protection from the Spanish regional nationalisms that could lead to the disintegration of a single Spanish state.

Keywords: *autonomous community, national identity, transition to democracy, "Dos Españas", "Nacionalcatolicismo", "Spain is different", "Constitutional patriotism", "Nacioñalidad", "Castilisacion".*

Введение

Каким образом консервативная франкистская Испания эволюционировала в современную демократическую страну, европейскую страну, идеологическая доктрина национальной и культурной политики которой строится на самых передовых идеях современной либеральной идеологии? В чем же природа возникновения и сохранения самых радикальных испанских региональных национализмов – баскского и каталонского? Франкистская идеология национал-католицизма является явным отражением «кастильского империализма», на что делают акцент каталонские и баскские националисты, но средневековая история данного региона подтверждает, что кастильские традиции «народной демократии» не менее древние, чем каталонские или баскские. Каталония, Страна Басков и Кастилия-ла-Манча всегда были частью единого испанского культурного и национального пространства. Таким образом, история формирования испанской национальной коллективной идентичности – это продукт жесткой конкуренции между выбором разных политических идеологий.

Цель настоящей статьи – выявить исторические и культурные основания испанского «перехода к демократии» и отказа от франкистской концепции испанского национального государства и в целом проследить историю развития испанского национализма.

1. Концептуализация проблемы: национальная, этнокультурная и региональная идентичности

Что же такое идентичность? Этимологически понятие «идентичность» образовано от латинского слова «idem», что означает сходство и непрерывность. Термин появился в 1970-х гг., и его автором считается Э. Эриксон. Однако задолго до него значительный вклад в разработку темы внесли З. Фрейд и К.Г. Юнг [1, с. 365]. Появление современного понятия коллективной идентичности связано с философской концепцией культурного национализма, возникшего в трудах западноевропейских и в первую очередь французских философов середины XVIII в. и в дальнейшем продолжило свое развитие в работах философов эпохи Германского романтизма – И. Г. Гердера, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта. Согласно их воззрениям, каждая нация или народ исторически дифференцирован уникальным «народным духом», «Volksgeist» или «Nationalcharakter» [2, с. 42], связанным с «теорией общей воли» и «общественного договора», основанных на идеях Ж.Ж. Руссо, что послужило порождением концепции гражданского общества как формы коллективной самоидентификации и концепции федерализма. Развитие концепта этнокультурной коллективной идентичности берет свое начало с исследования понятия «этнос». Этнокультурная идентичность – это социально-психологический и социокультурный феномен, суть которого в осознании группой людей своей общности посредством разделения между членами этой группы общей культурной идентичности; психологическое переживание этого факта, внешние его проявления. Культура же является тем механизмом, с помощью которого транслируются традиции данного общества. Понятие нации (natio – лат.) ведет свою историю со времен Античности. Первоначально этот термин в значении «природный» применялся для обозначения варварских народов. В дальнейшем его упоминал Мартин Лютер, подразумевая под нацией родовую знать. Под влиянием Великой Французской буржуазной революции утверждается понимание нации как совокупности граждан, которые объединены идеей народного суверенитета и демократическим самоуправлением. Этнокультурными составляющими национальной идентичности являются: религиозные институты, архитектура, язык, фольклор, литература, право, образование, философия, наука [3, с. 45].

2. Испанская национальная идентичность: взгляд изнутри

Современное деление Испании на автономные сообщества является отражением истории

влияния на нее культуры древних греков и римлян. Римляне ввели в испанских провинциях систему муниципального территориального устройства, гарантирующую самоуправление испанских муниципалитетов. В дальнейшем в средневековой Испании определяющее культурное значение административной системы испанских средневековых кортесов, являющихся развитием испанских муниципалитетов, созданных в эпоху правления Рима в стране, состояло в том, что они гарантировали разделение законодательной и исполнительной испанских ветвей власти между ними и королем на протяжении всего периода испанского средневековья.

Централизация испанского государства достигла своего максимума с приходом к власти королевской династии Бурбонов. Обоснованием централизации испанского государства вокруг Кастилии со столицей Испании г. Мадридом во второй половине XVIII, а впоследствии возникновением во второй половине XIX в. национальной стратегии, заключающейся в «кастилизации» испанских регионов, является принятие стратегии испанскими Бурбонами в середине XVIII в. модернизации Испании по французскому образцу, включающую в первую очередь унификацию и централизацию экономической и политической системы Франции вокруг экономического центрального региона со столицей Париж.

Подобным регионом в Испании была выбрана Кастилия из-за ее центрального географического положения и из-за того, что данный регион являлся «колыбелью» испанской государственности, а столица Вестготской Испании кастильский город Толедо был одним из экономических и политических центров Испании XV и XVI вв. Мадрид утвержден в качестве столицы Испании в 1561 г., к середине XVIII в. ставшим главным экономическим и политическим центром страны. В Кастилии интенсивно началось развитие мануфактурного производства. Таким образом, выбор Кастилии-ла-Манчи в качестве главного испанского региона испанскими Бурбонами являлся очень взвешенным решением. Признание за Кастилией статуса колыбели испанской государственности не могло не вызвать негативную реакцию у аристократии Каталонии и Страны Басков, которые соперничали с двором Кастилии-ла-Манчи за право считаться испанским политическим и экономическим центром.

Бесталанность Карла IV Бурбона как испанского монарха и приход к власти во Франции Наполеона Бонапарта, пытавшегося утвердить правителем Испании своего ставленника Фердинанда VII, стали причиной Мадридского восстания 1808 г. и началом Испанской гражданской войны за независимость. В результате в 1812 г. участниками кортесов г. Кадиса была разработана и утверждена первая Испанская конституция, провозгласившая испанское национальное государство. Война за независимость привела к восстановлению многих органов народного самоуправления по всей территории страны и представляла собой альтернативу политике испанских Бурбонов по централизации государства. Таким образом, к началу XIX в. в Испании возникло две стратегии развития – формирования гражданского общества (либеральная) и реставрации монархии (консервативная). Главным выражением соперничества между испанскими «франкофилами» (либералами) и консерваторами являлось возникновение концепции «двух Испаний» (Испании и «АнтиИспании») в 1820-е гг. [4, с. 96]

Под «антииспанскими» консерваторы подразумевали либеральные движения и видели в процессе формирования в стране гражданского общества и секуляризации испанского общества отказ от патриархальных основ испанской культуры.

Провал Испанской буржуазной революции 1808 – 1814 гг. и восстановление в Испании абсолютистской монархии, по мнению большинства испанских политиков времен испанского «перехода к демократии», заключались в фактическом сохранении сословного разделения средневековой стратификации испанского общества до утверждения политического режима Второй республики в 1931 г. По их мнению, идеалы либерализма и система муниципальных представительных органов граждан, несмотря на сохранение средневековой системы кортесов, так и не смогли прочно укорениться в Испании в течение всего XIX в. Этому мешало то, что испанская столичная и региональная олигархизированная аристократия сохранила свои властные полномочия, несмотря на начавшуюся либерализацию испанского общества с приходом к власти династии Бурбонов. Испанская аристократия, не утратившая свое определяющее политическое значение, была инкорпорирована в испанские псевдолиберальные политические режимы XIX в. (1808–1874 гг.) – эпоху карлистских (гражданских) войн. Таким образом, не произошло ликвидации средневековых

сословных ограничений испанского общества, несмотря на проводившуюся политику по правовой унификации экономической политики испанских регионов и постепенной отмены испанской средневековой форальной системы.

Распространение идей сохранения экономической и политической специфики испанских регионов и федерализма испанского государства происходило в XIX в. в среде испанского «regeneracionismo» и «Поколения 1898 г.». Многие члены этих движений считали необходимым создание испанской нации регионов. Концепция регионализма воспринималась ими как альтернатива доминированию испанского (кастильского) национализма. Хосе Мануэль Нуньес - Сейксас, испанский историк галисийского происхождения, утверждал, что к началу XX в. Испания пошла по пути либерализации общества, автономизации страны, что проявилось в испанских «большевистских» бунтах 1917–1919 гг., установлении власти Второй республики 1931–1936 гг. и испанском «переходе к демократии», заключавшемся в постепенном вхождении бывшей франкистской Испании в Евросоюз.

Важность идеи постоянного противоборства между «двумя Испаниями» (патриархальной и либеральной), отцом которой является Хаиме Лусиано Бальмеса, заключалась в том, что она стала основой для создания идеологами Испанской фаланги доктрины национальной и культурной политики «Nacionalcatolicismo», обосновывающей провозглашение мононационального испанского государства на основе кастильского культурного национализма. В целом «национал-католицизм» представлялся политическим обоснованием необходимости сохранения традиционного испанского патриархального уклада и развитием испанской национальной идеи «Españolidad». Руководство Испанской фаланги поддерживало политический миф «двух Испаний», что оправдывало историческую предопределенность военного переворота и Гражданской войны в Испании 1936 и 1939 гг., которая привела к власти Испанскую фалангу и генерала Ф. Франко. Он до конца своих дней настаивал на неизбежности разделения испанской нации, Испании победителей и побежденных, добра и зла, христианства и коммунизма, цивилизации и варварства, католицизма и лаицизма [4, с. 96].

По сравнению с началом XX в. условия жизни испанских рабочих 1960-х гг. не особо улучшились. Продолжившийся процесс развития индустриализации промышленной базы северных регионов страны принес в жертву экономические интересы испанских андалузских и кастильских мелких фермеров и крупных землевладельцев, что привело к вынужденной массовой миграции населения южной аграрной Испании в промышленные пригороды Страны Басков и Каталонии, вызвавшей значительный рост социального неравенства.

Социально-экономические преобразования, происходившие в стране в течение 1960-х гг. XX в., отражали политическую архаичность «nacionalcatolicismo». Самым слабым звеном национальной доктрины являлась неэффективная модель экономической автаркии, приведшая к экономическому застою и продовольственному дефициту 1950-х гг. и принятию современной концепции экономического либерализма, что было продиктовано в первую очередь сближением франкистской Испании со странами НАТО во главе с США. Политический престиж Испании на международной арене вырос во времена «холодной войны» между СССР и США. Испания стала рассматриваться политической верхушкой США как преданый солдат и союзник в борьбе с «красной угрозой» (Советским Союзом), оплотом «коммунистической ереси». Начиная с 1957 г., многие испанские министры, члены Испанской фаланги стали отстраняться от своих руководящих постов, их места заняли эксперты по экономической политике – технократы «Opus Dei», сторонники экономической модели «свободного рынка» (экономического либерализма). Они полагали, что рост среднего класса в стране и низкие цены на потребительские товары смогут значительно компенсировать отсутствие политических свобод во франкистском испанском государстве [5, с. 28].

Неудовлетворительные условия жизни испанского рабочего класса оказали определяющее влияние на разочарование молодого поколения испанских священников в отношении «nacionalcatolicismo», которые впоследствии стали капелланами, проповедовавшими в среде рабочих городских трущоб. Таким образом, франкистский политический режим постепенно терял поддержку испанской католической церкви. Определяющее влияние на мировоззрение испанского высшего клира имели манифесты Второго Ватиканского собора (XXI Вселенского Собора католической церкви), проводившегося на протяжении 1962 и 1965 гг., согласно которым римская католическая церковь призывала

христиан уважать плюрализм мнений. Папа Иоанн XXIII утверждал: «Защищая нерасторжимость брака, поощряя любовь ко всему живому с момента зачатия, сохраняя христианские основы европейской культуры и образования, борясь против несправедливости, социальной и экономической дискриминации; благодаря росту благосостояния и справедливого распределения благ осуществляется идеал христианского мироустройства» [6, с. 115]. В целом к концу 1960-х гг. XX в. большая часть католических иерархов, в том числе испанских, стала критично относиться к франкистскому политическому режиму. Например, в 1971 г. в рамках первого совместного заседания католических епископов и священников перед делегатами был поставлен вопрос пересмотра положений Конкордата 1953 г. между Ватиканом и франкистской Испанией, и в целом делегаты съезда призвали всех испанских епископов отказаться от своих мест в правительстве Ф. Франко. Данное заявление собора стало серьезным ударом по идеологии «nacionalcatolicismo». Под эгидой Второго Ватиканского Собора руководители организаций Католического Действия открыто критиковали репрессивные политические методы франкистского политического режима. С 1968 г. многие из молодых испанских священников стали принимать активное участие в акциях протеста испанских рабочих, возглавляемых испанскими коммунистами. В качестве альтернативы франкистской системы рабочих синдикатов с 1968 г. начали создаваться католические профсоюзные объединения рабочих, выступающих с критикой испанского синдикализма [7, с. 365].

На падение франкистского политического режима значительно повлияли не только политические манифесты Второго Ватиканского Собора и становление рыночной экономики в стране, но и молодых членов Испанской фаланги, таких как Дионисио Ридруэхо, Антонио Товар, Педро Лаин Энтральго и Хоакин Руис-Хименес, которые видели будущее страны в либерализации испанского общества и государства.

Начавшаяся в 1960-х гг. демократизация испанского франкистского общества стала символизировать радикальную смену доктрины испанского национализма, заключающуюся в отказе от фундаментальной для франкистской политической идеологии этноцентристской концепции «двух Испаний». Либерализация привела к преобразованию франкистского испанского (на основе кастильского культурного национализма) национального государства в испанское «государство автономий», государство «нации наций», а также к признанию уважения к правам личности гражданина в целом, восстановлению политической стратегии Второй Испанской республики по формированию испанского гражданского общества и испанской гражданской национальной коллективной идентичности.

В 1960-е гг. руководство испанского правительства пыталось создать позитивный имидж франкистской Испании для европейских туристов. В этих целях широко распространялся слоган «Spain is different», который должен был символизировать экзотичность испанской культуры (по меркам Западной Европы), а также привлекать внимание самих испанцев к культурной специфике испанских регионов**.** Но к концу 1960-х гг. этот слоган стал ассоциироваться с синонимом критики внешней и внутренней действительности франкистской Испании. Бой быков и фламенко как выражение «андалусизма» испанской культуры, идеализация сельской жизни испанских аграрных регионов создавали за рубежом отрицательный образ Испании как отсталой, аграрной страны, что вызывало раздражение у испанских граждан и политической элиты. Таким образом, девиз «Spain is different» превратился в символ внутренних проблем франкистской Испании, экономического неблагополучия страны [8, с. 17].

К середине 1970-х гг. после смерти Франко испанские коммунисты и социалисты наконец смогли выйти из политического подполья. В 1975 г. был принят политический манифест Испанской коммунистической партии, утверждающий неотъемлемое право на национальное самоопределение населения испанских «исторических национальностей» Каталонии, Страны Басков, Галисии и Арагона [8, с. 17]. Идея гарантии права самоопределения регионов является отражением политической идеологии 50–70-х гг. XX в. левых партий Западной Европы и наследием концепции революционной национально-освободительной борьбы стран третьего мира. Причем члены баскской террористической организации ЭТА (ETA – Euskadi Ta Askatasuna (Страна басков и свобода)) оправдывали теракты против своих сограждан тем, что это, по их мнению, являлось выражением борьбы за национальное освобождение Страны Басков.

Изменение политической обстановки, падение режима Франко и «переход к демократии»

практически не повлияли на идеологию ЭТА. Террористическая стратегия данной организации продолжала сводиться к принципу «социализации страданий», заключающемуся в причинении актов насилия всем гражданам Испании независимо от их отношения к целям самой ЭТА. Важным новым элементом идеологии ЭТА стала «герилья» – «революционная война» против метрополии (Испании) [9, с. 180]. Идеологи данной террористической организации делают акцент на существование разных концепций формирования национальной коллективной идентичности (гражданском и этническом национализме). По их мнению, этнической национальностью являются такие этносы, как баски, которые имеют собственную уникальную традиционную культуру и «политические» нации, сформированные на основе концепции национальной гражданской коллективной идентичности, к которым относятся испанская и французская. Таким образом, территориальные границы Испании и существование современного единого испанского государства, основанного на политической концепции гражданского национализма, руководители ЭТА считают ошибкой, что является, по их мнению, достаточным обоснованием для признания политической независимости Страны Басков и отделения ее от Испании. После легализации в 1977 г. Коммунистической партии Испании и Испанской социалистической рабочей партии они получили значительную поддержку избирателей всех испанских регионов. Испанские социалисты и коммунисты считали необходимым преобразование Испании в федеральное государство, а не в «государство автономий», что, по их мнению, являлось полумерой между федерализмом и жестко централизованным франкистским государством, но в ходе «перехода к демократии» испанские коммунисты и социалисты, хотя и продолжали придерживаться идеи федерализации испанского унитарного государства, постепенно начали отказываться от марксистской концепции защиты «Права наций на самоопределение».

Премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар (1996–2004) считал, что образцом для подражания испанскому правительству времен «перехода к демократии» во главе с Адольфо Суаресом являлись основатели движения «regeneracionalismo» Хоакин Коста, выдающийся испанский философ, также сторонник европеизации Испании, критик «массовизации» европейских обществ Хосе Ортега-и-Гассет, баскский философ, исследователь испанского феномена «донкихотства» Мигель де Унамуно и теоретик испанского республиканизма, президент Второй республики Мануэль Асанья-и-Диас, позиционируя их как отцов-основателей современного испанского либерализма, как борцов за модернизацию страны и восстановление и развитие испанских культурных традиций народной демократии, что выражало чаяния руководства испанской правящей партии правоцентристского толка «Partido popular». Таким образом подчеркивалась идеологическая пропасть между современным испанским государством автономий и франкистской Испанией, национальная доктрина которой основывалась на национальной и культурной стратегии сохранения испанских культурных устоев – патриархальности и христианства. Исходя из этого испанский «переход к демократии» символизировал победу идеологии либерализма – победу «Анти-Испании» (по мнению ортодоксальных франкистов), что и создало основу этой идеологической пропасти. Самым ярким отражением того можно считать принятие закона 2007 г. «Об исторической памяти», автором которого являлся премьер-министр Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро, генеральный секретарь правящей ИСРП (2004–2011). После принятия этого закона в стране стало разрешено открыто ссылаться на незаконность мятежа испанских генералов во главе с Ф. Франко, а также на политические репрессии и систематическое нарушение прав человека во франкистском обществе.

В 1978 г. испанская парламентская комиссия приступила к составлению проекта новой Испанской конституции, в которой подчеркивался отказ от концепции «двух Испаний», рассматривающийся как испанский культурный и политическим рудимент. Вместо этого в ст. 2. Испанское государство провозглашалось «государством автономий» и юридически закреплялся «принцип солидарности», на основе которого регулируются отношения между испанскими регионами [10]. Он стал альтернативой кастильскому культурному национализму и этноцентризму франкистской Испании. Таким образом принятие Испанской конституции 1978 г. и принятие «Конституционного патриотизма» в качестве современной доктрины испанской национальной и культурной политики – главное выражение отказа от идеи непримиримости «двух Испаний», приведших страну к гражданской войне 1936–1939 гг. и франкистским репрессиям.

В Испанской конституции 1978 г. значительное внимание было уделено толкованию юридических понятий «патриотизм» и «солидарность». Наиболее спорными понятиями, породившими различные толкования у испанских законотворцев в процессе создания Испанской конституции 1978 г., названы такие, как «Nacioñalidad» и «историческая национальность». Понятие «национальность» употребляется в конституции во множественном числе (Nacionalidades). Таким образом, Испанская конституция 1978 г., является выражением культурного плюрализма современного испанского государства, проявляющегося в признании этнокультурной специфики испанских «исторических национальностей» Каталонии, Страны Басков, Галисии, Арагоны и других автономных сообществ Испании. Тем не менее, к сожалению, предоставление испанским регионам статуса автономных сообществ не привело к консолидации испанской нации.

Концепция «Конституционного патриотизма» (Verfassungspatriotismus) была разработана немецким мыслителем Д. Штернбергером в конце 70-х гг. XX в. и обрела широкую известность благодаря стараниям философа Ю. Хабермаса в 80-е гг., она имела признание европейских научных кругов из-за того, что изначально была создана как альтернатива немецкому этническому национализму, приведшему к возникновению германского нацизма, «Конституционный патриотизм» должен был решить и проблему «атомизации» общества стран Западной Европы. Так, Ю. Хабермас утверждал, что идея рациональной демократической гражданственности способна заменить собой доктрину этнического национализма на основе гарантии удовлетворения материальных потребностей граждан европейского социального государства и гарантии уважения к специфике этнокультурной идентичности граждан Евросоюза [11, с. 30]. Современные испанские политики позиционировали Вторую Испанскую республику как предшественника современной испанской конституционной монархии.

Таким образом, испанская монархическая национальная идея «Españolidad» была инкорпорирована в «Конституционный патриотизм» и данные идеологические конструкции послужили основой для утверждения современного испанского гражданского постнационального государства, а демократизация испанского общества рассматривалась в качестве оружия против каталонского, баскского и галисийского этнического национализма. Также «принцип солидарности» принят за основу при проведении культурной и национальной политики равного перераспределения государственных доходов, предоставлении финансовых дотаций более бедным регионам страны из бюджетов индустриально-развитых Страны Басков и Каталонии, что является, согласно правительству Испании, олицетворением испанского национального единства, солидарности между регионами страны и любви к общей испанской родине. В целом, согласно современным испанским политикам, демократическая Испания противостоит этническому национализму Каталонии, Страны Басков и Галисии, а террористические акты ЭТА толкуются ими как наследие «варварских» времен Ф. Франко, чему не должно быть места в современной плюралистической Европе. «Конституционный патриотизм», по мнению политической элиты Испании, – прототип постнационального всемирного государства-федерации. Принятие «конституционного патриотизма» – символом образования Европейского союза. Также важность одобрения гражданами Испании концепции «конституционного патриотизма» в первую очередь связана с тем, что, по их мнению, «Европатриотизм» – это выражение демократизации страны.

В заключении следует сказать, что:

1. Централизация испанского государства вокруг Кастилии-ла-Манчи и формирование испанской национальной идентичности на основе кастильской этнокультурной коллективной идентичности были связаны с центральным географическим положением Кастилии и экономической ролью г. Толедо в XV и XVI вв., а также политическим авторитетом католических королей Изабеллы I Кастильской и Филиппа II Арагонского.

2. Провал Испанской буржуазной революции 1808–1814 гг. и восстановление абсолютистской монархии, по мнению большинства испанских политиков времен испанского «перехода к демократии», заключались в фактическом сохранении средневекового сословного разделения испанского общества, а также в том, что испанская олигархизированная аристократия смогла сохранить свое политическое значение и была инкорпорирована в испанские псевдолиберальные политические режимы XIX в. (1808–1874 гг.), образовав политические партии на основе консервативного движения – «реставрации монархии» и политической концепции «либерального католицизма».

3. Консервативная доктрина «национал-католицизма» времен Ф. Франко основывалась на идее сохранения традиционного испанского патрирахального уклада.

4. Самым главным выраженим ошибочности национальной доктрины «национал-католицизма» являлась неэффективность модели экономической автаркии, вызвавшей экономический застой и продовольственный дефицит 1950-х гг., что стало причиной национальной экономической модели экономического либерализма, и стало фундаментом для начала демократизации испанского общества. Ключевое событие 1960-х гг. – изменение отношения политической элиты католической церкви к правам человека, в том числе касательно свободы вероисповедания согласно решениям Второго ватиканского собора. Для франкистской Испании это означало снятие «священного ореола» с доктрины «национал-католицизма».

5. Согласно Испанской конституции 1978 г., «принцип солидарности» между испанскими «nacionalidades» стал альтернативой кастильскому культурному национализму и этноцентризму франкистской Испании.

6. Важно подчеркнуть, что одна из главных политических партий Испании «Partido Popular» является наследницей единственной легитимной франкистской партии «Национальное движение», что послужило предпосылкой для бескровного «перехода к демократии».

7. Именно доктрина национальной и культурной политики Европейского союза «Конституционный патриотизм» стала одной из идеологических основ создания Испанской конституции 1978 г., что ознаменовало отказ от франкистской идеи непримиримости «двух Испаний», приведших страну к гражданской войне 1936 г. и франкистским репрессиям. Главная специфика современной испанской гражданской национальной коллективной идентичности состоит в том, что испанское государство «автономных сообществ» представляет собой мозаику региональных коллективных идентичностей, испанских «nacionalidades».

Литература

1. Психология бессознательного : сб. произведений / сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М. Г. Ярошевский. М. : Просвещение, 1990. 448 с.

2. *Alfonso Perez-Agote*. Sociologia del Nacionalismo. Vizcaya : Universidad del Pais Vasco, 1989.

3. *Жаде А., Куква Е.С., Ляушева С.А., Шадже А.Ю.* Многоуровневая идентичность. Майкоп : Качество, 2006. 245 с.

4. *Juliá S.* Historias de las dos Españas. Madrid : Taurus, 2004.

5. *Fusi J.P*. España. La evolución de la identidad nacional. Madrid : Temas de hoy, 2000. P. 24–44.

6. *Шейнман М.М*. От Пия IX до Павла VI. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, 1979. 176 с.

7. *Balfour S., Quiroga A.* España reinventada. Nación e identidad desde la Transición. Barcelona : Península, 2007. P. 415.

8. *Аникеева Н.Е.* Испания в конце XX – начале XXI века // Новая и новейшая история. 2006. № 2.

9. *Preston P*. The Triumph of Democracy in Spain. London : Routledge, 1986. P. 247.

10. URL: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/LAW/SPAIN.HTM (дата обращения: 10.04.2018).

11. *Плотников Н*. Власть аргумента и public relations: 70 лет Хабермасу // Логос. 1999. № 8 (18).

References

1. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Col. art, com., scien. ed., auth. intr. by M. G. Yaroshevskii. Moscow: Prosveshchenie, 1990, 448 p.

2. Alfonso Perez-Agote. *Sociologia del Nacionalismo*. Vizcaya: Universidad del Pais Vasco, 1989.

3. Zhade Z.A., E.C. Kukva E.C., Lyausheva C.A., Shadzhe A.U., *Mnogourovnevaya identichnost'* [Multilevel Identity]. Maikop: Kachestvo, 2006, 245 p.

4. Juliá S. *Historias de las dos Españas*. Madrid, Taurus, 2004.

5. Fusi J.P. *España. La evolución de la identidad nacional*. Madrid: Temas de hoy, 2000, pp. 24-44.

6. Scheinman M.M. *Ot Piya IX do Pavla VI* [From Pius IX to Paul VI]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1979, 176 p.

7. Balfour S., Quiroga A.. *España reinventada. Nación e identidad desde la Transición*. Barcelona: Península, 2007, 415 p.

8. Anikeeva N.E. Ispaniya v kontse XX – nachale XXI veka [Spain at the End of 20th – Beginning of 21th Century]. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2006, No. 2.

9. Preston P. *The Triumph of Democracy in Spain. Routledge*. London, 1986, 247 p.

10. Available at: http://vivovoco.ibmh.msk.su/VV/LAW/ SPAIN.HTM (accessed 10.04.2018).

11. Plotnikov N. Vlast' argumenta i public relations: 70 let Khabermasu [The Power of Argument and Public Relations: 70 years of the Habermas]. *Logos*. 1999, No. 8 (18).

Поступила в редакцию / Received ***31 мая 2018 г. / May 31, 2018***

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ГЕОПОЛИТИКА РОССИИ
HISTORY AND MODERN GEOPOLITICS OF RUSSIA

УДК 327 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-96-103

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАРОДНЫХ РЕСПУБЛИК ДОНБАССА В КАЧЕСТВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ[1]

© 2018 г. И.М. Узнародов [a], Д.И. Узнародов [b]
[a] Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
[b] Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Россия

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF PEOPLE'S REPUBLICS OF DONBASS AS INDEPENDENT SUBJECTS OF INTERNATIONAL POLITICS

I.M. Uznarodov [a], D.I. Uznarodov [b]
[a] Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia,
[b] Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia

Узнародов Игорь Миронович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой экономики,
политики и глобализации,
Ростовский государственный экономический
университет (РИНХ),
ул. Большая Садовая, 69, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Igor M. Uznarodov -
Doctor of History, Professor,
Head of the Department of World Economics,
Politics and Globalization,
Rostov State University
of Economics,
Bolshaya Sadovaya St., 69, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: iguz2010@yandex.ru

Узнародов Дмитрий Игоревич –
кандидат политических наук, научный сотрудник,
лаборатория казачества,
Южный научный центр Российской академии наук,
пр. Чехова, 41, г. Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Dmitry I. Uznarodov -
Candidate of Political Sciences, Researcher,
Laboratory of Studying of Cossacks,
Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Chekhova Ave, 41, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: uzn-dmitrij@yandex.ru

Рассматриваются возможные сценарии развития народных республик Донбасса в случае их превращения в самостоятельные субъекты международной политики. Выделяются три гипотетических сценария: «абхазский», «крымский» и «боснийский». «Абхазский» предполагает трансформацию ДНР и ЛНР в де-факто независимые, но частично признанные государства, а важнейшим условием его реализации является сохранение войсками народных республик контроля над своими территориями как минимум в течение ближайших пяти лет. «Крымский» сценарий в ДНР и ЛНР может быть воплощен при условии еще большей дестабилизации политической обстановки на Украине и возникновении новых очагов напряженности в различных частях страны, в результате чего власти Украины могут полностью потерять контроль над территорией Донбасса. Что касается «боснийского» сценария, то его реализация возможна в том случае, если произойдет повторная эскалация вооруженного конфликта на Донбассе и потребуется принятие нового соглашения по урегулированию конфликта. В этом случае урегулирование конфликта на юго-востоке Украины может пойти по тому пути, согласно которому в свое время происходило разрешение политического кризиса в Боснии и Герцеговине в первой половине 90-х гг. прошлого века. Наиболее

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ЮНЦ РАН на 2018 г., № государственной регистрации проекта 01201354248.

вероятным сценарием развития ДНР и ЛНР как самостоятельных субъектов политики является «абхазский», а наименее реалистичным – «крымский».

Ключевые слова: *политический кризис, Украина, Донецкая народная республика, Луганская народная республика, субъект международной политики.*

The purpose of this article is to consider possible scenarios of development of people's republics of Donbass as independent subjects of international politics. The authors distinguish three hypothetical scenarios: "Abkhazian", "Crimean" and "Bosnian". "Abkhazian" scenario implies the transformation of DPR and LPR to de facto independent, but partially recognized states, and the most important condition of its implementation is the retention of control by armed forces of people's republics over its territories at least over next five years. "Crimean" scenario in DPR and LPR can be implemented under the condition of more strong destabilization of the political situation in Ukraine and emergence of new hotbeds of tension in various parts of country, with the result that Ukrainian authorities can completely lose control over the territory of Donbass. As for "Bosnian" scenario, its realization is possible in case of re-escalation of military conflict in Donbass and the need of new agreement on the conflict regulation. In this case, the resolution of the conflict in the southeast of Ukraine can go on that way, according to which in its time occurred the resolution of the political crisis in Bosnia and Herzegovina in the first half of 1990s. Authors conclude that the most possible scenario for the development of DPR and LPR as separate political subjects is "Abkhazian" scenario, and the least realistic - "Crimean" scenario.

Keywords: *political crisis, Ukraine, Donetsk people's republic, Lugansk people's republic, separate subject of international policy.*

Современный конфликт на юго-востоке Украины начался как реакция на события конца 2013 – первой половины 2014 г. В результате массовой многомесячной акции протеста в центре Киева в ответ на приостановку правительством Украины подготовки к подписанию соглашения об ассоциации с Европейским Союзом лишился своего поста законно избранный президент Виктор Янукович. Украинский социум в очередной раз фактически раскололся надвое.

В.И. Мироненко основными причинами украинского кризиса называет ранее нерешённые проблемы становления экономики, гражданского общества, политической нации и национального государства, отношений со странами-соседями и в первую очередь с Российской Федерацией [1].

Наиболее острая реакция населения на события «Евромайдана» наблюдалась в Автономной Республике Крым. Происходившие в Киеве события побудили власти полуострова провести референдум о присоединении к Российской Федерации, положительный результат которого был успешно воплощен в жизнь в марте 2014 г.

На территории Донецкой и Луганской областей также проходили многочисленные акции против нового украинского руководства – население отказывалось признавать его легитимность. В рамках выступления против замены действовавших губернаторов был запущен процесс по формированию параллельной системы органов власти, результатом которого стало создание Донецкой и Луганской народных республик [2, с. 76]. С тех пор обе народные республики, включившие часть земель Донецкой и Луганской областей, развиваются как самостоятельные политические субъекты, о чем свидетельствует создание собственных, неподконтрольных Киеву институтов государственной власти.

В апреле 2014 г. на юго-востоке Украины начались боевые действия, в которых участвовали с одной стороны вооружённые силы Украины вместе с добровольческими военизированными формированиями, а с другой – формирования ДНР и ЛНР. В целях прекращения кровопролития 5 сентября того же года в Минске был подписан так называемый «Минский протокол», направленный на мирное урегулирование конфликта. 12 февраля 2015 г. его дополнили новыми договорённостями, выработанными в ходе переговоров между Президентом России В. Путиным, Президентом Франции Ф. Олландом, главой правительства Германии А. Меркель и украинским президентом П. Порошенко.

В соответствии с Минскими соглашениями помимо прекращения огня и обмена пленными предполагалось проведение конституционной реформы на Украине с целью закрепления особого статуса за отдельными районами Донецкой и Луганской областей [3]. Таким образом, соглашения не предусматривали превращения ДНР и ЛНР в субъекты международных отношений, а рассматривали их в качестве субъектов внутриукраинского переговорного процесса. Данный документ получил поддержку Совета безопасности ООН и стал базовым для всех дальнейших мирных переговоров по Донбассу.

Завершить урегулирование конфликта планировалось до конца 2015 г. Однако с момента подписания до сих пор ни один из 13 пунктов соглашений не был полностью реализован. Похоже, что отказ руководства Украины начать диалог с провозглашёнными республиками Донбасса, может привести к длительному замораживанию конфликта. В этих условиях всё более вероятным становится то, что ДНР и ЛНР попробуют действовать как самостоятельные субъекты международной политики.

Цель данной статьи – рассмотреть возможные сценарии развития событий в данном направлении.

Одним из возможных путей развития республик Донбасса в качестве субъектов международной политики является *«абхазский» сценарий*. Для ДНР и ЛНР он предполагает трансформацию в де-факто независимые, но частично признанные государства. Важнейшим условием его реализации является сохранение войсками народных республик контроля над своими территориями[1] как минимум в течение ближайших пяти лет. В этом случае появится шанс, что в ближайшие 10–15 лет независимость народных республик Донбасса будет признана какими-либо государствами-членами ООН, а также различными частично признанными государствами. На данный момент независимость ДНР и ЛНР признало только одно частично признанное государство – Южная Осетия.

В настоящее время укрепить международные позиции властей ДНР и ЛНР может дестабилизация политической ситуации на Украине, на что способны повлиять такие факторы, как дальнейшее развитие полномасштабного экономического кризиса, а также рост протестных настроений в других регионах, в частности, на западе страны, что в свою очередь может повторно погрузить Украину в пучину политического хаоса, результатом которого станет полная потеря Киевом контроля над территорией Донбасса.

Способствовать активизации протестных настроений в западных регионах страны может актуализация вопросов, связанных с территориальными претензиями к Украине соседних государств – Венгрии и Румынии, что в свою очередь может поставить под угрозу существование Украины в рамках нынешних границ. Одной из причин актуализации данных вопросов может стать националистическая и дискриминационная политика действующей украинской власти по отношению к представителям этнических меньшинств.

В настоящее время в Закарпатской области проживает более 150 тыс. венгров, что составляет примерно 12 % от общего числа населения региона. Данные цифры не являются достаточно точными, поскольку они основываются на результатах первой и пока единственной переписи населения Украины 2001 г. Но поскольку в последующие годы в стране не проводились масштабные исследования «этнического ландшафта», то перепись населения – единственный источник, на основании которого можно составить более или менее объективную картину об этническом составе населения Украины. В ряде районов Закарпатской области доля венгров является довольно значительной. В частности, в Виноградовском районе они составляют 26,2 %, в Мукачевском – 12,7, в Ужгородском – 33,4, а в Береговском и вовсе являются большинством – 76,1 % [4].

Немаловажным фактором является и то, что большинство украинских венгров имеют двойное гражданство, что обусловлено прежде всего активизацией ирредентистского курса во внешней политике Венгрии за последние пять лет. В течение этого периода был принят обновленный вариант конституции страны, а также ряд законов, направленных на создание упрощенного порядка предоставления гражданства для соотечественников, проживающих в других государствах [5; 6, с. 108]. В частности, в новом варианте венгерской конституции подчеркивается следующее: «Руководствуясь идеалом объединенной венгерской нации, Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, должна способствовать их выживанию и развитию…» [7]. Является любопытным также тот факт, что начиная с 2012 г. около 100 тысяч жителей Закарпатья уже получили венгерское гражданство по новым процедурам [8].

Обострению «венгерского вопроса» на Украине способствовало принятие в 2017 г. нового закона об образовании. В соответствии с седьмым пунктом закона школьники на Украине лишаются права обучаться на родном языке начиная с пятого класса. На всей территории страны все школьные предметы будут преподаваться исключительно на украинском языке без

[1] Территории Донецкой и Луганской областей с особым порядком местного самоуправления, или Отдельные районы Донецкой и Луганской областей.

учета какой-либо региональной специфики. До 2014 г. на Украине действовал иной закон, согласно которому жители регионов, где численность этнических меньшинств составляла не менее 10 % населения, имели возможность получать образование в школах на своем родном языке. По мнению венгерского политолога Г. Штира, в результате принятия нового закона об образовании уровень подготовки выпускников украинских школ может существенно снизиться, в особенности это касается районов с компактным проживанием этнических меньшинств. Как считает Штир, новый закон может привести к тому, что венгерские школьники Закарпатья, где уровень владения украинским языком далек от идеального, просто будут лишены возможности полноценно интегрироваться в учебный процесс.

Принятие нового закона об образовании способствовало в том числе и обострению дипломатических отношений между двумя государствами. Министр иностранных дел Венгрии П. Сийярто в Ужгороде на встрече с руководителями организаций закарпатских венгров и священнослужителями исторических церквей отметил, что Венгрия намерена инициировать пересмотр соглашения об ассоциации Украины с Европейским Союзом [9] и призвал объединить усилия Будапешта и Бухареста для защиты интересов своих диаспор. Союз этих государств против Украины действительно может повлиять на решение обозначенной проблемы прежде всего потому, что совокупная численность венгерской и румынской диаспор на Украине составляет почти 300 тысяч человек (более 156 тыс. венгров и более 151 тыс. румын) [10]. Заместитель главы комитета по международным делам парламента Венгрии М. Генгеши также предложил выработать единую политическую линию всем государствам, многочисленные представители диаспор которых проживают на территории Украины. Он подчеркнул, что в настоящее время основная задача Венгрии – «уговаривать соседние страны, в том числе Россию, действовать совместно, выступить с общей декларацией, объединившись, давить на Украину».

Что касается территориальных претензий Румынии, то они преимущественно охватывают районы Одесской и Черновицкой областей Украины. Для Одесской области характерно наличие районов с компактным проживанием молдавского этноса, для Черновицкой – румынского. К районам компактного проживания молдаван можно отнести Ренийский (49 %), Измаильский (27,6 %), Котовский (25,9 %), Саратский (19 %), Ананьевский (18,1 %), Тарутинский (16,5 %) и Килийский (15,8 %) районы [11], а румын – Глыбокский (45,3 %) и Сторожинецкий (36,8 %) районы [12, с. 477]. В настоящее время на территории Украины проживает порядка 100 тысяч румын, имеющих двойное гражданство [5].

Реализация *«крымского» сценария* в ДНР и ЛНР может произойти в случае еще большей дестабилизации политической обстановки на Украине (этому могут способствовать нарастание политической напряженности в районах компактного проживания венгерского и румынского населения на западе страны; усиление экономического кризиса; потенциально возможный конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти; очередная волна народных протестов и повторное погружение страны в пучину политического хаоса).

В настоящее время вероятность воплощения «крымского» сценария в ДНР и ЛНР является крайне низкой. На это есть несколько причин. Прежде всего необходимо обозначить основные отличия двух политических ситуаций. Важнейший фактор – отсутствие на территории Донецкой и Луганской областей российских военных подразделений. В случае Крыма именно наличие на полуострове Черноморского флота Российской Федерации сыграло определяющую роль при успешном воплощении ирредентистского курса в 2014 г. При отсутствии Черноморского флота на территории Крыма процесс присоединения к России не мог пройти успешно, а политический конфликт мог бы и вовсе перейти в стадию военного противостояния по линии «центр – периферия», как это произошло в тот период на Донбассе [2, с. 78].

Еще одно отличие политических ситуаций состоит в том, что реализация благоприятного для населения Крыма сценария стала возможной вследствие влияния русского фактора, традиционно играющего важную роль в этнической структуре населения крымского полуострова. В соответствии с показателями переписи, проведенной в 2014 г., численность русского этноса на территории крымского полуострова составляет 67,9 % [13]. В Донецкой и Луганской областях, согласно последней Всеукраинской переписи населения, – 38,2 и 39 % соответственно [14]. Именно русское этническое большинство

стало опорой ирредентистски ориентированных сил, активная позиция которых позволила максимально оперативно принять решения, требуемые для выхода из состава Украины и присоединения к Российской Федерации. Подобные важнейшие политические решения также были приняты благодаря наличию в Крыму своих автономных органов управления – Верховного Совета и Совета министров, что и позволило в отличие от Донбасса легитимно провести референдум. В Донецкой и Луганской областях ситуация выглядела несколько иначе, поскольку подобные автономные органы управления там отсутствовали. Кроме того, несмотря на схожую с Крымом конфигурацию политических сил на уровне региональной законодательной власти (абсолютное большинство принадлежало Партии регионов), оперативно принять необходимые решения на Донбассе не получилось. Как было отмечено, основная причина состояла в том, что в отличие от Крыма Донецкая и Луганская области не были готовы на институциональном уровне к быстрому принятию необходимых для себя политических решений.

Также не проявила требуемой политической воли региональная власть данных областей, в результате чего потребовалось время на определенное «переформатирование» политической элиты (избрание «народных» губернаторов, формирование Народных советов как новых законодательных органов власти). Процессы «переформатирования» региональной политической элиты в Донецке и Луганске фактически завершились в апреле 2014 г. (7 апреля была провозглашена Донецкая народная республика, 27 апреля – Луганская народная республика). В Крыму максимально быстрое принятие судьбоносных для региона политических решений было обусловлено влиянием русского фактора: единственным регионом Украины, где русский этнос составлял более 50 % населения, являлся именно Крым. Любопытно и то, что, согласно результатам анкетного опроса, проведенного с 8 по 16 апреля 2014 г. Киевским международным институтом социологии, на начальном этапе в качестве оправданной акции Евромайдан оценивали 20 и 26,8 % жителей Донецкой и Луганской областей соответственно [15]. Конечно, уровень поддержки Евромайдана в этих регионах был почти в два раза ниже, чем в других областях юга-востока страны, но в то же время был выше, чем на Крымском полуострове.

Следует отметить и то, что несмотря на высокую популярность среди населения ДНР и ЛНР идеи присоединения к России [16, 17], в последнее время наблюдается определенная тенденция снижения доверия населения народных республик к политике, проводимой Российской Федерацией в их отношении: в декабре 2016 г. уровень недоверия жителей ДНР к политике Российской Федерации составил 41,3 %, в то время как в декабре 2015 г. данный показатель был на уровне 14,3 % [16].

Основная суть *«боснийского» сценария* состоит в преодолении конфликта на юго-востоке Украины по тому пути, по которому произошло разрешение политического кризиса в Боснии и Герцеговине в первой половине 90-х гг. XX в. Это может быть реализовано в том случае, если произойдет повторная эскалация вооруженного конфликта на Донбассе и потребуется принятие нового соглашения по его урегулированию.

Автором идеи воплощения на Украине «боснийского» сценария является британский дипломат Ч. Кроуфорд. В своей статье «Украинцы – лузеры в игре труса» он обозначил идею сохранения формально единой Украины с созданием на ее территории фактически независимого государственного образования в границах ДНР и ЛНР [18]. Как считает Кроуфорд, смысл соглашения, которое может быть выгодно России, заключается в «босниизации» Украины. Его предложение сводится к формальному сохранению территориальной целостности Украины при предоставлении ДНР и ЛНР статуса широкой автономии, как это было в свое время сделано в отношении Республики Сербской в Боснии и Герцеговине [18].

Если говорить о механизмах воплощения «боснийского» сценария на практике, то на начальном этапе его реализации требуется принятие Общего рамочного соглашения о мире на Украине (своего рода аналог подписанных в 1995 г. Дейтонских соглашений). Государствами-гарантами в ходе переговорного процесса могли бы выступить Россия, Германия и Франция. Неотъемлемым условием его осуществления является проведение реформы по федерализации Украины. Для этого в Общем рамочном соглашении должна быть закреплена норма об изменении административно-территориального устройства страны (переходе от унитарной к федеративной системе) путем создания на ее территории трех автономных образований: Федеративной Республики Украина, Донецкой

народной республики и Луганской народной республики. В состав Федеративной Республики Украина следует включить все регионы, входящие в состав Украины в настоящее время, за исключением части территорий Донецкой и Луганской областей. Также в стране следует провести новую реформу, направленную на расширение автономии на региональном и муниципальном уровнях.

Следует отметить, что «боснийский» сценарий содержит в себе как положительные, так и отрицательные аспекты. К первым можно отнести определенное урегулирование конфликта, прекращение вооруженных действий на территории Донецкой и Луганской областей, а также проведение реформы по автономизации данных регионов, включающей, в частности, формирование на части их территорий де-факто независимой от Киева политической системы (по типу Республики Сербской в Боснии и Герцеговине). Ко вторым следует отнести большую вероятность отстранения от власти «народных» политических элит ДНР и ЛНР (как это было с лидерами боснийских сербов в середине 1990-х гг.) и риск установления в регионах новых властей, подконтрольных Европейскому Союзу и НАТО.

Подобные решения могут быть реализованы главным образом благодаря возможному введению на Украине такого института, как Аппарат Верховного представителя (Верховный представитель является одновременно и Специальным представителем Европейского Союза) [2, с. 78]. Например, в случае Республики Сербской в Боснии и Герцеговине Верховный представитель наделен такими полномочиями, как право отправлять в отставку любое должностное лицо, отменять решения ряда судебных инстанций, а также запрещать любому лицу участие в выборах и занятие любой «выборной или назначаемой общественной должности, равно как и должности в политических партиях» [19, с. 145–146].

Итак, отметим, что в случае невыполнения Минских соглашений и заморозки конфликта на юго-востоке Украины может появиться возможность для реализации нескольких сценариев развития Донецкой и Луганской народных республик в качестве самостоятельных субъектов международной политики: «абхазский», «крымский» и «боснийский» сценарии. Но в ближайшей перспективе вероятность практической реализации какого-либо из рассмотренных сценариев достаточно мала.

Если говорить о долгосрочном прогнозе (10–15 лет), то наиболее вероятным является «абхазский» сценарий, поскольку «крымский» может быть реализован лишь в случае кардинального усугубления политического кризиса на Украине, а также при условии изменения позиции России относительно признания независимости Донецкой и Луганской народных республик, что в настоящее время неосуществимо. «Боснийский» сценарий является более вероятным, чем «крымский», но менее вероятным, нежели «абхазский», так как его реализация возможна лишь в случае возобновления полномасштабного вооруженного конфликта на юго-востоке Украины и появления необходимости подготовки нового соглашения по урегулированию конфликта.

Литература

1. *Мироненко В.И.* Украина: революция обманутых надежд // Современная Европа. 2015. № 2. С. 131–143.

2. *Узнародов Д.И.* Новороссия как субъект международной политики: проблемы и перспективы // Наука Юга России. 2016. Т. 12, № 1. С. 75–83.

3. Полный текст Минских соглашений // Информационное агентство «РИА Новости». 2015. 12 февр. URL: https://ria.ru/world/20150212/1047311428.html (дата обращения: 25.06.2018).

4. Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения. Закарпатская область // Государственный комитет статистики Украины. 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpatia/ (дата обращения: 27.06.2018).

5. *Студнев Г.* Україна це Європа: претенденты на украинские земли сегодня // Агентство гражданской журналистики «Ридус». 2014. 15 марта. URL: http://www.ridus.ru/news/156518 (дата обращения: 28.06.2018).

6. *Бирюков С.В., Коваленко А.А.* Геополитика восточноевропейских «крайне правых» // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 97–110.

7. Конституция Венгрии (вступила в силу с 01.01.2012 г.) // Интернет-библиотека конституций. URL: http://worldconstitutions.ru/archives/298/1 (дата обращения: 19.06.2018).

8. *Подгорный Н.* С чем останется Украина после интеграции в нее Евросоюза // Lenta.ru. 2016. 24 июля. URL: https://lenta.ru/articles/2016/07/24/tak_pobedim/ (дата обращения: 14.06.2018).

9. Венгрия потребует пересмотра ассоциации Украины и ЕС из-за закона об образовании // Ведомости. 2017. 10 окт. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/news/2017/10/10/737238-vengriya-ukraini-es (дата обращения: 15.06.2018).

10. Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения // Государственный комитет статистики Украины. 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/ (дата обращения: 27.06.2018).

11. Всеукраинская перепись населения 2001 года. Национальный состав населения. Одесская область // Государственный комитет статистики Украины. 2001. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/odesa/ (дата обращения: 27.06.2018).

12. *Дністрянський М.С.* Етнополітична географія України: проблеми теорії, методології, практики. Львов : Літопис, 2006. 490 с.

13. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 года. Национальный состав населения // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым. 2014. URL: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf (дата обращения: 27.06.2018).

14. *Тархов С.А.* Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность : сб. / под ред. В.А. Шупера. М. : Эслан, 2004. С. 144–164.

15. *Баранов А.В.* Политическая идентичность Новороссии: состояние и ресурсы конструирования // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 2. С. 98–106.

16. 26 % населения поддерживают независимость ДНР, 50 % – хотят в Россию // Информационное агентство REGNUM. 2017. 14 апр. URL: https://egnum.ru/news/polit/2263484.html (дата обращения: 28.06.2018).

17. ДНР: Малороссия не противоречит Минским соглашениям // Информационное агентство REGNUM. 2017. 18 июля. URL: https:// regnum.ru/news/polit/2302366.html (дата обращения: 28.06.2018).

18. *Корнилов В.* Шесть сценариев для Новороссии // Информационный мультипортал «KM.RU». 2014. 5 сент. URL: http://www.km.ru/world/2014/09/05/protivostoyanie-naukraine-2013-14/748122-shest-stsenariev-dlya-novorossii (дата обращения: 27.06.2018).

19. *Энгельгардт Г.Н.* Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. 2015. URL: http://www.inslav.ru/sobytiya/zashhity-dissertaczij/2216-2015-engelgardt (дата обращения: 15.06.2018).

References

1. Mironenko V.I. Ukraina: revolyutsiya obmanutykh nadezhd [Ukraine: Revolution of the Deceived Hopes]. *Sovremennaya Evropa*. 2015, No. 2, pp. 131-143.

2. Uznarodov D.I. Novorossiya kak sub"ekt mezhdunarodnoi politiki: problemy i perspektivy [Novorossiya as a Subject of International Politics: Problems and Prospects]. *Nauka Yuga Rossii*. 2016, vol. 12, No. 1, pp. 75-83.

3. Polnyi tekst Minskikh soglashenii [Full Text of the Minsk Agreements]. RIA “Novosti”. 2015, Febr. 12. Available at: https: //ria.ru/world/20150212/1047311428.html (accessed 25.06.2018).

4. Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya. Zakarpatskaya oblast' [All-Ukrainian Population Census of 2001. National Structure of Population. Zakarpatska Region]. *Gosudarstvennyi komitet statistiki Ukrainy*. 2001. Available at: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/zakarpatia/ (accessed 27.06.2018).

5. Studnev G. Ukraïna tse Єvropa: pretendenty na ukrainskie zemli segodnya [Ukraine is Europe: claimants to Ukrainian lands of today]. *Ridus*. 2014, March 15. Available at: http://www.ridus.ru/news/156518 (accessed 28.06.2018).

6. Biryukov S.V., Kovalenko A.A. Geopolitika vostochnoevropeiskikh «krayne pravykh» [Geopolitics of Eastern European “Far Right”]. *Svobodnaya mysl'*. 2013, No. 1, pp. 97-110.

7. Konstitutsiya Vengrii (vstupila v silu s 01.01.2012 g.) [Constitution of Hungary (in force from 01.01.2012)]. Internet-biblioteka konstitutsii. Available at: http://worldconstitutions.ru/archives/298/1 (accessed 19.06.2018).

8. Podgorny N. S chem ostanetsya Ukraina posle integratsii v nee Evrosoyuza [With what will Remain Ukraine after the Integration to the European Union]. *Lenta.ru*. 2016, July 24. Available at: https:// lenta.ru/articles/2016/07/24/tak_pobedim/ (accessed 14.06.2018).

9. Vengriya potrebuet peresmotra assotsiatsii Ukrainy i ES iz-za zakona ob obrazovanii [Hungary will Require a Review of the Association Between Ukraine and EU because of the Education Act]. *Vedomosti*. 2017, Oct. 10. Available at: https: //www.vedomosti.ru/ politics/news/2017/10/10/737238-vengriya-ukraini-es (accessed 15.06.2018).

10. Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya [All-Ukrainian Popula-

tion Census of 2001. National Structure of Population]. *Gosudarstvennyi komitet statistiki Ukrainy*. 2001. Available at: http:// 2001.ukrcensus.gov.ua/results/ general/nationality/ (accessed 27.06.2018).

11. Vseukrainskaya perepis' naseleniya 2001 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya. Odesskaya oblast' [All-Ukrainian Population Census of 2001. National Structure of Population. Odessa Region]. *Gosudarstvennyi komitet statistiki Ukrainy*. 2001. Available at: http:// 2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/nationality/odesa/ (accessed 27.06.2018).

12. Dnestryanskii M.S. *Etnopolitichna geografiya Ukraïni: problemi teoriï, metodologiï, praktiki* [Ethnopolitical Geography of Ukraine: Problems of Theory, Methodology, Practice]. Lviv: Letopis, 2006, 490 p.

13. Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federal'nom okruge 2014 goda. Natsional'nyi sostav naseleniya [Results of the Population Census in Crimean Federal District in 2014. National Structure of Population]. *Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Respublike Krym*. 2014. Available at: http://crimea.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/crimea/resources/1f72198049859f4b9205f22d12c3261e/pub-04-01.pdf (accessed 27.06.2018).

14. Tarkhov S.A. [Results of Population Census of Ukraine of 2001]. Chetvertye sokraticheskie chteniya po geografii. Nauchnye teorii i geograficheskaya real'nost' [Fourth Socratic Reading on Geography. Scientific Theories and Geographic Reality]. Coll. ed. V.A. Shuper. Moscow: Eslan, 2004, pp. 144-164.

15. Baranov A.V. Politicheskaya identichnost' Novorossii: sostoyanie i resursy konstruirovaniya [Political Identity of Novorossiya: the Status and Resources of Construction]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura.* 2015, No. 2, pp. 98-106.

16. 26 % naseleniya podderzhivayut nezavisimost' DNR, 50% – khotyat v Rossiyu [26 % of the Population Support the Independence of DPR and 50 % Want to Russia]. *Regnum.* 2017, Apr. 14. Available at: http:// www.lenta.ru/news/2014/08/13/flag/ (accessed 28.06.2018).

17. DNR: Malorossiya ne protivorechit Minskim soglasheniyam [DPR: Malorossiya do not Contradict Minsk Agreements]. *Regnum*. 2017, July 18. Available at: https://regnum.ru/news/polit/2302366.html (accessed 28.06.2018).

18. Kornilov V. Shest' stsenariev dlya Novorossii [Six Scenarios for Novorossiya]. *KM.RU*. 2014, May 5. Available at: http:// www.km.ru/world/2014/09/05/protivostoyanie-naukraine-2013-14/748122-shest-stsenariev-dlya-novorossii (accessed 27.06.2018).

19. Engelhardt G.N. Respublika Serbskaya v Bosnii i Gertsegovine. Vozniknovenie i evolyutsiya (1990 – 2006 gg.): dis. … kand. ist. nauk [Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina. The Origin and Evolution (1990-2006)]. 2015. Available at: http:// www.inslav.ru/ sobytiya/zashhity-dissertaczij/2216-2015-engelgardt (accessed 15.06.2018).

Поступила в редакцию / Received ***15 августа 2018 г. / August 15, 2018***

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCE

УДК 336.7 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-104-108

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОБСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРЕДПРИЯТИЯ

© 2018 г. Д.А. Никитин [а]
[а] Университет управления «ТИСБИ», Казань, Россия

EFFICIENCY OF USE OF OWN FUNDS OF THE ENTERPRISE

D.A. Nikitin [а]
[а] University of Management "TISBI", Kazan, Russia

Никитин Денис Андреевич –
аспирант,
Университет управления «ТИСБИ»,
ул. Муштари, 13, г. Казань, Республика Татарстан,
420012, Россия.
E-mail: nikden1993@mail.ru

Denis A. Nikitin -
Postgraduate,
University of Management "TISBI",
Mushtari St., 13, Kazan, Tatarstan,
420012, Russia.
E-mail: nikden1993@mail.ru

Рассматривается одна из актуальных проблем нашей экономики – эффективность использования собственного капитала. Анализируются способы выявления слабых сторон в работе компании при таком методе работе. Приводится методика определения влияния различных факторов на деятельность организации в условиях рынка. Излагаются рекомендации для принятия управленческих решений для последующего улучшения состояния и обеспечения собственного капитала. Например, уменьшить сумму затрат, не снижая объема производства и реализации продукции; создать свой научно-исследовательский отдел по изучению ассортимента продукции для снижения ее себестоимости; провести тренинги для управляющего состава и т.д.

Ключевые слова: *собственный капитал, уставный капитал, добавочный капитал, резервный капитал, нераспределенная прибыль, заемный капитал, рентабельность собственного капитала, эффект финансового рычага, 4-факторная модель Дюпона.*

This article is devoted to one of the most urgent problems of our economy at the present time-the efficiency of the use of equity. Our country is at one of the most difficult moments of our history. Every organization is in a moment of constant changes and every time you need to be able to adapt to market conditions to remain competitive. The purpose of our research is to show companies the ways to identify weaknesses when using their own funds. The article provides a specific example of the method of determining the impact of these factors, in addition, clearly set out, on the basis of the analysis, recommendations for management decisions for the subsequent improvement of the state and provision of equity. For example, to reduce the amount of costs without reducing the volume of production and sales of products; to create a research Department to study the range of products to reduce its cost; to conduct training for the management team, etc.

Keywords: *equity, authorized capital, additional capital, reserve capital, retained earnings, debt capital, return on equity, the effect of financial leverage, DuPont four-factor model.*

В нашем нестабильном экономическом пространстве успешное функционирование предприятия практически полностью зависит от правильно запланированных действий руководства. Четко поставленный план действий и разумное использование заемных и собственных средств – это одна из основных проблем всех организаций.

Собственные средства (капитал) – это денежные средства, которые полностью находятся в распоряжении компании, эффективное использование которых увеличивает их размер, что является одним из ключевых критериев устойчивости компании.

Собственный капитал генерируется за счет вложения учредителей компании во время ее

основания, чистой прибыли, безвозвратных взносов и денежной массы для целевого финансирования. Основным источником для увеличения размера собственных средств является чистая прибыль.

Собственный капитал состоит:

– из уставного капитала – средств, которые зафиксированы в уставе акционерного общества, создаваемые за счет продажи акций, от частных и государственных вложений и т.д.;

– добавочного капитала, формируемого в результате дооценки внеоборотных активов. В акционерных обществах в добавочный капитал зачисляют сумму, полученную сверх номинальной стоимости размещенных акций;

– резервного капитала – размера имущества предприятия, который предназначен для размещения в нём нераспределённой прибыли, для покрытия убытков, погашения облигаций и выкупа акций предприятия;

– нераспределенной прибыли – итогового финансового результата деятельности компании за отчетный год, одной из составляющих пассивов, т.е. источников средств компании, входящей в раздел «Капитал и резервы» баланса [1].

Увеличение размера собственного капитала оказывает влияние на финансовое положение предприятия, повышает конкурентоспособность, платежеспособность и т.д.

Предприятие, использующее только собственные средства, является более финансово стабильным, но скорость развития его намного меньше того предприятия, которое использует заемные средства. Но заемные средства не должны превышать собственные.

Предприятие будет финансово стабильным, если собственные средства превышают привлеченные более чем в 1,2 раза [2]. В то же время для определения финансовой стабильности и перспектив развития предприятия используются различные методы диагностики, однако каждый из них имеет ограничения и положительные стороны.

Так, соотношение заемного и собственного капиталов считается показателем финансовой устойчивости предприятия, на основе которого кредиторы решают вопрос о предоставлении кредитов и устанавливают степень риска, это значит, что, для того чтобы даже привлечь заемные средства, организация сначала должна обеспечить себя приличным размером собственных средств и показать эффективность их использования. Одним из таких показателей является рентабельность собственного капитала:

$$ROE=ЧП/СКср\times100\ \%,$$

где ROE – рентабельность собственного капитала;

ЧП – чистая прибыль;

СКср – среднегодовая сумма собственного капитала.

$$ROE_{2016}=13980/40300\times100=34{,}6.$$

$$ROE_{2017}=12863{,}6/43800\times100=29{,}3.$$

По данным расчетам видно, что компания в 2017 г. начала получать на 5,3 копейки меньше с каждого вложенного рубля по сравнению с 2016 г., но данные расчеты не предоставляют полной картины для принятия руководством разумных решений для исправления данного положения. Чтобы более подробней разобрать, что именно сыграло негативную роль, воспользуемся методом определения влияния факторов на эффективность использования, т. е. на рентабельность собственного капитала, данным методом является 3-факторная модель Дюпона [3]:

$$ROE=ЧП/ВР\times ВР/Аср\times Аср/СКср,$$

где Аср – среднегодовая сумма активов;

ВР – выручка от реализации продукции.

Но мы желаем рассмотреть влияние большего количества факторов, поэтому в данном случае будем использовать 4-факторную модель Дюпона [4]:

$$ROE=ЧП/ВР\times ВР/Аср\times Аср/ЗКср\times ЗКср/СКср,$$

где ЗКср – среднегодовая сумма заемного капитала.

Данная модель предоставит нам возможность выявить влияние следующих факторов:

– рентабельность продаж;

– оборачиваемость активов;

– структура капитала;

– плечо финансового рычага.

Но она применима только тогда, когда использование предприятием привлеченных средств имеет положительный эффект финансового рычага (ЭФР) и это огромный плюс по нашему мнению. Данная модель предоставляет возможность не только выявить факторы, влияющие на эффективность использования собственных средств, но также затрагивает и эффективность заемных средств, что очень даже важно, так как данные фонды тесно связаны друг с другом. И поэтому при расчете одного всегда нужно учитывать и второе. Для начала рассчитаем показатель ЭФР [5]:

$$ЭФР=(ЗКср/СКср)\times(1-Снп)\times(ROA-СПср).$$

Эффект финансового рычага предоставляет возможность выявить, насколько за счет привлечения заемных средств увеличивается объем собственного капитала [6].

Для расчета нам известны следующие финансовые показатели некоторой производственной компании за 2016 и 2017 гг., обобщенные в табл. 1.

Таблица 1

Показатель	Условные обозначения	2016	2017	Отклонение
Среднегодовая сумма собственного капитала, тыс. р.	СКср	40300	43800	3500
Среднегодовая сумма заемного капитала, тыс. р.	ЗКср	17564	16024	-1540
Среднегодовая сумма активов, тыс. р.	Аср	57864	59824	1960
Выручка от реализации продукции, тыс. р.	ВР	28350	29560	1210
Проценты к уплате, тыс. р.	УП	4700	3950	-750
Прибыль до налогообложения, тыс. р.	Пдн	18640	17140	-1500
Налоги из прибыли, тыс. р.	НП	4660	4456,4	-203,6
Чистая прибыль, тыс. р.	ЧП	13980	12863,6	-1116,4
Рентабельность активов, % (Пдн/Аср)×100	ROA	32,2	28,6	-3,6
Плечо финансового рычага (коэффициент задолженности) ЗКср/СКср	Кз	0,43	0,36	0,07
Средняя расчетная ставка процента за кредит, % (УП/ЗКср)×100	СПср	26,7	24,6	2,1
Ставка налога на прибыль НП/Пдн	Снп	0,25	0,26	0,01

На основе рассчитанных показателей из табл. 1 определим ЭФР за 2016 и 2017 гг.

$ЭФР_{2016}$=0,43 × (1 – 0,25) × (32,2 – 26,7)= 1,77.
$ЭФР_{2017}$=0,36× (1 – 0,26) × (28,6 – 24,6)= 1,06.

По полученным данным из произведенных расчетов можно сделать вывод, что ЭФР имеет положительный результат, и поэтому мы можем начать выяснять уровень влияния факторов на рентабельность собственного капитала:

ROE_{2016}=0,493×0,490×3,294×0,436=0,346.
ROE_{2017}=0,435×0,494×3,733×0,366=0,293.

По полученным результатам проведем цепные подстановки для определения влияния каждого фактора

ROE_{2016}=0,493×0,490×3,294×0,436=0,346.
ROE^2=0,435×0,490×3,294×0,436=0,306.
ROE^3=0,435×0,494×3,294×0,436=0,309.
ROE^4=0,435×0,494×3,733×0,436=03,50.
ROE_{2017}=0,435×0,494×3,733×0,366=0,293.

Внесем итоги факторов, влияющих на рентабельность собственного капитала, в табл. 2.

По проведенной цепной подстановке можем определить, какие именно факторы повлияли на эффективность использования собственных средств в размере 5,3 к. в 2017 г. по сравнению с 2016 г.

1. Снижение показателя рентабельности продаж уменьшил собственный капитал на 4 % (0,346 – 0,306=0,040). Поэтому необходимо руководству компании внимательнее разобраться в причинах снижения роста показателя и принять меры для улучшения инвестиционной привлекательности предприятия. Нужно обеспечить превышение роста выручки над ростом затрат. Для этого необходимо увеличивать объемы продаж, например, за счет изменений ассортимента продукции. Стоит подумать о тщательном анализе ассортиментной политики и механизма ценообразования и пересмотреть нормы затрат.

Таблица 2

Показатель	2016	2017	Подстановки			
			1	2	3	4
Коэффициент рентабельности продаж	0,493	0,435	0,435	0,435	0,435	0,435
Коэффициент доходности активов	0,490	0,494	0,490	0,494	0,494	0,494
Коэффициент финансовой зависимости	3,294	3,733	3,294	3,294	3,733	3,733
Коэффициент задолженности	0,436	0,366	0,436	0,436	0,436	0,366
Коэффициент рентабельности собственного капитала	0,346	0,293	0,306	0,309	0,350	0,293

2. Увеличение коэффициента доходности сыграло положительную роль, увеличив показатель рентабельности собственного капитала на 0,3 % (0,309 – 0,306=0,003).

3. Увеличение коэффициента финансовой зависимости, т. е. уменьшение доли привлеченных средств способствовало увеличению рентабельности собственного капитала на 4,1 % (0,350 – 0,309=0,041). Но по нашему мнению, это увеличение вводит руководство компании в заблуждение. Увеличивать рентабельность собственного капитала за счет снижения доли заемного капитала в данном предприятии является ошибкой, так как по вышеприведенным расчетам видно, что ЭФР является положительной, т. е. каждый рубль привлеченного капитала приносит прибыль и увеличивает капитал [7], но эффект финансового рычага снизился в отчетном году по сравнению с прошлым годом. Это еще раз подтверждает, что руководству необходимо для повышения рентабельности собственного капитала пересмотреть нормы затрат.

4. Увеличение доли собственных средств в сравнении с заемными уменьшило рентабельность собственного капитала на 5,7 % (0,350 – 0,293=0,057). Данный расчет также доказывает, что за снижение доли заемного капитала при положительном ЭФР компания потеряла больше прибыли.

Для проверки вышеприведенных результатов произведем проверку точности [8]:

(–4)+0,3+4,1+(–5,7)= –5,3.

В целом можно сказать, что организация работает стабильно и получает прибыль, что у каждой организации бывают спады, но руководство, должно максимально пытаться спрогнозировать будущие финансовые результаты компании, учитывая все нюансы рынка и используя вышеприведенные способы расчета. В данном случае можно воспользоваться следующими сценариями:

Во-первых, необходимо уменьшить сумму затрат не снижая объема производства и реализации продукции. Возможно в данном случае для снижения затрат необходимо провести модернизацию оборудования и производственного процесса, изучив рынок производственных оборудований.

Во-вторых, необходимо создать свой научно-исследовательский отдел по изучению ассортимента производимой продукции для снижения производственной себестоимости. А также для модернизации используемого на данный момент оборудования, учитывая программу импортозамещения.

В-третьих, провести тренинги для управляющего состава, так как руководству необходимо понять, что собственный капитал является частью общего капитала, в которую входит и заемный капитал.

Проведенный анализ позволяет рекомендовать данную методику в финансовом планировании, несмотря на увеличение объемов аналитической работы. В некоторых компаниях рассматривают просто динамику коэффициента рентабельности продаж за периоды методом сравнения, но в рамках данной статьи целью было показать, что, рассчитывая каждый показатель отдельно, руководство организации не составляет системной картины ее финансового положения. Поэтому при анализе нужно учитывать несколько факторов во взаимосвязи, и 4-факторная модель Дюпона позволяет сделать это эффективно.

Литература

1. *Задорожная А.Н.* Теоретические и практические аспекты формирования оптимальной структуры капитала компании. Омск : ЮНЗ, 2015. С. 145.

2. *Абдукаримов И.Т., Беспалов М.В*. Бухгалтерская (финансовая) отчетность коммерческих предприятий : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2014. С. 49–575.

3. *Евстафьев Д.С.* Основы экономических знаний : учебник. М. : Юрайт, 2018. С. 135.

4. *Абдукаримов И.Т., Абдукаримова А.В.* Анализ состояния, размещения и эффективности использования собственных средств предприятия // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 11. С. 18–32.

5. *Никитин Д.А*. Эффективность использования собственных средств // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2017. № 2. С. 86.

6. *Грибов В.Д., Грузинов В.П.* Экономика предприятия : учебник. М. : ИНФРА-М, 2015. С. 216.

7. *Маховикова Г.А.* Экономическая теория: учебник и практикум. Люберцы : Юрайт, 2015. С. 256.

8. *Журавлева Г.П.* Экономическая теория. Микроэкономика – 1, 2. Мезоэкономика : учебник. М. : Дашков и К, 2016. С. 624.

References

1. Zadorozhnaya A.N. *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty formirovaniya optimal'noi struktury kapitala kompanii* [Theoretical and Practical Aspects of the Formation of the Optimal Capital Structure of the Company.]. Omsk: YuNZ, 2015, 145 p.

2. Abdukarimov I.T., Bespalov M.V. *Bukhgalterskaya (finansovaya) otchetnost' kommercheskikh predpriyatii* [Accounting (financial) Reporting of Commercial Enterprises]. St. manual. Moscow: INFRA-M, 2014, pp. 49-575.

3. Evstaf'ev D. S. *Osnovy ekonomicheskikh znanii* [Fundamentals of Economic Knowledge]. St. book. Moscow:Yurait, 2018, p. 135

4. Abdukarimov I.T., Abdukarimova A.B. Analiz sostoyaniya, razmeshcheniya i effektivnosti ispol'zovaniya sobstvennykh sredstv [Analysis of the State, Location and Efficiency of Using the Company's Own Funds]. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2011, No. 11, pp. 18-32.

5. Nikitin D.A. Effektivnost' ispol'zovaniya sobstvennykh sredstv [Efficiency of Own Funds Use]. *Izv. vyzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki*. 2017, No. 2, p. 86.

6. Gribov V.D., Gruzinov V.P. *Ekonomika predpriyatiya* [Enterprise Economy]. St. book. Moscow: INFRA-M, 2015, p. 216.

7. Makhovikova G.A. *Ekonomicheskaya teoriya* [Economic Theory]. St. book, work book. Lyubertsy: Yurait, 2015, p. 256.

8. Zhuravleva G.P. *Ekonomicheskaya teoriya. Mikroekonomika - 1, 2. Mezoekonomika* [Economic Theory. Microeconomics - 1, 2. Mesoeconomics]. St. book. Moscow: Dashkov i K, 2016, p. 624.

Поступила в редакцию / Received ***23 июля 2018 г. / July 23, 2018***

УДК 33.336 DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-109-114

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМА ДОБРОВОЛЬНОГО МЕДИЦИНСКОГО СТРАХОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ

© 2018 г. Н.М. Ованесян [a], Е.А. Мидлер [b], Ю.Н. Денисенко [a]
[a] Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия,
[b] Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

REALIZATION OF THE MECHANISM OF VOLUNTARY MEDICAL INSURANCE IN ENSURING THE QUALITY OF MEDICAL SERVICES

N.M. Ovanesyan [a], E.A. Midler [b], Yu.N. Denisenko [a]
[a] Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,
[b] Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ованесян Наталья Матвеевна –
доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой
маркетинга и инженерной экономики,
Донской государственный
технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону,
344000, Россия.
E-mail: nmo2013@yandex.ru

Natalia M. Ovanesyan -
Doctor of Economics, Professor,
Head of Department of Marketing
and Engineering Economics,
Don State
Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don,
344000, Russia.
E-mail: nmo2013@yandex.ru

Мидлер Елена Александровна –
доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой
управления развитием пространственно-
экономических систем,
Южный федеральный университет,
ул. М. Горького, 88, г. Ростов-на-Дону,
344002, Россия.
E-mail: midler2005@yandex.ru

Elena A. Midler -
Doctor of Economics, Professor,
Head of Department of Management
of the Development of Spatial
Economic Systems,
Southern Federal University,
Gorkogo St., 88, Rostov-on-Don,
344002, Russia.
E-mail: midler2005@yandex.ru

Денисенко Юлия Николаевна –
кандидат экономических наук, доцент,
кафедра маркетинга и инженерной экономики,
Донской государственный
технический университет,
пл. Гагарина, 1, г. Ростов-на-Дону,
344000, Россия.

Yulia N. Denisenko -
Candidate of Economics, Associate Professor,
Head of Department of Marketing
and Engineering Economics,
Don State Technical University,
Gagarina Sq., 1, Rostov-on-Don,
344000, Russia.

Рассматриваются проблемы функционирования российского рынка медицинского страхования, обосновывается необходимость и важность развития системы добровольного медицинского страхования (ДМС) в контексте направлений социальной политики государства для обеспечения эффективной страховой защиты населения. Анализируются типы ДМС по признаку взаимодействия с государственной системой здравоохранения. Выявлены перспективные тенденции развития ДМС в современной экономике России.

Ключевые слова: *медицинская услуга, качество медицинской помощи, обязательное медицинское страхование (ОМС), добровольное медицинское страхование (ДМС), страховой рынок, финансирование здравоохранения, Программа государственных гарантий, страховой рынок.*

The article considers the problems of the Russian market of medical insurance functioning, it justifies the necessity and importance of the development of the voluntary medical insurance (VHI) system in the context of the social policy

directions of the state to ensure effective insurance protection of the population. Types of VHI are analyzed on the basis of interaction with the public health system. Prospective trends in the development of VHI in the modern Russian economy have been identified.

Keywords: *medical service, quality of medical care, compulsory medical insurance, voluntary medical insurance, insurance market, health financing, state guarantees program, insurance market.*

Современное здравоохранение является особой социально-экономической системой, которая формирует совокупность отношений населения с государственными структурами и одновременно выступает объектом исследования национальной экономики. Именно здесь и учитывают различные подходы к определению доли расходов на здравоохранение и соответственно механизмов финансирования. Если в ряде европейских государств вопрос ставится о сдерживании роста таких расходов, то в России из-за хронического недофинансирования необходимо повышать их уровень. Поэтому с учетом мировых тенденций России особенно важно определиться с вариантом системы финансирования, ориентированным на создание эффективной системы оказания медицинской помощи гражданам страны, а не только с ростом расходов на здравоохранение.

Имеющиеся различия организации системы здравоохранения экономически развитых стран учитывают важность и необходимость следующих аспектов:

– медицинские услуги выступают как социальный товар, оказание которых доступно всему обществу;

– основой функционирования системы является принцип социальной справедливости, в результате реализации которого происходит перераспределение ресурсов от здоровых к больным, от богатых к бедным.

Минимальный уровень финансирования здравоохранения Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) установлен в размере 5,5–6,0 % ВВП, что позволяет обеспечивать положительную динамику социально-экономического развития европейских стран и рост их конкурентоспособности.

В экономически развитых странах, таких как «США, Канада, Великобритания, Франция, Япония и др., расходы на здравоохранение составляют 7,9–8,1 %, тогда как в странах Восточной Европы (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия) – 5,4 %. В России данный показатель составляет 3,5–3,7 % ВВП, она находится на 70-м месте в мире по финансированию здравоохранения, на 130-м по его эффективности» [1].

В российской экономике обязательства государства по оказанию гражданам бесплатной медицинской помощи не всегда обеспечены финансовыми ресурсами в необходимом объеме и соответствующего качества. Такое положение в системе обязательного медицинского страхования (ОМС), с учетом кризисных явлений в экономике, позволяет добровольному медицинскому страхованию (ДМС) представлять более качественные медицинские услуги физическим и юридическим лицам. Возможность получения расширенного спектра медицинских услуг в лечебно-профилактических учреждениях и через систему ДМС обеспечивает позитивную динамику развития отечественного здравоохранения, выступая цивилизованной формой российской системы медицинского страхования.

Постоянно возрастающий спрос на рынке медицинского страхования делает его особым социально значимым сектором российского общества, управляющим, наряду со страхованием жизни рисками формирования человеческого капитала под влиянием факторов интенсивного развития их составляющих.

В предпринимательской деятельности заданной среды акценты смещаются в сторону оптимального распределения риска и использования ресурсов. Первостепенная роль принадлежит производителям – врачам, которые оценивают состояние здоровья потребителей – пациентов и назначают им необходимое лечение.

Как раз здесь страховая организация как квалифицированный покупатель медицинских услуг осуществляет контроль за своевременным и качественным их предоставлением.

«Недостаточный уровень качества оказываемых услуг в системе ОМС на фоне экономического кризиса, позволяет ДМС выступать инструментом предоставления физическим лицам высококачественного уровня медицинских услуг, сверх норм, предусмотренных системой обязательного страхования. Поэтому ДМС является наиболее солидарной формой привлечения личных средств населения, а формирующийся страховой пул здесь выступает источником возмещения затрат на лечение. Страховой принцип позволяет снизить затраты больных в момент

получения медицинской помощи. В то же время размер страхового пула в случае ДМС существенно ниже, чем в ОМС или бюджетной системы здравоохранения» [2]. Именно данная «система страхования граждан в контексте направлений социальной политики государства позволяет создать страховую защиту населения, значительно повышающую качество медицинских услуг и предоставляющая повышенные социальные гарантии» [3].

В ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» «качество медицинской помощи» предусматривает своевременное оказание помощи с учетом выбора профилактики, диагностики, лечения и реабилитации с целью достижения запланированного эффекта. Набор составляющих услуги ДМС выполняет определенные функции, каждая из которых направлена на конечный результат.

В научной литературе выделяют следующие элементы качества медицинской услуги [4]:

– информационная прозрачность всего спектра предоставляемых медицинских услуг (результаты обследования, диагноз, методы лечения, возможные риски и последствия);

– направленность и обоснованность перечня медицинских услуг на достижение положительной динамики здоровья больного;

– уровень профессионализма медперсонала различных категорий, включая профессиональные компетенции, практические умения и навыки;

– квалификационные требования к медперсоналу, включая уровень их профессиональных компетенций, объем знаний, практические умения и навыки;

– эффективность показателей удовлетворенности пациента предлагаемым пакетом медицинских услуг.

ДМС, выступая в качестве солидарной формы эффективного привлечения личных средств граждан, формирует собственные источники страхового пула по возмещению затрат на лечение. Субъекты ДМС выстраивают свои отношения на основе договора страхования (страховщик – страхователь, страховщик – медицинское учреждение). К нему прилагается программа ДМС как часть договора страхования, включающая разные объемы предоставляемых услуг.

В страховой практике определяют ряд типов ДМС по критериям взаимодействия с государственной системой здравоохранения:

1. Замещающие программы ДМС, где группы достаточно состоятельных граждан оплачивают медицинскую помощь из собственных сбережений и могут не платить страховые взносы в ОМС (Германия и Нидерланды).

2. Остаточные программы ДМС, где четко разграничены платная и бесплатная программы ОМС, охватывающие расходы застрахованных.

3. Дополнительные программы ДМС, где определенный перечень услуг не включен в программу государственного финансирования, охватывая условия получения медицинской помощи, высокая комфортность обслуживания [5].

Макроэкономические процессы и внутренние составляющие элементы системы ДМС свидетельствуют о противоречивости факторов ее развития, с одной стороны, значительный охват субъектов, заинтересованных в интенсивном развитии добровольного страхования; с другой же – недостаточность социально-экономических предпосылок и законодательной базы для успешного функционирования страховой системы и ее модернизации.

Проблемы, выделяемые в развитии современного ДМС экспертами страхового рынка, позволяют объединить их в группы, обусловленные внешними и внутренними факторами [6, 7].

В группе, формируемой под влиянием внешних факторов, выделяют следующие проблемы:

1. Тенденция постоянного роста стоимости полиса ДМС, обеспеченная повышением уровня квалификации работников медучреждений, развитием инновационных технологий, появлением новых методик лечения, соответствующих мировым стандартам и т.д.

2. Недостаточный уровень стимулирования значительной группы потребителей услуг (страхователей) – юридических лиц, низкая доля расходов на добровольное страхование от фонда заработной платы. Увеличение лимита с 3 до 6 % в 2009 г. способствовало нивелированию этой противоречивой ситуации.

3. Отсутствие инфраструктуры соответствующего уровня, что проявляется в нехватке в регионах медицинских учреждений по обеспечению медицинских услуг высокого качества (наибольшая доля таких организаций приходится на г. Москву и г. Санкт-Петербург). Поэтому и спрос на услуги ДМС в регионах значительно ниже.

К группе проблем, обусловленных внутренними факторами, относятся:

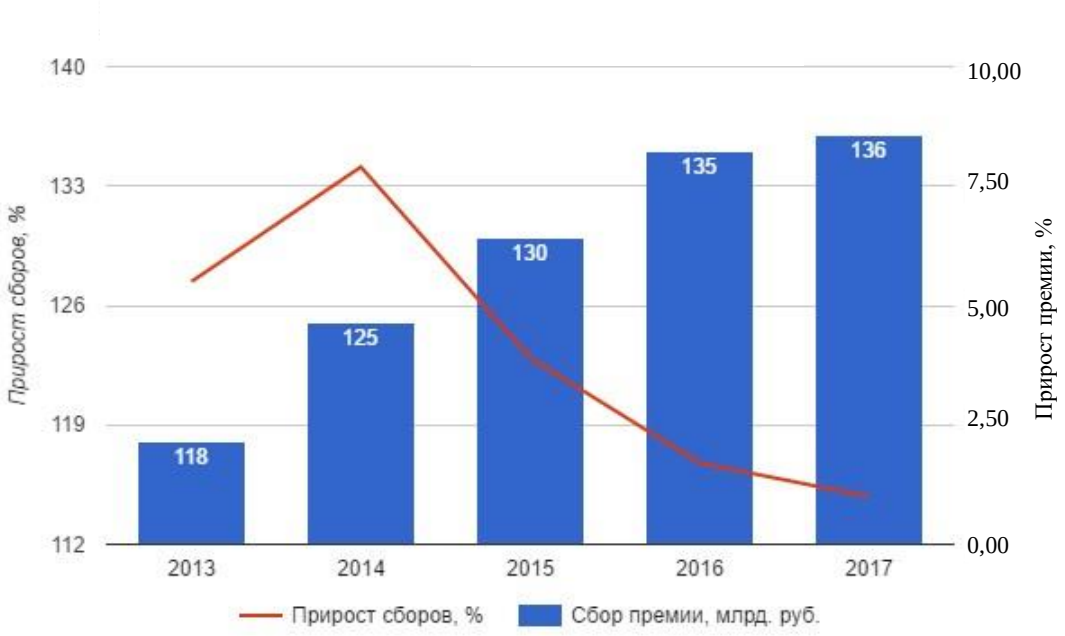
1. Использование псевдостраховых схем ДМС, в которых «депозитные» договоры практически аналогичны классическим – «рисковым». Здесь существующие рычаги дают возможность страховщику уменьшить размер страховой премии на сумму расходов на ведение дела (установление лимита ответственности по программам страхования; расширение страхового покрытия рисковой частью).

2. Антиселекция (ухудшающийся отбор) рисков ДМС физических лиц, когда покупка полиса ДМС рассматривается при необходимости оказания медицинской помощи, обеспечивая страховщикам убыточные договоры. В результате страховые организации вынуждены повышать цены на полисы ДМС для физических лиц, занижая объемы предоставляемых услуг для потенциальных страхователей.

3. Завышение объемов помощи медицинскими организациями. Обоснованность факторов и специфика медицинских услуг носит субъективный характер и зависит от ряда условий, обеспечивая унификацию процедур оказания медицинской помощи.

Однако, несмотря на значимость рассматриваемой сферы страхования, в настоящее время за счет средств ДМС оплачивается лишь 6–7 % оказываемых медицинских услуг на территории РФ [8].

Современное состояние отечественного рынка ДМС характеризуется разнонаправленностью и противоречивостью страховых компаний, медицинских учреждений и потенциальных страхователей. Единственным фактором, обусловливающим его рост в 2013–2017 гг. была инфляция. Величина средней страховой премии в динамике зеркально отражает падение количества заключенных договоров страхования (рисунок). Поэтому страховщики вынуждены постоянно балансировать между сохранением рентабельности и клиентской базы, которая практически на 90 % состоит из корпоративных клиентов, сокращающих расходы на социальные выплаты.

Динамика страховых премий по ДМС (2013–2017 гг.)

Анализ российского рынка ДМС и процесс его концентрации обусловлен как факторами внешней среды (государственное регулирование, требования к размеру уставного капитала, обеспечение реальной платежеспособности, нормативы по составу активов), так и безусловно внутренними (квотирование тарифов, экономичные технологии, проработанные бизнес-процессы). На данном этапе у сектора ДМС отсутствуют собственные факторные показатели роста.

Последние годы страховые сборы по ДМС неуклонно росли. Однако, если до 2014 г. рост был обусловлен числом заключенных договоров, то, уже начиная с 2015 г., увеличение страховых сборов было вызвано снижением курса рубля и удорожанием медицинских услуг из-за

нарастающего импорта медикаментов и необходимой аппаратуры.

Сегодняшнее состояние российской страховой системы доказывает нежизнеспособность ряда страховых компаний, прогнозируя последующую «чистку» и консолидацию рынка ДМС в экономике страны. По итогам 2016 г. первая десятка лидеров по сборам выглядит следующим образом (таблица) [9].

Компании – лидеры по сбору премий по ДМС, 2016 г.

Компания	Поступления, млрд р. (% от всего рынка)	Выплаты, млрд р. (% от всего рынка)
СОГАЗ	44,33 (32,17)	37,81 (37,57)
РЕСО-Гарантия	11,68 (8,47)	8,05 (8)
Альянс Жизнь	9,67 (7,02)	6,46 (6,42)
АльфаСтрахование	8,99 (6,52)	6,30 (6,26)
Росгосстрах	8,04 (5,83)	5,53 (5,5)
Ингосстрах	7,73 (5,61)	4,56 (4,53)
Ренессанс Страхование	5,74 (4,17)	4,45 (4,42)
ЖАСО	5,27 (3,82)	3,16 (3,15)
ВТБ Страхование	4,58 (3,33)	2,61 (2,6)
ВСК	4,30 (3,12)	2,21 (2,19)
Итого	110,33 (80,06)	81,14 (80,63)
Всего по рынку	137,82	100, 63

Первое место в «рэнкинге крупнейших страховщиков ДМС принадлежит компании «СОГАЗ», доля рынка которого составила 32,2 %. Объем премий, собранных компанией за 2016 г., составил 44,3 млрд р., увеличившись на 26,9 %. Второе место занимает «РЕСО-Гарантия» с показателем сборов 11,7 млрд р., долей рынка 8,5 % и темпами прироста премий на 21,8 %. Третье место заняла страховая компания «Альянс Жизнь» (9,7 млрд рублей, доля 7 %, в 2015 г. компания не собирала премии по ДМС). На долю тройки лидеров пришлось 47,7 % премий по ДМС (или 65,7 млрд р.)» [9].

Исходя из вышеизложенного, следует выделить основные перспективы развития ДМС в современной экономике России.

1. Определение гарантированного комплекса обязательных медицинских услуг для интенсивности развития отечественной системы ДМС, а также важность принятия закона о добровольном медицинском страховании и конкретных мер по развитию рынка ДМС.

2. Совершенствование применения налоговых льгот и увеличение предельного уровня расходов в данном страховом сегменте (с 6 до 10 % от суммы расходов на оплату труда).

3. Оптимизация убыточности деятельности страховой компании, и рост ее продуктивности, с учетом опережающего роста цен на рынке медицинских услуг.

4. Разработка специальных программ по медицинскому страхованию для предприятий малого и среднего бизнеса, позволяющих им при меньших затратах получать качественные медицинские услуги.

5. Конвергенция страховых рисков и предложение новых продуктов ДМС.

В итоге основой качественного развития системы российского здравоохранения является стабильный и полноценный рынок ДМС, где стратегические ориентиры опираются на критерии улучшения здоровья населения.

Литература

1. *Хулукшинов Д.Е., Норбоева Е.Ц.* Современное состояние здравоохранения России: вопросы финансирования и проблемы развития // Экономические науки. 2016. № 5 (138).

2. *Шейман И.М., Широких Г.В.* Платные медицинские услуги или фиксированные соплатежи? // Модернизация экономики и общественное развитие : в 3 т. М. : ГУ ВШЭ, 2007. Т. 1.

3. *Ованесян Н.М., Мидлер Е.А., Саенко О.В.* Современная система финансирования отечественного здравоохранения в условиях кризиса: управление отраслью // Экономика и предпринимательство. 2017. № 7 (84).

4. *Ситдикова Л.Б.* Правовые критерии оценки качества медицинских услуг // Медицинское право. 2010. № 4.

5. Бова Ф.С. Идентификация и характеристика источников финансирования ОМС и ДМС в России // TERRA ECONOMICUS. 2012. Т. 10, № 1, ч. 1.

6. *Русакова О.И., Беженцева Э.А.* Медицинское страхование : учеб. пособие. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014.

7. *Тимонина Е.Н.* Проблема выбора: обязательное медицинское страхование, добровольное медицинское страхование или услуги частных клиник // Страховые интересы современного общества и их обеспечение : материалы 14-й Междунар. науч.-практ. конф. Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского, 2013.

8. *Горчакова Е.А., Чужмарова С.И.* Развитие системы добровольного медицинского страхования в Российской Федерации // Экономика и управление:

проблемы, тенденции, перспективы развития : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Интерактив плюс, 2016.

9. Статистические показатели и информация об отдельных субъектах страхового дела // Официальный сайт Центрального банка РФ. URL: http:// www.cbr.ru/ (дата обращения: 03.12.2017).

References

1. Khulukshinov D.E., Norboeva E.Ts. Sovremennoe sostoyanie zdravookhraneniya Rossii: voprosy finansirovaniya i problemy razvitiya [The Current State of Russia's Healthcare: Financing Issues and Development Problems]. *Ekonomicheskie nauki.* 2016, No. 5 (138).

2. Sheiman I.M., Shirokikh G.V. [Paid medical services or fixed co-payments?]. *Modernizatsiya ekonomiki i obshchestvennoe razvitie* [Modernization of Economy and Social Development]: in 3 vol. Moscow: GU VSHE, 2007, vol. 1.

3. Ovanesyan N.M., Midler E.A., Saenko O.V. Sovremennaya sistema finansirovaniya otechestvennogo zdravookhraneniya v usloviyakh krizisa: upravlenie otrasl'yu [Modern System of Financing of Domestic Public Health Services in the Conditions of Crisis: Management of the Branch]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2017, No. 7 (84).

4. Sitdikova L.B. Pravovye kriterii otsenki kachestva meditsinskikh uslug [Legal Criteria for Assessing the Quality of Medical Services]. *Meditsinskoe pravo*. 2010, No. 4.

5. Bova F.S. Identifikatsiya i kharakteristika istochnikov finansirovaniya OMS i DMS v Rossii [Identification and Characterization of Sources of Financing for CHI and VHI in Russia]. *TERA ECONOMICUS*. 2012, vol. 10, No. 1, ch. 1.

6. Rusakova O.I., Bezhentseva E.A. *Meditsinskoe strakhovanie* [Health Insurance]. Student book. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2014.

7. Timonina E.N. [The Problem of Choice: Compulsory Medical Insurance, Voluntary Medical Insurance or Services of Private Clinics]. *Strakhovye interesy sovremennogo obshchestva i ikh obespechenie* [Insurance Interests of Modern Society and Their Provision]. Proceedings of the 14th Intern. Scientific-Practical. Conf. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. un-ta im N.G. Chernyshevskogo, 2013.

8. Gorchakova T.A., Chuzhmarova S.I. [Development of the System of Voluntary Medical Insurance in the Russian Federation]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, tendentsii, perspektivy razvitiya* [Economics and Management: Problems, Trends, Development Prospects]. Proceedings of the 4th Intern. scientific-Practical. Conf. Cheboksary: Interaktiv plyus, 2016.

9. Statisticheskie pokazateli i informatsiya ob otdel'nykh sub"ektakh strakhovogo dela [Statistical Indicators and Information on Individual Subjects of Insurance Business]. *Ofitsial'nyi sait Tsentral'nogo banka RF*. Available at: http://www.cbr.ru/ (accessed 03.12.2017).

Поступила в редакцию / Received ***24 июня 2018 г. / June 24, 2018***

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

TOUCHES TO THE PORTRAIT

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-115-119

П.М. Абовин-Егидес – легендарный преподаватель Ростовского университета, диссидент-социалист, выдающийся политический мыслитель современности

Биография преподавателя философского факультета РГУ П.М.Абовина-Егидеса (1917–1997) уникальна по многим параметрам.

Родился Петр Маркович Егидес в 1917 г. в Киеве. Его отец встал на сторону революции, но вошел в конфликт с местными чекистами и был ими в 1920 г. расстрелян. Т. Самсонова-Егидес пишет: «Потеряв отца, он вскоре стал детдомовцем: бабушка прокормить не могла и вынуждена была отдать внука новому нарождавшемуся Государству. Получив типично советское воспитание, Петр стал учиться на рабфаке – уникальном изобретении нового строя для создания советской интеллигенции. В 1932 г. он был направлен в сельскую школу учителем истории, при этом одновременно экстерном окончил десятилетнюю школу в районном центре. В 1936 г. как обладатель диплома с отличием был принят без экзаменов на философский факультет знаменитого Института философии, литературы и истории в Москве. Когда философский факультет закрыли, П.М. Егидес перешел на исторический факультет. В 1938 г. философфак в ИФЛИ восстановили, и он сразу же вернулся туда на стационар, продолжая изучать историю экстерном. 21 июня 1941 г. П.М. Егидес окончил свое обучение в ИФЛИ. Историческая подготовка обусловила и социальный характер его последующих философских изысканий, и политическую акцентацию выводов.

Хотя П.М. Егидес, судя по его более поздним публикациям, был настроен весьма антисталински, при этом он оставался советским патриотом и приверженцем классических идей социализма. И когда началась война, он записывается в Сокольническом РК ВЛКСМ добровольцем в ополчение, точнее в 1-й Московский добровольческий отряд коммунистов и комсомольцев. В составе 19-й армии сражается под Смоленском. Командир минометной батареи П.М. Егидес попал в окружение, где и был ранен. Очнулся в плену, но через месяц ему удалось бежать и даже перейти линию фронта в расположение своей части. По законам военного времени он был арестован, отправлен в фильтрационный лагерь под Вологдой, а затем в Воркуту. Особое совещание НКВД не стало разбираться и назначило ему 10 лет «за измену Родине», 7 лет из которых он провел в лагерях в Коми АССР и Архангельской области. Известно, что когда П.М. Егидес работал в лагерной медсанчасти, к нему явился местный «пахан». Ему нужна была справка, чтобы не перевели в другой лагерь. Медбрат отказал, и уголовник стал угрожать ножом. П.М. Егидес схватил топор, которым колол лучину на растопку, и ударил уголовника по голове. В это время его очередное письмо с просьбой о помиловании легло на стол Поскребышева, и тот поставил печатку: «Дело пересмотреть. И. Сталин» [1, 2]. Суд за убийство назначил П.М. Егидесу 2 года условно, но учел, что он весь срок находился под следствием, и в конце концов его освободил. Это было просто фантастическое везение, хотя в этом, на наш взгляд, была определенная логика.

В конце 1948 г. П.М. Егидес был реабилитирован за недоказанностью состава преступления. Он вернулся в Москву, однако не мог устроиться здесь на работу и уехал на Украину. А в это время в связи с убийством Ярослава Галана приехал во Львов Н.С. Хрущёв, и на партактиве жена П.М. Егидеса написала ему записку, что вот, мужа реабилитировали, а на работу не принимают. Через две недели его вызвали в Львовский обком партии, который дал указание принять на работу в местное педучилище.

В сентябре 1953 г. пленум ЦК КПСС принял решение о «коренной перестройке села». П.М. Егидесу удалось уговорить жену добровольно поехать в колхоз на должность председателя. Сам получил председательство в колхозе, когда вступил в компартию. Он возглавил колхоз «Рассвет» села Санниковка Тамалинского района Пензенской области. Приступая к работе, он исходил из того, что в Советском Союзе никаких колхозов нет, поэтому «сделать колхозы колхозами – вот в чем суть. С самоуправлением. Хоть один колхоз сделать равным своему понятию – посмотреть, как это может и должно быть. Иначе говоря, совершить бы социалистическую революцию хотя бы в одном отдельно взятом колхозе» [3]. Новый курс партийного руководства на подъем села дал П.М. Егидесу надежду и уверенность, что это в принципе вполне возможно. Чтобы воплотить в жизнь изначальную идею колхоза как кооператива, по мнению П.М.Егидеса, нужно найти решение не в «способах производства» и не в технологической «рутине», а прежде всего в моральной ипостаси.

П.М. Егидес писал о том, что нужна логико-этическая переориентация общества с нынешней прагматически-потребительски-производственной ориентации на морально-нравственную. Его занимала идея создания производственно-воспитательного комбината, идея сближения колхоза и школы, так как колхозу нужны не роботы, а личности. Но такие оригинальные подходы показались странными и опасными партийному руководству области. После схватки на пленуме обкома с первым секретарем областного комитета КПСС Бутузовым П.М. Егидесу пришлось уйти с должности по собственному желанию и уехать в другие края. Причем этот эпизод не был исключением. П.М. Егидес приводил факты о подобном отношении секретарей Щетинина, Соломенцева и др. Он вспоминал позитивно только одного секретаря обкома – Ф.Д. Кулакова.

На основе управленческой практики он сделал вывод о реальной возможности строительства социализма снизу на основе самоуправления. П.М. Егидес считал, что самоуправляющееся общество, т. е. ассоциации самоуправляющихся индивидов, будут возникать *оазисно*, в разных странах, на разных континентах и станут, накапливая позитивный опыт, испробуя разнообразные формы организации свободного труда и справедливого распределения прибыли, создавать оазисы подлинного, а не мнимого социализма. П.М. Егидес позднее сформулировал закон «оазисного развития социализма», устраняя необходимость насилия для его возникновения и развития.

После конфликта с партийным руководством Пензы в 1959 г. П.М. Егидес добровольно-вынужденно вернулся к научной работе в сфере философии. Это не была просто смена рода деятельности, ибо П.М. Егидес решил, отталкиваясь от практики, разработать методологические основы подлинно социалистического самоуправления. Он стал печататься в центральных журналах, преподавать на кафедре философии Брянского сельскохозяйственного института. В 1965 г. защитил диссертацию кандидата философских наук на тему: «Проблема смысла жизни и её решение в марксистской этике». П.М. Егидес стремился доказать, что основной вопрос ее как философской науки – это вопрос о смысле жизни, считая его третьей стороной основного вопроса философии, поскольку он раскрывает отношение нравственного сознания к самому отношению между человеком и окружающим миром. Согласно теории П.М.Егидеса, смысл жизни имеет, с одной стороны, космическое, с другой – вполне практическое социальное значение.

В 1966 г. П.М. Егидес поработал в Иркутском университете, но уже в следующем году переехал в Ростов-на-Дону. В 1967 г. он работал в Ростовском педагогическом институте, а в 1968–1970 гг. преподавал в Ростовском государственном университете на кафедре марксистско-ленинской философии экономико-философского факультета. В это время РГУ возглавлял выдающийся организатор науки Юрий Андреевич Жданов, который пытался сосредоточить во вверенном ему университете лучшие творческие кадры [4]. В РГУ П.М. Егидес работал над инновационной монографией «Личность как категория общей социологии», которую хотел представить в качестве докторской диссертации. Но академическая карьера не стала смыслом его жизни. Изменившаяся политическая обстановка в стране и развитие диссидентского движения внесли значительные поправки в жизнь философа.

С 1967 г. П.М. Егидес стал открыто участвовать в диссидентском, фактически оппозиционном движении, в частности он пишет и непосредственно подписывает письма в ЦК КПСС, в которых осуждает вторжение советских войск в Чехословакию. Он направляет в Политбюро ЦК КПСС письмо с требованиями и предложениями освободить Синявского и Даниэля, провести выборы с альтернативными кандидатами, преобразовать газету «Правда» из органа ЦК КПСС в газету всей

партии, реорганизовать колхозы в действительно коллективные хозяйства крестьян, реорганизовать КГБ. Почувствовав угрозу ареста, он в 1969 г. срочно уволился из РГУ и переехал в Москву, но все-таки там был арестован по постановлению прокуратуры и отправлен в Ростов с предъявлением обвинения: «клевета на советский государственный строй» по ст.190-1 УК РСФСР. 7–8 декабря в Ростовском областном суде в закрытом заседании слушалось его дело.

Милиция изъяла чемодан с рукописями Егидеса, среди которых были проекты устава КПСС и Конституции. Эти проекты содержали предложения по демократизации партии и политической системы, что радикально расходилось с курсом Брежнева на консервацию советского общества и латентную реабилитацию Сталина. Проекты посягали на самое «святое» для КПСС – диктатуру партии, что вызвало не только содержательное, но и нравственное отторжение проектов. Эксперт института им. Сербского показал, что Егидес является психопатической личностью с черепно-мозговой травмой и атеросклерозом, что правонарушение было совершено Егидесом в «состоянии паранойяльной реакции с охваченностью бредовыми идеями величия и реформаторства». В настоящий момент, заключила судебная экспертиза, выход из реакции неполный, в связи с чем Егидес нуждается в принудительном лечении в психиатрической больнице общего типа. К сожалению, не лучшим образом на суде повели себя некоторые представители философского факультета РГУ. Судом было признано, что рукописи «К основным направлениям социализма» и «Единственный выход» содержат клеветнические измышления. П.М. Егидес был помещен в больницу им. Кащенко в отделение для беспокойных. До 1972 г. он находился в психбольнице им. Кащенко «Белые столбы» в Подмосковье. Трехгодичное пребывание в системе карательной психиатрии П.М. Егидес подробно описал в одной из своих публикаций [5].

В своих рукописях П.М. Егидес научно доказывал, что в СССР социализм так и не был построен, так как социализм и демократия в их подлинности невозможны друг без друга. По мнению П.М.Егидеса, идея социализма соответствовала естеству человека и его стремлению к свободе, а политическая система в СССР противоречила ей. Оценки реального социализма кардинально противоречили доктрине советского марксизма, но в то же время были очевидны общий социалистический характер теорий, отсутствие реальных связей автора с заграницей и, наконец, альтруистические личные намерения.

П.М. Егидес был освобожден в 1972 г. и потом долго был безработным, пока не устроился в ИПК бытового обслуживания, где преподавал теорию дизайна. Но он стал сотрудничать с журналом «XX век» Г. Павловского (1975–1976 гг.), подписал документ Московской Хельсинской группы «Десять лет спустя», посвященный годовщине вторжения в ЧССР, и т.п. Но самое главное – он стал одним из основателей социалистического журнала «Поиски» наряду с Р. Лерт и Г. Павловским. Авторами журнала были В.Ф. Абрамкин, В.Л. Гершуни, Ю.Л. Гримм, В.В. Сокирко, М.Я. Гефтер, П.А. Подрабинек и др. Журнал выходил открыто, с указанием подлинных фамилий издателей. Это была уникальная легальная попытка вступить в открытый и честный теоретический диалог с властями по поводу сущности советского строя. Идеологи КПСС считали П.М. Егидеса и его товарищей врагами социализма, западные идеологи – «красными» пропагандистами советского социализма. И те и другие сильно ошибались – П.М. Егидес и его журнал стояли на позициях демократического социализма. Свои статьи П.М. Егидес подписывал различными псевдонимами, в том числе именем Абовин, с этого времени и пошла в свет его итоговая двойная фамилия Абовин-Егидес. Журнал «Поиски» выходил в Москве с мая 1979 г. до конца 1980 г., всего было распространено восемь номеров с ничтожным тиражом в 20–30 экземпляров. Именно тогда была впервые опубликована знаменитая программная статья П.М. Егидеса «Принципы социализма». Однако политически-практическая эффективность журнала в силу мизерной тиражности была почти нулевая. Тем не менее за саму организацию оппозиционного социалистического журнала П.М. Абовин-Егидес был уволен из института и, более того, ему было запрещено преподавать философию фактически вообще. Философ-историк-социалист стал подвергаться новым административным преследованиям, в том числе задержаниям, обыскам, допросам, увольнениям с работы. В 1980 г. КГБ буквально принудил его эмигрировать.

Во Франции П.М. Абовин-Егидес продолжал свои социально-философские социалистические изыскания. Он стал членом Социалистической партии Франции и выпустил типографским способом старые и новые номера журнала «Поиски». У него были сложные взаимоотношения с эмигрантами,

не принимавшими его социалистические взгляды, лидерами компартии Франции, не говоря уже об идеологах СССР [6]. При этом он был президентом Объединенного комитета спасения Сахарова, которого очень уважал и написал о нем первую научную монографию.

После восстановления советского гражданства в 1990 г. П.М. Абовин-Егидес часто приезжал в Россию, выступал с лекциями, в которых пропагандировал социалистические идеалы самоуправления, чем вызвал сильное раздражение либералов всех мастей. В 1991 г. издательство «Молодая гвардия» выпустило книгу П.М. Абовина-Егидеса «Сквозь ад. В поисках третьего пути». Это была своеобразная научно-публицистическая монография с некоторыми элементами воспоминаний. В ней автор не только убедительно изложил свою концепцию самоуправленческого социализма, но сделал широкий обзор дискуссий в советском обществе периода перестройки. При этом он дал отпор некоторым ультра-либералам, которые посмели обвинить его в оправдании советского тоталитаризма. Категорически отрицая советский строй как тоталитарный этатизм, П.М. Егидес одновременно отказался превозносить новый авторитарный режим Б.Н. Ельцина.

В середине сентября 1992 г. представители КПСС вывели его на трибуну Конституционного суда. Не стесняясь в выражениях, бывший диссидент припомнил новой власти все ее преступления от намеренного насаждения нищеты и безработицы до морального разложения российского народа, выразившегося в открытии «некоторых заведений, где человек за определенную сумму денег может купить себе девицу, точнее, ее гениталии...».

Подготовленную для Конституционного суда речь П.М. Абовина-Егидеса напечатала только коммунистическая газета «Советская Россия» в статье «Я обвиняю!». Но не следует представлять П.М. Абовина-Егидеса даже косвенным сторонником традиционной компартии. Ее курс на реабилитацию Сталина он категорично не принимал и всегда разоблачал. Он писал, что сталинизм, сталинщина, – не случайный эпизод русской истории, а этап, имеющий некоторые объективные основания. П.М. Абовин-Егидес писал: «Безусловно, история России наложила отпечаток на послеоктябрьский режим СССР, но не она виновата, что социализм здесь не удался, а прежде всего – лидеры, которые предали идею подлинного социализма и постепенно подменили его имперством на основе тоталитаризма, причем подменили незаметно для народа». При этом П.М. Абовин-Егидес жестко критиковал «гайдаровские» реформы, особенно гневно обрушился на Б.Н. Ельцина за преступный «расстрел парламента».

Он организовал вместе с президентом концерна МНТК «Микрохирургия глаза» Св. Федоровым «Партию самоуправления трудящихся», которая своей целью поставила построение самоуправленческого социализма, превращение всех трудящихся из наемного персонала частных или государственных предприятий в свободных совладельцев средств производства. В книге «Самый нормальный человек в России. К практицизму Святослава Федорова от критицизма Александра Солженицына» он обосновал идеологическую программу партии и лидерство Св. Федорова, который создал «оазис социализма» на основе своей знаменитой клиники.

П.М. Абовин-Егидес не допускал отождествления социализма и сталинизма. По мнению М.И. Воейкова, П.М. Абовин-Егидес был вообще, если не единственным, то очень из немногих, которые в советское время пришли к выводу о необходимости разделения социализма и сталинизма и тем самым «спас теорию социализма, которую он ставил очень высоко» [7]. Он считал, что путь после Октября был трагичен, так как утвердилась система партэлитаризма, но Октябрь не был ошибкой. «Будет ли 100-летие Октября? Я убежден, что вопреки воле врагов Октября, его столетие будет (хотя меня, конечно, при этом не будет), если народ уйдет от обеих концепций перестройки, как консерваторов, которые хотели бы просто обновить, подкрасить старый строй государственной собственности, так и буржуазных демократов, которые хотят ввести строй частно-корпоративной собственности, и выберет третью концепцию – концепцию народного самоуправления» [8]. Но надежда не сбылась.

П.М. Абовин-Егидес считал себя критическим марксистом и говорил, что ему претят всякие именные названия: марксизм, ленинизм, сталинизм и т.д. П.М. Абовин-Егидес был, подобно великому В.И. Ленину, теоретиком, опирающимся на практику российского общества и свою личную социальную практику. Его социалистически-самоуправленческая деятельность включала в себя, помимо создания уникальной теоретической концепции, военный и лагерный опыт, руководство колхозом, преподавание в вузе, организацию журнала «Поиски», организацию партии самоуправле-

ния трудящихся. Он сам был самоуправляющейся личностью в высшей степени. Все это придает особую значимость его теоретическим выводам, делает их верифицированными и доказательными и заслуживает рассмотрения в совокупности как весомый вклад в мировую теорию и практику социализма. *Считаю, что имя П.М. Абовина-Егидеса должно быть увековечено в Южном федеральном университете, являющемся преемником Ростовского университета*.

Литература

1. *Апресян З.* Хроника одной судьбы. Послесловие // Абовин-Егидес П.М. Сквозь ад. В поисках третьего пути. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 27.

2. *Фадеев Ю.* Четыре мобилизации Петра Егидеса. URL: http:parkbelinskogo.ru (дата обращения: 12.05.2018).

3. *Абовин-Егидес П*. Философ в колхозе. М., 1998. С. 45–46.

4. *Кислицын С.А.* Юрий Жданов: рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым… М., 2013.

5. *Абовин-Егидес П. М*. Паралогизмы полицейской психиатрии и их соотношение с медицинской этикой // Поиски. 1982. № 4. С. 221–248.

6. ...И моя вина. Меморандум всем, кто заинтересован в демократическом движении в СССР. Париж, 1987.

7. *Воейков М.* П.М. Абовин-Егидес: Проблема свободного научного творчества. (К 25-летию высылки из СССР) // Альтернативы. 2005. № 4.

8. *Абовин-Егидес П.М*. Сквозь ад. В поисках третьего пути. М. : Молодая гвардия, 1991. С. 242.

References

1. Apresyan Z. Khronika odnoi sud'by. Posleslovie [Chronicle of One Fate. Afterword]. Abovin-Egides P.M. *Skvoz' ad. V poiskakh tret'ego puti* [Through Hell. In Search of the Third Way]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991, p. 27.

2. Fadeev Yu. *Chetyre mobilizatsii Petra Egidesa* [Four Mobilizations of Peter Egides]. Available at: http:parkbelinskogo.ru (accessed 12.05.2018).

3. Abovin-Egides P. *Filosof v kolkhoze* [Philosopher in the Collective Farm]. Moscow, 1998, pp. 45-46.

4. Kislitsyn S.A. Yurii *Zhdanov: ryadom so Stalinym, Sholokhovym, Il'enkovym…* [Yury Zhdanov: Close to Stalin, Sholokhov, Ilyenkov…]. Moscow, 2013.

5. Abovin-Egides P.M. Paralogizmy politseiskoi psikhiatrii i ikh sootnoshenie s meditsinskoi etikoi [Paralogisms of Police Psychiatry and Their Correlation with Medical Ethics]. *Poiski*. 1982, No. 4, pp. 221-248.

6. ...*I moya vina. Memorandum vsem, kto zainteresovan v demokraticheskom dvizhenii v SSSR* [...And My Fault. Memorandum to all Who are Interested in the Democratic Movement in the USSR]. Paris, 1987.

7. Voeikov M. P.M. Abovin-Egides: Problema svobodnogo nauchnogo tvorchestva. (K 25-letiyu vysylki iz SSSR) [P.M. Abovin-Egides: The Problem of Free Scientific Creativity (To the 25th Anniversary of Expulsion from the USSR)]. *Al'ternativy*. 2005, No. 4.

8. Abovin-Egides P.M. *Skvoz' ad. V poiskakh tret'ego puti* [Through Hell. In Search of the Third Way]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1991, p. 242.

С.А. Кислицын,
доктор исторических наук, профессор Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

BOOKS REVIEW

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-120-124

Ставропольский край в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. / под ред. С.И. Линца (отв. ред.), А.А. Аникеева, Г.И. Кольга. Ставрополь; Пятигорск : Изд-во Пятигорского гос. ун-та, 2018. 498 с.

Stavropol Region During the Great Patriotic War 1941-1945. Ed. S.I. Linz, A.A. Anikeev, G.I. Kolga. Stavropol; Pyatigorsk: Izd-vo Pyatigorskogo gos. un-ta, 2018, 498 p.

В коллективной монографии авторы дали комплексный анализ и объективное всестороннее освещение жизни населения Ставрополья в годы Великой Отечественной войны.

Это первая работа в региональной историографии, в которой в обобщённом виде на основе многочисленных и разнообразных источников исследована данная тема.

В 1-й главе *«Боевые действия на территории Ставропольского края во время Великой Отечественной войны* (*август 1942 – январь 1943 гг.)»* авторы освещают ту роль, которую должен был сыграть Кавказ в стратегических планах захватчиков, оценивают подготовку Ставрополья к отпору врага, анализируют ход боевых действий на территории края в оборонительный период (август – декабрь 1942 г.) и войсковые операции во время битвы за Кавказ (январь 1943 г.).

Важное место Кавказа в захватнических планах Гитлера определялось экономическим, политическим и военно-стратегическим значением региона. Руководители фашистской Германии надеялись, что потеря кавказской нефти ещё более ослабит Советский Союз, поставит на край гибели советское государство и обеспечит Германии возможность успешно продолжать войну, а выход немецких войск в Закавказье нарушит связь СССР с внешним миром.

Авторы монографии показали несколько направлений работы местных органов власти: разъяснение трудящимся целей начавшейся войны, мобилизация трудящихся для борьбы с врагом, формирование новых боевых частей и подразделений, материально-техническое снабжение новых частей, обучение призванных в армию бойцов и командиров, привлечение предприятий гражданской промышленности к изготовлению военной продукции.

Несомненный интерес представляет трактовка авторами стратегии боевых действий советских войск на территории края в оборонительный период битвы за Кавказ (август – декабрь 1942 г.), которая может характеризоваться как *запланированный отход*. Об этом свидетельствует то, что с конца июля по середину сентября 1942 г. Ставка не предпринимала серьёзных шагов для усиления отступавшего Северо-Кавказского фронта. Так, ни одно из 40 крупных танковых объединений, сформированных за годы войны, не поступило на усиление советских войск, участвовавших в битве за Кавказ. В стратегическом плане ВГК процесс отступления на восток и юг был начат быстро с целью сохранить главные силы советских войск для упорного противодействия в более отдалённых районах Поволжья и Северного Кавказа.

Авторский анализ наступательных операций советских войск на юге страны показывает, что наряду с очевидными успехами по освобождению Северного Кавказа и Ставрополья в частности имели место недооценка противника, потеря связи и управления, перебои в боевом, техническом и тыловом обеспечении. Это не позволило успешно провести операцию «Сталинград-2» с целью уничтожения крупных немецких частей на южном участке советско-германского фронта.

Авторы отмечают, что города, сёла и станицы Ставрополья дали фронту более 320 тыс. бойцов и командиров. Более 214 тыс. воинов-ставропольцев за ратные подвиги были награждены боевыми орденами и медалями, 207 удостоены высокого звания Героя Советского Союза, а 46 стали кавалерами трёх орденов

Славы. Как показывает скорбный мартиролог, 186 тыс. ставропольцев погибло на фронте и почти 90 тыс. пропало без вести [1].

Во второй главе *«Оккупационная политика немецких захватчиков на Ставрополье»* авторы подвергли анализу деятельность немецких оккупационных органов управления в крае, так называемые нацистские преобразования в сельском хозяйстве и промышленности Ставрополья, отношение немцев к местным культурным и историческим ценностям.

Основой политики гитлеровских властей на оккупированной территории Ставропольского края стал расовый геноцид. Массовые расстрелы проводились в городах и сёлах края с первых дней оккупации. В Ставрополе от рук фашистских палачей погибли 8 тыс. чел., в Минеральных Водах – 10 тыс., в Пятигорске – 3 тыс., в Кисловодске – 3 тыс. Всего в Ставропольском крае во время немецкой оккупации погибли 31 645 мирных жителей.

На основе архивных данных авторы установили: гитлеровские оккупационные власти отправили на каторжный труд в Германию более 122 тыс. представителей Северного Кавказа, в том числе из Ставропольского края – 990 чел.

Колхозные хозяйства были разграблены и в Германию вывезено 509 592 т зерна и 100 144 т овощей и картофеля без учёта тех продуктов, которые фашисты захватили на заготовительных пунктах [2].

Особое внимание в монографии уделяется так называемым нацистским преобразованиям в сельском хозяйстве и промышленности края. В соответствии с законом оккупационных властей «О новом аграрном порядке» от 15 февраля 1942 г. все колхозы должны были быть преобразованы в общинные хозяйства, а совхозы объявлялись государственными имениями. Широко пропагандировались различные экономические стимулы. В то же время частыми становились штрафы и телесные наказания. К примеру, за нежелание работать немецкое командование официально узаконило от 25 до 30 ударов розгами для провинившихся колхозников. Кроме того, оккупанты ввели и денежные штрафы – от 300 до 800 руб. При вторичном невыходе на полевые работы устраивали публичную порку, а за игнорирование приказа в третий раз следовал расстрел.

В промышленности все государственные предприятия переводились на хозяйственный расчёт, был определён порядок приёма на работу, установлена дифференцированная заработная плата с учётом квалификации и реального вклада каждого работника. При этом оккупантами использовались разные формы стимулирования труда как поощрения, так и принуждения. Все кустари, ремесленники, частные предприниматели должны были брать патент в районной или городской управе и платить налог. Те, кто уклонялся от уплаты налогов, подвергались штрафам [3].

Как известно, задержаться надолго на Северном Кавказе немецким захватчикам не удалось. Отступая, они уничтожали всё, что имело стратегического значение. На Ставрополье были выведены из строя 13 шахт местной угольной промышленности, заводы, колхозный инвентарь. В колхозах и совхозах края оккупанты разрушили 2 711 зернохранилищ и овощехранилищ, 9071 животноводческую ферму, вывели из строя 4 508 тракторов, 1 561 комбайн, 1 147 автомашин, 3 075 сеялок, 2 028 зерноочистительных машин и т.д. Немцы взорвали и разграбили большинство санаториев, курортов Кавминвод. Всё ценное имущество и оборудование здравниц увезено в Германию, а оставшееся сожжено.

Война привела к серьёзным людским потерям в крае. Авторы подчёркивают, что к марту 1943 г. численность проживающих на Ставрополье сократилась почти на 300 тыс. чел. Демографическая ситуация в крае выправилась лишь к 1960-м гг. А в целом в период немецко-фашистской оккупации враг нанёс ущерб народному хозяйству края на 14,6 млрд руб. (в ценах 1944 г.).

Авторами установлено, что по отношению к оккупационной власти основная масса населения Ставрополья занимала выжидательную позицию. При этом жители городов и сёл руководствовались единственным желанием – выжить. Под давлением оккупантов, которое часто сопровождалось угрозой расстрела, часть населения края вынуждена была работать на немецкую власть. Такого рода сотрудничество можно назвать *коллаборационизмом по принуждению.*

Партизанское движение на Ставрополье, по мнению авторов монографии, не получило широкого развития. Вместе с тем отмечено, что в период оккупации на территории Ставропольского края действовало 47 партизанских отрядов (свыше 2 тыс. чел). Наиболее крупными среди них были: «Максим» (Благодарненский район, «Сергей» (Апанасенковский район), «Пётр» (Ипатовский район), «Семён» (Прикумский район), «Александр» (Левокумский район) и др. Для руководства партизанским движением был создан краевой штаб во главе с М.А. Сусловым.

Зачастую в тесном контакте с партизанами действовали подпольщики. Они проводили совместные боевые операции в тылу врага и наносили ему определённый ущерб. Авторы отмечают разные формы борьбы с оккупантами: изготовление и распространение листовок, нарушение линий связи оккупантов, повреждение телефонных проводов и кабелей, кражу оружия и боеприпасов.

В 3-й и 4-й главах, посвящённых *состоянию сельского хозяйства и промышленности до и после освобождения края от немецких оккупантов,* авторы установили, что в годы Великой Отечественной войны Ставропольский край был важным источником снабжения продовольствием, обмундированием и вооружением. Все заводы и фабрики были переведены на выпуск оборонной продукции, колхозы, совхозы и предприятия пищевой промышленности давали фронту хлеб, мясо, жиры, крупу, картофель и овощи. Швейные и обувные предприятия изготовляли для фронта бельё, шинели, телогрейки, валенки, полушубки. За период войны, не считая 6 месяцев временной оккупации, колхозы и совхозы Ставропольского края продали Родине около 7 500 тыс. т хлеба и примерно 100–120 тыс. т мяса скота и птицы, 130 тыс. т молока, 250 млн шт. яиц, 20 тыс. т шерсти и много другой продукции.

Жители городов и сёл собирали для воинов тёплые вещи – варежки, носки, полушубки, фуфайки и продукты. Также только за первые полтора года войны население края отправило на фронт 215 вагонов подарков. Ставропольцы из личных сбережений внесли в фонд обороны и приобрели облигации военного займа на 513,7 млн руб. На эти средства были построены танковые колонны «Ставропольский колхозник», бронепоезд «Комсомолец Ставрополья», звено боевых самолётов «Пионер Ставрополья» и др.

В 5-й главе авторы анализируют состояние *образования на Ставрополье в военное время.* В работе приведены конкретные цифры количества образовательных учреждений, численности воспитанников, учащихся и студентов образовательных заведений края накануне войны, а также показана динамика изменений состояния образования на Ставрополье в результате немецкой оккупации и к моменту окончания войны.

Используя огромное количество разнообразного материала, авторы делают выводы: работа образовательных учреждений в период Великой Отечественной войны чрезвычайно усложнилась. Это было связано с тем, что часть детских садов, школ, институтов были разрушены немецкими оккупантами; многие учителя, преподаватели вузов работники НИИ были призваны в ряды вооружённых сил, эвакуированы или убиты оккупантами; по тем же причинам снизился контингент учащихся и студентов. Вместе с тем, несмотря на тяжёлые последствия немецкой оккупации, к концу войны основные позиции в системе образования Ставрополья были восстановлены.

Авторы показывают деятельность научно-исследовательских организаций в период Великой Отечественной войны. Наиболее крупным являлся Всесоюзный научно-исследовательский институт овцеводства и козоводства (ВНИОК). Институт вёл разработку по созданию новых пород тонкорунных и полутонкорунных овец и коз.

В работе поднимается малоизвестная тема попыток выращивания хлопчатника в крае накануне и в годы войны. Этим занимался Ставропольский научно-исследовательский институт сельского хозяйства (СНИСХ) и две его опытные станции. Селекционеры А.Г. Светашов и Я.Е. Пензин за новый сорт хлопчатника были удостоены Сталинской премии.

Другим крупнейшим направлением в годы Великой Отечественной войны стало изучение научных проблем здравоохранения на Ставрополье. В предвоенные годы в Кавказских Минеральных Водах создается Государственный бальнеологический институт. Благодаря его деятельности разрабатывается новая отрасль медицинской науки – курортология (бальнеология). В годы Великой Отечественной войны в Кавминводах на базе 110 санаториев было развёрнуто 27 тыс. госпитальных коек. Благодаря умелому лечению, только с марта 1943 г. по май 1945 г. в воинские части из госпиталей края вернулись 123,4 тыс. бойцов и офицеров. Это 82 % к общему числу лечившихся.

Авторы подчёркивают, что несмотря на большие потери во время немецкой оккупации, учреждения образования и науки после освобождения края нашли финансовые средства, необходимые кадры, строительные материалы, учебную литературу, наглядные пособия и прочее, чтобы быстро наладить учебный и научно-исследовательский процесс в школах, вузах, НИИ.

В 6-й главе *«Деятельность культурных учреждений края в военное время»* авторы выделяют два этапа: учреждения культуры Ставрополья в условиях немецкой оккупации и возрождение культуры после освобождения края от немецких захватчиков. Оккупационные власти вели активную пропаганду нацистской идеологии и образа жизни среди местного населения, а также грабёж культурных ценностей, старались внушить населению, что Гитлер и его армия пришли «освободить» народы Кавказа от большевизма. В этих

целях они широко использовали сеть культурных учреждений, репертуары кинотеатров, театров и эстрады тщательно проверялись сотрудниками отдела пропаганды. Прежде всего рекомендовались к исполнению немецкие романсы, стихи, рассказы. В то же время преследовалось исполнение песен советских композиторов, в первую очередь еврейских. На территории края фашистами было организовано издание нескольких газет: «Утро Кавказа» (Ставрополь), «Пятигорское эхо», «Прикумский вестник», «Свободный Карачай». Это были печатные органы с ярко выраженной антисоветской и антисемитской направленностью.

На временно захваченной советской территории немецкие оккупанты откровенно грабили наши музеи и библиотеки, церкви и монастыри, костёлы, синагоги и мечети. В Германию вывозились церковные книги, картины, гравюры, иконы, бронзовые статуи и мраморные надгробья. В Ставрополе оккупанты взорвали здания Зимнего и Летнего театров, в Пятигорске – Бальнеологический институт, сожгли городской архив, архив Кавминвод, в котором находились уникальные документы с 1818 г. и библиотека Института курортологии на 105 тыс. томов (из них 40 тыс. книг по кавказоведению).

Существенную роль в годы войны в деле сохранения исторического и культурного наследия играл Ставропольский историко-культурный и природно-ландшафтный музей-заповедник им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве. И хотя его экспозиции и фонды также были разграблены оккупантами, многое удалось сохранить благодаря мужеству руководства и сотрудников музея.

После освобождения сеть учреждений культуры Ставрополья была в целом восстановлена. В крае функционировало 43 Дома культуры, 351 изба-читальня, 380 колхозных клубов, 198 библиотек, 313 «красных уголков», четыре музея. По некоторым показателям был достигнут довоенный уровень, а в области театрального обслуживания населения он был даже в несколько раз увеличен.

В 7-й главе авторы проанализировали *государственную социальную политику в годы Великой Отечественной войны* и пришли к выводу, что местными органами власти на Ставрополье был успешно решён широкий круг социально-экономических проблем: обеспечение населения топливом и продуктами питания, выплата пенсий и пособий семьям погибших воинов, оказание медицинской помощи больным детям, городским и сельским жителям и т.д. Это позволило выжить в экстремальных условиях военного времени инвалидам, детям-сиротам, раненым фронтовикам.

В годы Великой Отечественной войны значительные изменения претерпела *повседневная жизнь населения Ставропольского края*. Об этом речь идёт в 8-й главе монографии, в которой авторы подчёркивают, что мобилизация на фронт мужчин, привлечение женщин на строительство оборонительных сооружений повлекли за собой горечь разлук и тяжёлых утрат, напряжённый труд в тылу, обездоленность детей. Трудностей было немало, но жители края учились самоотверженно их преодолевать: получать «похоронки» и работать после этого с утроенной энергией на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах.

Важным событием на Ставрополье в годы войны, как и по всей стране, стало возрождение религиозной жизни. В городах и сельских населённых пунктах Ставрополья в соборах и церквях начались службы за победу Красной Армии, священники крестили детей, отпевали погибших и умерших военнослужащих и мирных граждан.

В 9-й главе *«Народная память о войне в памятниках, музеях и современных традициях»* авторы обращаются к теме патриотического воспитания молодёжи на примерах подвигов своих соотечественников в Великой Отечественной войне. Поднимаются такие важные темы, как память о Великой Отечественной войне как национальная традиция, Великая Отечественная война в мемориалах и памятниках Ставропольского края, реликвии о народном подвиге в музейных экспозициях и выставках, память о Великой Победе в современных традициях патриотического воспитания на примере акции «Бессмертный полк».

В качестве недостатков отметим, что в работе не показано отличие немецкой оккупационной политики в национальных регионах края, в частности Карачаевской и Черкесской областях. Изданию не помешали бы фотоматериалы и иллюстрации по теме исследования.

История Ставрополья в годы Великой Отечественной войны ещё в полной мере не изучена: необходимо продолжать вести поиски без вести пропавших, неизвестных захоронений и др. Также требуется продолжить работу по увековечиванию памяти советских воинов, погибших защищая Родину.

Литература

1. Книга памяти. Ставропольский край. Т. 1–21. Ставрополь, 1995–2013. Т.1. С. 8.
2. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р. - 1368. Оп. 1. Д. 198. Л. 1.

3. ГАСК. Ф.Р. - 2591. Оп. 1. Д. 1. Л. 106–109.

References

1. *Kniga pamyati. Stavropol'skii krai* [The Book of Memory. Stavropol Region]. Vol. 1-21. Stavropol, 1995-2013, vol. 1, p. 8.

2. *Gosudarstvennyi arkhiv Stavropol'skogo kraya (GASK)* [State Archives of the Stavropol Territory (SASR)]. Fund R. 1368. In. 1. File 198. L. 1.

3. *GASK* [SASR]. Fund R. - 2591. In. 1. File 1. L. 106-109.

Е.А. Паламарчук,
доктор исторических наук, профессор,
Ростовский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-125-126

Агафонов А.И. Донская геральдика. Ростов н/Д. : Омега-Паблишер, 2016. 408 с.

Agafonov A.I. Don Heraldry. Rostov-on-Don: Omega-Pablisher, 2016, 408 p.

Монографическое исследование известного донского учёного, доктора исторических наук, профессора Южного федерального университета Анатолия Ивановича Агафонова посвящено рассмотрению важной проблемы, научная актуальность которой в силу её значимости и многоаспектности несомненна. Проблематика Донской геральдики имеет и очевидный общественный интерес. К тому же она является одной из малоизученных тем российской геральдики. К обстоятельному исследованию данной проблемы автор обращался многократно, всесторонне анализируя историю донского дворянства, награды, пожалования и знаки отличия донского казачества, ордена Российской империи, донской генералитет и офицерский корпус. Предшествовавшие статьи и монографии А.И. Агафонова сформировали целостное и весьма масштабное полотно донской геральдики, которая представляет огромное культурно-историческое и духовное наследие российской истории. Примечательно, что рецензируемая монография является результатом почти двадцатилетней напряжённой работы ученого [1, с. 334–401; 2, с. 80–108; 3, с. 7–11].

Военная, политическая и экономическая история донского казачества доминировала в российской и региональной историографии, только в последние десятилетия под влиянием процессов возрождения казачества в Российской Федерации стала исследоваться его духовная культура. Следует подчеркнуть, что геральдика, в том числе донская, это не только искусство составления гербов, но и художественно-знаковое отображение жизни государства и общества, человека, семьи (рода), населенных мест, деятельности органов власти и управления, различных учреждений и организаций, которые становились гербообладателями, носителями важной социальной и индивидуальной информации.

Автор выявил и всесторонне проанализировал масштабный корпус опубликованных и архивных источников, литературы, разноплановых материалов из российских и зарубежных музеев, многочисленные авторские реконструкции гербов, которые позволили раскрыть процесс становления донской геральдики и ее особенности, а также показать донскую символику в геральдике, вексиллогии, фалеристике, сфрагистике, генеалогии и источниковедении.

Важно отметить, что монография А.И. Агафонова имеет не только научное, но и учебное и прикладное значение. Автор посвятил большой раздел истории российской и европейской геральдики, изложил основные принципы, понятия и приемы составления и прочтения гербов, указал на взаимосвязь содержания донской геральдики с социально-политическими процессами, протекавшими в стране. К ним, по мнению ученого, относились включение региона в государственно-правовое, экономическое и культурно-историческое пространство Российской империи, превращение казачества в военно-служилое сословие и его активное участие в войнах России XVIII – начала XX в., формирование дворянства [4, с. 28–47].

Впервые в российской историографии А.И. Агафонов предложил комплексную характеристику основных направлений донской геральдики – войсковая, областная, городская, личная дворянская (генералов и офицеров Войска Донского, а также прикомандированных к Войску военных и гражданских чиновников). Автор убедительно доказал, что донская геральдика складывалась и развивалась в русле российской геральдики, но имела свои особенности. Они не затрагивали формально-изобразительные приемы, а касались прежде всего содержания гербов, его смысловой и описательной характеристики. Преобладала военная тема – казачье и наградное оружие, войсковые атаманские регалии, элементы рыцарских доспехов, наградные и трофейные знамена, вооружение, крепости и части крепостных сооружений, пожалованные за боевые заслуги кресты, медали, ордена, орденские ленты. Принадлежность к военно-служилому сословию подчеркивалась фигурами казаков на конях и без таковых [4, с. 90–237].

Важным достоинством книги является открытость А.И. Агафонова к дискуссии по ключевым вопросам становления войсковой и городской Черкасска, Новочеркасска, Азова, Ростова н/Д и Нахичевани н/Д геральдики, использования донской топонимики и гербов в военной знаменной традиции и полковой ономастики (в названиях строевых частей и соединений Российской императорской армии). Автор убедительно показал, что многие ошибки в изображениях донских гербов и интерпретации их содержания определялись общим состоянием геральдической науки в России. Большое значение имел и субъектив-

ный (личный) фактор – стремление составителей, ученых и чиновников повысить статус гербообладателей [4, с. 50–87].

Автор, аргументируя свою точку зрения, тщательно анализирует российское законодательство, опираясь на научные достижения российской дореволюционной, советской и современной геральдики. Широко используются материалы текущего делопроизводства, проводятся исторические визуализации на основе сохранившихся описаний, данных сфрагистики, архивных источников и изобразительного искусства, в частности, парадного и исторического портрета [4, с. 99, 300–301, 358 и др.].

Следует подчеркнуть, что историческая реконструкция занимает в монографии значительное место. Она позволила ученому восстановить утраченные по различным причинам донские гербы, наглядно показать их содержание и определить гербообладателей, отметить неразрывность и преемственность образного изображения родовых и личных гербов на протяжении нескольких поколений. Важным достоинством монографии являются биографии гербообладателей, которые дают представление о заслугах соискателей дворянства и гербов, их роли в военной, общественной и политической жизни Дона и страны [4].

Наряду с известными, широко использовавшимися приемами реконструкции А.И. Агафонов разработал и применил собственные оригинальные методы визуализации, что позволило показать многовекторность развития донского гербоведения в общей российской геральдической традиции. Наработки автора в этой области найдут широкое применение в практическом герботворчестве и теоретическом гербоведении.

А.И. Агафонов существенно расширил донское «геральдическое поле». Он наглядно показал использование в XIX – начале XX в. геральдической символики в наградной и знаменной традиции, должностных знаках, отметил поиск ее форм, накопление содержания, визуальное оформление и юридическое закрепление в общественно-политической практике. Названные процессы, по мнению автора, были обусловлены подъемом патриотического и исторического самосознания народов Российской империи и развитием научной геральдики. По аргументированному мнению автора, обширный местный гербовый материал дополнял российскую геральдику, раскрывал многообразие образных решений, закреплял в общественном сознании духовное единство казачества с Россией [4, с. 292–389].

Рецензируемая монография А.И. Агафонова, на наш взгляд, является важным достижением отечественной историографии. Данное масштабное исследование успешно закрыло большую лакуну в изучении российской геральдики и донской истории. Можно выразить полную уверенность в том, что исследование А.И. Агафонова будет с большим интересом встречено научной общественностью, постоянно востребовано учеными, краеведами и широким кругом читателей.

Литература

1. *Агафонов А.И.* Донские казаки. Грудь в крестах…(Из истории наград, пожалований и знаков отличия донского казачества XVI – начала XX в.). 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д. : Омега-Паблишер, 2012. 462 с.

2. *Агафонов А.И.* Донская дворянская геральдика // Казачество России: прошлое и настоящее : сб. науч. ст. Ростов н/Д. : ЮНЦ РАН, 2010. Вып. 3.

3. *Агафонов А.И.* Донская казачья тема в российской геральдике // Первая мировая война: великая и неизвестная : материалы Междунар. науч.-просвет. конф. 23–27 мая 2014 г. г. Адлер Краснодарского края. Краснодар : Традиция, 2014.

4. *Агафонов А.И.* Донская геральдика. Ростов н/Д. : Омега-Паблишер, 2016. 408 с.

References

1. Agafonov A.I. *Donskie kazaki. Grud' v krestakh…(Iz istorii nagrad, pozhalovanii i znakov otlichiya donskogo kazachestva XVI – nachala XX v.)* [The Don Cossacks. Breasts with Crosses ... (From the history of awards, awards and decorations of the Don Cossacks of the 16th - early 20th Century]. 2nd ed., corr. and ad. Rostov-on-Don: Omega-Pablisher, 2012, 462 p.

2. Agafonov A.I. [Don Noble Heraldry]. *Kazachestvo Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Cossacks of Russia: Past and Present]. Col. scien. art. Rostov-on-Don: YuNTs RAN, 2010, iss. 3.

3. Agafonov A.I. [Don Cossack Theme in the Russian Heraldry]. *Pervaya mirovaya voina: velikaya i neizvestnaya* [First World War: the Great and Unknown]. Proceedings of the Intern. Sci-Tech. Conf. May 23-27, 2014, Adler. Krasnodar: Traditsiya, 2014.

4. Agafonov A.I. *Donskaya geral'dika* [Don Heraldry]. Rostov-on-Don: Omega-Pablisher, 2016. 408 p.

В.П. Трут,
доктор исторических наук,
профессор Южного федерального университета

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-127-130

III Международная научно-практическая конференция «Революционные события в России и судьбы казачества» (Франция, Париж, 22–23 мая 2018 г.)

III International Scientific-Practical Conference “Revolutionary Events in Russia and the Fate of the Cossacks” (France, Paris, May 22-23, 2018)

По инициативе Синодального комитета по взаимодействию с казачеством Русской православной церкви Московского Патриархата, его Председателя митрополита Кирилла Ставропольского и Невинномысского III Международная научно-практическая конференция состоялась 22–23 мая 2018 г. в Российском духовном культурном центре в Париже.

Организаторами конференции выступили Российский государственный архив социально-политической истории, Корсунская епархия Русской православной церкви, Посольство Российской Федерации во Франции, Российский центр науки и культуры в Париже, Объединение памяти Лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка (Париж, Франция), Общеказачья станица имени атамана А.П. Богаевского (Париж, Франция) при поддержке Министерства иностранных дел и Министерства культуры Российской Федерации, Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации.

Международные конференции в Париже проводятся с целью укрепления связей между казачеством Российской Федерации и казаками ближнего и дальнего зарубежья, направлены на формирование и сохранение духовного и культурно-исторического наследия Русского мира и Русской православной церкви.

III Международная конференция была посвящена изучению и характеристике роли казачества в революционных событиях начала XX в. и Гражданской войны в России, трагическим страницам казачьей истории на Дону, Кубани и Тереке в 1918–1922 гг.

В ее работе приняли участие представители современных казачьих обществ России – Донского, Кубанского, Центрального казачьего и Волжского, потомки казаков русской эмиграции Западной Европы и США, духовенство, представители СМИ, государственные, политические и общественные деятели, ученые, сотрудники архивов и музеев, работники культуры Франции, Российской Федерации, Чехии, Ирландии и Германии.

Конференцию предварила Божественная Литургия в Кафедральном соборе в честь Пресвятой Троицы (Париж, Набережная Бранли, д. 1. Корсунская епархия Русской православной церкви), которую служил митрополит Кирилл Ставропольский и Невинномысский.

Его Высокопреосвященству сослужили войсковой священник ВКО «Терское казачье войско» протоиерей Павел Самойленко, войсковой священник ВКО «Кубанское казачье войско» протоиерей Иоанн Гармаш, войсковой священник ВКО «Всевеликое войско Донское» протоиерей Сергий Маштанов, войсковой священник ВКО «Сибирское казачье войско» протоиерей Игорь Скобеев, войсковой священник ВКО «Центральное казачье войско» иерей Марк Кравченко, секретарь Ставропольской епархии протоиерей Александр Гомзяк, ответственный секретарь Синодального комитета по взаимодействию с казачеством иерей Тимофей Чайкин, руководитель отдела по взаимодействию с казачьими обществами и общественными объединениями казачества Комитета М.В. Павленко, клир Корсунской епархии Русской православной церкви.

По окончании Литургии Его Высокопреосвященство обратился к собравшимся с архиерейским словом, поздравил верующих с днем памяти святителя Николая. Владыка подчеркнул, что III Международная научно-практическая конференция раскроет не только трагические страницы российской и казачьей истории, но и станет важным шагом на пути примирения народов России после братоубийственной

Гражданской войны в начале XX в., защиты духовно-нравственных ценностей русского народа и его истории от политических спекулянтов и верхоглядов.

Работу конференции приветствовали Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации во Франции и княжестве Монако А.Ю. Мешков (приветствие зачитал советник-посланник посольства РФ во Франции А.И. Студенников); председатель Совета при Президенте Российской Федерации по делам казачества, Полномочный представитель Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе А.Д. Беглов (с приветствием познакомила советник Полномочного представителя Президента Российской Федерации в СЗФО М.Н. Белогубова); епископ Корсунский Нестор, управляющий приходами, монастырями и общинами Русской православной церкви Московского патриархата во Франции, Испании, Португалии и Швейцарии; Постоянный (пожизненный) секретарь Французской Академии госпожа Элен Каррер д' Анкосс; первый заместитель войскового атамана Всевеликого войска Донского (ВВД) М.А. Беспалов.

23 мая в Париже у памятника солдатам и офицерам Русского экспедиционного корпуса прошла церемония возложения венков и цветов. Затем в Российском духовно-культурном православном центре состоялось открытие историко-мемориальной выставки «Революционные события в России и судьбы казачества», подготовленной по инициативе Синодального комитета по взаимодействию с казачеством.

Его Высокопреосвященство митрополит Кирилл Ставропольский и Невинномысский отметил, что оригинальные и копии подлинных документов выставки раскрывают трагедию российского казачества, показывают, что противостояние советского государства и казачества привело к исходу из страны миллионов россиян, сегодня необходимо воссоединение потомков казаков не только в географическом, но и в историческом пространстве.

В пресс-подходах для российской и французской прессы митрополит Кирилл Ставропольский и Невинномысский, директор Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) А.К. Сорокин, директор Государственного исторического музея (ГИМ) А.К. Левыкин, первый заместитель (товарищ) атамана Всевеликого войска Донского М.А. Беспалов отметили важное значение выставки, отдельных ее документов, подчеркнули наиболее сложные и спорные аспекты казачьей истории, необходимость проведения международных мероприятий в Париже, направленных на укрепление отношений между российским и зарубежным казачеством, культурных связей между Россией и Францией.

Экскурсию по историко-мемориальной выставке провел к.и.н., ведущий научный сотрудник Российского государственного архива социально-политической истории Д.И. Рублев. Он обратил внимание присутствовавших на то, что основной блок документов, размещенных на 30 планшетах, относится к участию казачества в событиях от февраля 1917 г. до конца 1922 г. в России и эмиграции, в частности, в Февральской и Октябрьской революциях, возрождении выборности войсковых атаманов и установлении автономии казачьих войск, восстановлении института Патриаршества, организации и деятельности Всероссийского казачьего съезда, Корниловском мятеже и политическом противостоянии в Петрограде в июле – сентября 1917 г., Гражданской войне.

Впервые на выставке демонстрировались документы, характеризующие политику РКП(б) в отношении казачества, отзывы её местных руководителей о проводимом политическом курсе, направленном на раскол и геноцид казачества. Документы подписали В.И. Ленин, И.В. Сталин, Я.М. Свердлов и другие руководители РСФСР. Значительный комплекс документов посвящен Ф.К. Миронову – одному из наиболее популярных казачьих красных командиров, который открыто выступил против политики «расказачивания».

Многочисленные документы, фотографии и плакаты выставки характеризуют роль казачества в антибольшевистской борьбе. Она раскрывается в пропагандистских плакатах, листовках, материалах прессы, делопроизводственных и нормативно-законодательных материалах из штабов и архивов А.П. Богаевского, П.Н. Врангеля, А.И. Деникина, П.И. Иванова-Ринова, А.В. Колчака и др. Значительное число документов показывают «белое» и «красное» государственное строительство на казачьих землях в 1918–1920 гг.

Посетители выставки ознакомились со стендами, посвященными великому исходу участников антибольшевистской борьбы из России, формированию российской эмиграции. Это документы связаны с эвакуацией из Новороссийска и Крыма, созданием казачьих организаций Русского зарубежья и выработкой их политической позиции.

Выставка открыта в Париже в Российском духовном культурном центре (Париж. Набережная Бранли, д. 1) для посетителей в течение июня 2018 г., далее она будет представлена в других городах Франции.

Пленарное заседание конференции открыл Председатель Синодального комитета по взаимодействию с казачеством Русской православной церкви Московского патриархата митрополит Кирилл Ставропольский и Невинномысский. Его Высокопреосвященство, опираясь на документы, в частности, воспоминания А.И. Деникина, отметил, что трагедия казачества началась задолго до большевистской Директивы от 24 января 1919 г. Морально-психологическое разложение и отказ от духовности, грабежи и насилия по

отношению к крестьянам и своим братьям-казакам, нежелание и неспособность защищать свои земли от большевиков являлись продолжением идеологии и атмосферы Мировой войны, политического хаоса и экономической нестабильности 1917 г.

Политика Советской власти в годы Гражданской войны и в последующие десятилетия практически уничтожила казачество. «Да, жертвенная любовь святых Новомучеников и исповедников Церкви Русской, вера и верность сохранивших свою честь казаков позволили совершиться Божию чуду, о котором говорил Святейший Патриарх – спустя десятилетия вместе с Церковью возродилось и казачество».

Директор РГАСПИ А.К. Сорокин в докладе «Революционные события 1917 года и судьбы русского казачества: актуальный архив» объяснил причины трагедии расказачивания. По его мнению, большевистское правительство не могло выпустить из-под контроля казачьи земли – крупнейшие хлебопроизводящие районы и угледобывающие территории Донбасса. Большую роль сыграла политика поощрения социальных низов, которая привела к возникновению на казачьих территориях органов советской власти. Самой известной стала Донская советская республика во главе с Ф.Г. Подтелковым, провозглашенная в начале 1918 г.

Разгоравшаяся с каждым днем Гражданская война, оперативное подчинение Донской армии П.Н. Краснова Генерального штаба генерал-лейтенанту А.И. Деникину в январе 1919 г. привели большевиков, по мнению ученого, к принятию печально знаменитой директивы от 24 января 1919 г. Директива, Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) и Инструкция от 7 февраля того же года стали правовым основанием Советской власти для массовых репрессий против казачества. А.К. Сорокин отметил, что для казачества и страны в целом, «цена социального выбора, сделанного столетие назад, и достижений советского периода оказалась очень высокой».

Председатель Объединения памяти лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка В.Н. Греков посвятил свой доклад возрождению этого полка в 1918 г. В частности, от отметил, что в короткие сроки была воссоздана почти 100-тысячная Донская армия под командованием генерала от кавалерии П.Н. Краснова. В 1-й Донской конной дивизии состояли 1-й и 2-й полки, сформированные преимущественно из офицеров и казаков старых лейб-гвардии Казачьего и лейб-гвардии Атаманского полков. 4 (17) сентября 1918 г. приказом № 391 по Всевеликому войску Донскому были возвращены исторические наименования и регалии донским полкам, в том числе 1-му полку приказано именоваться лейб-гвардии Казачьим, 2-му – лейб-гвардии Атаманским полками. Командовать первым полком назначен полковник В.А. Дьяков.

Молодой лейб-гвардии Казачий полк унаследовал боевой дух, полковые традиции, права на музейные коллекции, имущество полка и полковой церкви. Полк героически сражался против большевиков в годы Гражданской войны, безвозвратные потери только убитыми и ранеными составили более 50 %.

Немалый интерес вызвал доклад директора Института российской истории РАН д.и.н., профессора Ю.А. Петрова «Великая российская революция 1917 года: основные итоги и перспективы изучения». По мнению ученого, жаркие дискуссии, отрицание или поддержка революционных событий Октября 1917 г. указывают на необходимость дальнейшего объективного научного изучения темы. Если 1789–1914 гг., считают историки, – эпоха Великой Французской революции, то почти весь XX в. (1917–1991 гг.) протекал под влиянием Великой Октябрьской революции.

С большим докладом о создании Центрального музея истории казачества выступил к.и.н., директор Государственного исторического музея (Москва) А.К. Левыкин. Как считает ученый, условия для открытия такого музея сложились, разработан проект концепции, определены музейные площади – это родовая вотчина царской династии Романовых на Измайловском острове – усадьба Измайлово, основу экспозиции составят фонды ГИМа, а также привлеченные коллекции из региональных музеев.

Предполагается, что музей примет первых посетителей в мае 2020 г. и по мере развития станет крупнейшим общественно-политическим и научно-методическим центром по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества, возрождения его традиций, культуры и быта, патриотического воспитания молодежи, укрепления связей с казачьими диаспорами за рубежом.

Атаман «Всеказачьего Союза Чешских земель и Словакии» М.А. Дзюба поставил в своем докладе важную проблему – настоящее положение перезахоронений руководителей и идеологов Белого движения и Русской эмиграции в современной России, сохранение их мемориальных мест. На примере перезахоронения выдающегося кубанского казака, академика Ф.А. Щербины атаман отметил, что часто после торжественных мероприятий захоронения забываются, но они нуждаются в постоянном уходе.

С нескрываемым интересом участники конференции слушали доклад полковника, специалиста Исторической службы Министерства обороны Франции Фредерика Гельтона «Русский легион чести. Французский фронт. 1917–1918 годы». Впервые научной общественности были широко представлены подлинные материалы об участии Русского экспедиционного корпуса в боевых действиях во Франции, численности безвозвратных и санитарных потерь, документы оперативного и стратегического управления –

рапорты, донесения, приказы, наградные листы, свидетельства о репатриации русских солдат и офицеров на Родину, частная переписка, другие исторические источники.

В ходе научно-практической конференции состоялись выступления д.и.н., профессора Южного федерального университета А.И. Агафонова; к.и.н., доцента И.А. Ревина, директора Института дополнительного образования Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И. Платова; д.и.н., профессора А.В. Венкова, зав. лабораторией казачества Южного научного центра РАН.

Профессор А.И. Агафонов рассказал о мероприятиях Всевеликого войска Донского по подготовке и проведении VI Всемирного конгресса казаков в 2020 г. в Новочеркасске, о предложениях Южного федерального университета, Исторического Совета ВВД и епархии Донской и Новочеркасской об идеологии и концепции Международного Общественно-политического движения «Георгиевская награда – народная память» в связи с 250-летием учреждения императорского военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия. Это движение, по мнению ученого, объединит разные исторические эпохи и поколения россиян независимо от их национальной, социальной и конфессиональной принадлежности, дополнит Международные движения «Георгиевская лента» и «Бессмертный полк».

Острота классовой вражды на Дону в 1917 г. и в Гражданской войне определялась во многом не только сословными и имущественными отношениями, идеологическими противоречиями, но и демографическими проблемами, сформировавшимися к началу XX в. Так, на взгляд И.А. Ревина, соотношение численности, плотности расселения между коренными и иногородними крестьянами в округах и станицах, с одной стороны, казаками – с другой, определяли время, характер и направления, содержание и ожесточенность социальной борьбы, политические предпочтения и позиции противоборствовавших сторон.

Микроистория – история одной семьи и макроистория – демографические последствия Гражданской войны на Дону и современное донское казачество стали предметом изучения профессора А.В. Венкова. По данным исследователя, около 20 % казачества поддержало Советскую власть, а 80 % содействовало Белому движению или сохраняло вооруженный нейтралитет. Безвозвратные потери в годы Гражданской войны с обеих сторон не превышали 10 %, они были более значительными в период коллективизации и массовых репрессий 20–40-х гг. XX в., в период Великой Отечественной войны. При этом на Дону сохранились места компактного проживания казаков, которые не стратифицируют себя с современным казачеством, считая, что факт родового происхождения не требует подтверждения.

В заключение пленарного заседания митрополит Кирилл Ставропольский и Невинномысский поблагодарил всех соработников-устроителей III Международной научно-практической конференции за труды по объединению казаков России и зарубежья вокруг Русской православной церкви – посольство Российской Федерации во Франции, ученых, духовенство Корсунской епархии, духовников, окормляющих казачество в России, педагогические коллективы образовательных казачьих организаций, атаманов и казаков из разных стран. Его высокопреосвященство выразил пожелание о проведении в дальнейшем Международных конференций в Париже, которые сегодня признаны научным сообществом и являются важным фактором культурного сотрудничества России и Франции.

А.И. Агафонов,
доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-131-135

II Международная научная конференция «Этнос и культура в эпоху глобализации» (Республика Абхазия, Сухум, 29–30 июня 2018 г.)

II International Scientific Conference "Ethnos and Culture in the Age of Globalization" (The Republic of Abkhazia, Sukhum, June 29-30, 2018)

Официальными организаторами конференции выступили Институт фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета (КубГТУ) и кафедра философии и культурологии Абхазского государственного университета (АГУ). Конференция была посвящена 25-летию со дня победы народа Абхазии в войне 1992–1993 гг., 10-летию со дня признания Республики Абхазия Российской Федерацией и 100-летию образования Кубанского государственного технологического университета.

Открыла конференцию проректор по научной работе АГУ профессор Д.Я. Адлейба. Она отметила плодотворность многолетних научных связей абхазского университета с ведущими вузами России и огромное значение проводимой конференции для научного сообщества обеих стран.

Подробнее о международном сотрудничестве кафедры философии и культурологии АГУ рассказал её заведующий, профессор И.Д. Тарба. В самые тяжелые времена в новейшей истории Абхазии именно поддержка российских вузов и российских учёных помогла сохранить абхазский университет и абхазскую науку в целом. Благодаря подобным связям удалось значительно повысить уровень профессиональной подготовки абхазских преподавателей, разработать учебные пособия, подготовить и защитить кандидатские и докторские диссертации в ведущих вузах России. Члены редколлегии журналов «Педагогика» и «Вопросы философии» организовали в г. Гагры работу научного семинара «Философия – образование – общество» (2004–2012 гг.), а также круглый стол «Культурная идентичность малого народа в условиях глобализации» (2015 г.). Совместно с российскими коллегами из КубГТУ и КубГУ проводятся научные исследования в области национального самосознания и этнокультурной идентичности. Закономерным результатом подобных связей стала проводимая конференция, в которой приняли участие ученые от Сухума до Санкт-Петербурга и Москвы, от Симферополя до Новосибирска.

Центральной темой конференции стало рассмотрение и обсуждение культурных оснований этноса и этнической идентичности человека в глобальном мире. Пленарное заседание открыли главный редактор журнала «Вопросы философии» Б.И. Пружинин и профессор МПГУ (г. Москва) Т.Г. Щедрина докладом на тему «Национальная философия в контексте "Другой глобализации"». В нем рассматривалась опасность вестерналистского вектора глобализации в области интеллектуальной культуры. Учёные отметили, что феномен национальной философии, с одной стороны, в силу устремлённости этой области культуры к предельным бытийным основаниям мира и человека, его «второй природы», сознания и самосознания обладает универсальным характером, общезначимостью своих смыслов. Однако, с другой стороны, философия неразрывно связана с национальными формами культуры как тем конкретным способом организации и осмысления жизненного мира человека, в котором сопрягаются его «первая» и «вторая» природа.

Прежде всего это язык, в котором заключена предыстолкованность мира. Особенности национального языка определяют горизонты осмысленности и основания философского смыслотворчества. Другой важной составляющей социокультурной специфики философии является исторический опыт народа, аккумулирующий ключевые для национальной идентичности проблемы и вопросы, требующие философской рефлексии. Ярким примером является спор славянофилов и западников, который в той или иной форме продолжается до сих пор и определяет особенности русской философии. Ещё одним имманентным источником национальной философии является народная мудрость, комплекс этических норм и образцов, в которых заключены нравственные ценности народа, определяющие достоинство человека; а также выраженные в национальных формах искусства представления о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном, что не может не отразиться на особенностях эстетических изысканий философов.

Всё это вместе определяет интеллектуальную традицию народа, которую эксплицирует и интенсифицирует национальная философия. Следовательно, живая традиция философской мысли неразрывно связана с культурно-историческими особенностями конкретного народа, что предполагает соответствующее

проблемное поле, выработку особого терминологического аппарата, методологических принципов и подходов.

При этом национальная специфика философской традиции не противоречит её универсалистским устремлениям, а напротив, находится с ними в диалектической взаимосвязи, поскольку самобытные особенности придают всеобщности силу содержательной конкретности. К примеру, обращение М. Хайдеггера к глубинам немецкого языка или рассмотрение М. Бахтиным поэтики Ф.М. Достоевского сделали их знаковыми фигурами мировой философии, обогатившими её новыми методологическими подходами и концептуальными терминами, вскрывающими универсальную сущность человека и культуры. Разрушение этой связи гибельно для плодотворной философской мысли. Подчёркивание самоценности национальных особенностей оборачивается изоляционализмом, ведущим к провинциализации, застою и деградации философской мысли. Равно как и отказ от собственной традиции грозит потерей самобытной специфики, растворением в формализме инокультурных подходов и терминов, что обрекает философствование на подражание и придаёт ему вторичный характер. Именно самобытный характер философии, устремлённый к горизонтам всеобщности, определяет «другую глобализацию», в которой универсализм мысли не связан с доминированием вестерналистской социокультурной матрицы.

Тему «другой глобализации» продолжил профессор ЮФУ Г. В. Драч (г. Ростов-на-Дону). В докладе «Этнос в пространстве культурного взаимодействия: современные коллизии» учёный остановился на проблеме культурных взаимодействий, раскрывающих, по его мнению, суть современных глобализационных процессов, позволяющих выявить их глубинные культурные корни. В этом случае на первое место в культурно-историческом процессе выступает этнос и как носитель культуры, и как аттрактор возможных бифуркаций. Сегодняшнее положение дел демонстрирует картину этнического и национального многообразия целого ряда стран (Япония, Южная Корея, Китай, Индия, Индонезия, Вьетнам), осуществляющих возможность трансплантации науки и техноёмкого производства в инокультурную среду.

Докладчик ссылался на результаты анализа, проведённого Д. К. Гэлбрейтом-младшим, автором нашумевшей книги «Государство хищника и отравленная чаша». Суть вопроса в том, что консерваторы покинули свободный рынок и либералы тоже должны это сделать. Техноструктура работает на себя. Все, чего они хотят, — выживание организации, чтобы иметь возможность ходить на работу, продолжать действовать. Планирование технической структуры корпорации означает не только установление цены на продукцию. Фирмы могут в значительной степени контролировать спрос на продукцию, которую они производят и продают. Поэтому все корпоративные структуры должны быть организованы так, чтобы служить интересам корпорации. Таким образом, экологические, эстетические и культурные проблемы в такой системе будут игнорироваться. В мире появились страны (Запада и Востока), разработавшие собственные системы планирования, которые вышли на международный рынок, влиятельные индустриальные гиганты. В результате мир деградирует. Можно иметь продукты, какие хочешь, но как жить в мире, где воздухом невозможно дышать, вода непригодна для питья, парки загрязнены, а улицы не убираются?

Для проигрывания ситуации докладчик предложил античную модель культурных взаимодействий, опираясь на исследования зарубежных авторов (Walter Burkert, Martin West, Martin Bernal), которые фокусировались на вопросах влияния и культурного взаимодействия между Грецией, с одной стороны, и Египтом и Ближним Востоком – с другой. Они стремились учитывать обе стороны межкультурного обмена: признание источника влияния, а также исследование способов межкультурного контакта в рассматриваемом процессе культурной трансформации. В этом случае, делает вывод докладчик, не игнорируется понимание источника влияния, но признаётся тот факт, что межкультурный контакт оказывает разнонаправленное влияние на сложные процессы, которые двигаются в разных направлениях. В этом отношении критики периода постколониализма разработали более детальные модели культурного обмена и взаимодействия, что очень полезно и для нашего времени, которое характеризуют двойственность и динамизм культурного смешения. Докладчик подчеркнул, что перенос культуры, трансформация культур это динамичный процесс, идущий непредсказуемым образом, но всегда через пересечение этноаттрактора. В этом случае у человечества появляется шанс культурного взаимопонимания и взаимодействия.

Ещё один аспект «другой глобализации» рассмотрел профессор АГУ Г.А. Амкуаб (г. Сухум). В докладе «Этнокультура и СМИ в контексте глобализационных процессов» учёный проанализировал особенности средств массовой информации в различных областях современного мира. Он показал, что формирование информационных потоков масс-медиа, ориентированных на массового человека глобального общества потребления, связано прежде всего с конструированием определённых мифологем, направленных на манипулирование массовым сознанием. Однако в условиях малого этноса СМИ ориентируются на решение конкретных проблем, которые непосредственно затрагивают общественные интересы, понятны каждому и поэтому вызывают участное отношение и живой отклик у аудитории. Тем самым у журналистов и редакторов повышается гражданская ответственность, благодаря которой СМИ способны выполнять консолидирующую функцию, активно решать проблемы, с которыми сталкивается общество.

Другой ракурс рассмотрения особенностей этнической культуры в эпоху глобализации был связан с анализом мультикультурной парадигмы общественного мироустройства. Профессор ГУМРФ им. адмирала С.О. Макарова (г. Санкт-Петербург) Л.К. Круглова в докладе «Проблема общекультурного пространства: бинарные и полиарные модели этнических культур и патриотизм как альтернатива мультикультурализму» показала не только проблемные области политики мультикультурализма, где поощрение культурного разнообразия зачастую приводит к фрагментированию общекультурного пространства, межэтнической и межконфессиональной напряженности и конфликтам, но и предложила концептуальную альтернативу данной парадигмы с помощью теоретического конструкта «бинарные и полиарные модели культуры».

В данном конструкте автор реализовала подход к культуре «от личности», при котором укоренённость человека в этнических формах культуры соединяется с необходимостью выхода на просторы общечеловеческой культуры, не являющейся лишь простой суммой социокультурных различий, но предполагающей их культурное единство. Принцип бинарного и полиарного формирования общекультурного пространства основан не на противопоставлении различий и особенностей каждой из них, а наоборот, на включении в культуру одного народа форм, выражающих специфику традиций других народов. Причём такое включение не направлено на гибридизацию взаимодействующих культур или ассимиляцию какой-либо из них. Полифония бинарных и полиарных связей предполагает расширение культурного горизонта при сохранении собственной этнокультурной идентичности, что является залогом жизнеспособности национальной культуры в глобальном мире.

Данную тему продолжил доцент КубГТУ И.А. Аполлонов (г. Краснодар). В докладе «Мультикультурализм contra полиэтничность в современном социокультурном пространстве» он предложил концептуальное различение терминов «полиэтничность» и «мультикультурализм». Докладчик подчеркнул, что полиэтничность – это изначально описательный термин, указывающий на исторически сложившиеся формы сосуществования различных народов, составляющих структурное единство на региональном или политическом уровне. Подобный акцент на традиционности, привычности, понятности, органичности такой целостности выражает однокоренное полису слово «поли-», указывающее на знакомую множественность элементов определённой целостности. Другой принципиальной особенностью данного термина является слово «этничность», указывающая на реальную группу этнофоров. Тем самым в термине «полиэтничность» представлена органическая целостность сосуществования различных народов, где ценностями является патриотизм, подчёркивающий значимость единства многонациональной общности, и гуманизм, при котором этнокультурная специфика не заслоняет значимость человека как такового.

Мультикультурализм, напротив, изначально является идеологически нагруженным и политически ориентированным термином, в котором подчёркивается самоценность культурных различий. На это указывает часть слова «мульти-», выражающая неопределённое количество рядоположенных элементов. При этом культура рассматривается в конструктивистской парадигме, умаляющая бытие народов до виртуальных по своей сути и политически ангажированных по своей направленности нарративных построений. Тем самым мультикультурное разнообразие являет собой форму глобального космополитизма общества всеобщего потребления, ориентированного на ценности консюмеризма и групповую сплочённость в борьбе за экономические и социально-политические преференции в этом обществе.

Большой интерес вызвали доклады абхазских ученых, в которых анализировались различные аспекты трансформации идентичности малого этноса в глобальном мире: проф. Абхазской академии наук М.Б. Квициния «Судьба малых народов в условиях глобализации»; проф. АГУ Р. Н. Кация «Православие и развитие духовности в Абхазии на современном этапе»; проф. АГУ Э.А. Гамисония «К вопросу политической культуры абхазов в эпоху глобализации».

На конференции затрагивалось и личностное измерение социокультурных трансформаций современного глобального мира. В своём докладе «Креативный поворот в сфере труда в культурном пространстве современности» профессор ВШЭ (г. Москва) Т.Ю. Сидорина представила результаты проведённого исследования изменений в области трудовых практик и отношения к труду в условиях глобального постиндустриального общества. Поскольку на смену индустриальной эпохе, при которой труд направлен на создание реальных продуктов и материальных ценностей, в развитых странах приходит постиндустриальная цивилизация, ориентированная на информационные виртуальные продукты.

Подобный переход ведёт к тектоническому сдвигу в жизненном мире человека труда. Профессии информационной эпохи ломают привычные стереотипы профессионала как человека, углубившегося в определённую специальность, стремящегося достигнуть в ней высокого уровня мастерства, гарантирующего стабильную работу и карьеру. В сложившихся условиях, напротив, выигрывают те, кто готов к решительным переменам в сфере трудовой деятельности, может применить свои умения и способности к освоению новых профессий, востребованных в динамично меняющемся мире.

Такие изменения ведут к росту социальной неопределённости и нестабильности, поскольку человек живет не в контексте длительных жизненных перспектив, а строит свою жизнь с помощью череды краткосрочных проектов. Поэтому массы людей, не способных вписаться в новые условия, оказываются невостребованными. Тех же, кто успешно адаптировался к новым условиям, можно условно разделить на «амфибий», которые владеют набором навыков, позволяющих встраиваться в изменяющуюся ситуацию, с лёгкостью менять работу и даже сферу занятости. Другой тип работников составляет так называемый «креативный класс», работа которых заключается в создании принципиально нового, инновационного продукта, как правило, в цифровой экономике и медиа-сфере. Подобные трансформации в трудовой деятельности перестраивают образ жизни и её стилистику. Особое значение приобретает умение насытить свой досуг, сделать его ярким, содержательным и поучительным, направленным на свежие впечатления, овладение новыми знаниями и навыками.

Данную тему продолжила профессор КубГУ Е.В. Морозова (г. Краснодар). В докладе «Фронтирный тип личности в цифровую эпоху» она примерила матрицу пионеров, осваивающих новые земли, к виртуальному пространству, которое определяет современное информационное общество. Границы подобного пространства кумулятивно расширяются посредством людей, умеющих придумать что-то принципиально новое и тем самым создать ещё одну область цифрового мира со своими особыми возможностями, которую затем осваивают и обживают идущие вслед за ними «первопоселенцы» цифрового мира, формируя и адаптируя для потребителей его новый кластер. Соответственно пионеры цифровой эпохи сочетают в себе характерные для фронтирной личности склонность к риску, толерантность к неопределённости с высокой степенью креативности и творческими способностями.

Затронутая тема вызвала дискуссию о ценностных ориентирах личности постиндустриальной эпохи и её социальных связях. Насколько жизненный стиль «амфибий» и цифрового фронтира сочетается с патриотизмом и семейными ценностями, предполагающими целостность жизненного пути и метажизненной перспективы, а не переход от проекта к проекту. Другой дискуссионной темой стало обсуждение идеи гарантированного дохода, который, по мнению выступающих, для большинства может обернуться иждивенческой психологией, снижением социальной ответственности и личностной деградацией.

На конференции были представлены результаты эмпирических исследований проблем и вызовов, с которыми сталкивается этническая культура в условиях глобального мира.

Р.А. Ханаху и З.Х. Гучетль (АРИГИ, г. Майкоп) в докладе «Этнические языки в условия глобализации» проанализировали языковой аспект этнокультурных трансформаций. Учёные показали, что, с одной стороны, у представителей «малых народов» возрастает интерес к родному языку, поскольку он является ядром этнокультурной идентичности. Но, с другой стороны, значимость национального языка как инструмента адаптации и самореализации человека в глобальном мире падает. Поэтому для сохранения языков «малых народов» и как следствие самих этих народов требуется продуманная и комплексная программа государственной поддержки.

Доценты Адыгейского госуниверситета (г. Майкоп) Н.В. Ковалёва и А.В. Леонтьева в докладе «Патриотизм в современном поликультурном пространстве: особенности проявления и формирования» исследовали психологические ресурсы формирования и проявления патриотизма в поликультурном регионе. Докладчики подчеркнули, что при расширении средств и способов патриотического воспитания, ключевыми факторами формирования патриотических чувств современной молодежи является наличие наряду с примерами поступков известных героев образцов достойного поведения авторитетных людей в его личном пространстве, а также личная вовлечённость в интерактивные мероприятия патриотической направленности.

Трансформацию системы нравственных ценностей студентов проанализировала доцент КубГТУ Е.В. Крутых (г. Краснодар) в докладе «Морально-этическая ответственность молодежи в эпоху глобализации». На примере исследования студентов с разным уровнем морально-этической ответственности она пришла к выводу, что уровень проявления морально-этических ценностей молодёжи как в эмоциональной сфере, так и в проявлении личностной ответственности зависит от степени рефлексии нравственных ситуаций и конфликтов, с которыми сталкивается человек, однако уровень подобной рефлексии у современной молодёжи снижается.

Активную дискуссию вызвал доклад профессора КубГТУ О.Р. Тучиной (г. Краснодар) о проблеме психолого-педагогической безопасности образовательного пространства современного вуза. Результаты эмпирического исследования показали, что преподаватели вузов главными угрозами для студентов считают факторы, обусловленные влиянием интернет-среды, манипулирующей сознанием молодых людей, деформирующим их ценностные ориентиры. Эффективность подобного информационного воздействия, по мнению преподавателей, связано с инфантильностью, социальной незрелостью и «клиповым мышлением» современных студентов.

Дискуссии, вызванные докладами, были продолжены на круглом столе, посвященном проблемам культурных трансформаций в современном образовательном пространстве, изменениям в сфере труда и культурных героев современной молодежи. Бурную дискуссию вызвал вопрос о роли национальных традиций в образовательном пространстве современного вуза.

Представленные на конференции доклады и вызванные ими дискуссии показали, что заявленная тема сочетает в себе острую злободневность, диагностируемую широким кругом эмпирических исследований и фундаментальность, позволяющую по-новому взглянуть на «вечные» философские вопросы.

Г.В. Драч,
доктор философских наук, профессор,
Южный федеральный университет

И.А. Аполлонов,
кандидат философских наук, доцент,
Кубанский государственный технологический университет

И.Д. Тарба,
кандидат философских наук, доцент,
Абхазский государственный университет

DOI 10.23683/0321-3056-2018-3-136-138

III ежегодная конференция «“Герой нашего времени”: лидеры общественного мнения и их культы в эпоху (пост)модерности» (Москва, 1–3 июня 2018 г.)

III Annual Conference “Hero of our Time: Leaders of Public Opinion and Their Cults in the Era of (Post) Modernity” (Moscow, June 1-3, 2018)

Конференция состоялась на базе библиотеки имени Н.А. Некрасова. В ее организации приняли участие журнал «Новое литературное обозрение» (главный редактор И. Прохорова), Европейский университет (Санкт-Петербург) и Южный федеральный университет как партнер проекта. Тема конференции возникла по случаю столетия вступления Гражданской войны в России в свою активную фазу, когда в обществе появилось понятие о герое этой войны. Кроме того, тема конференции определялась вниманием современной гуманитарной научной мысли к культурно-историческому феномену героизма и героической личности и формированием в обществе культа такой личности. Внимание к ней вызывалось также тем, что она была способна менять сложившуюся в культуре иерархию героев и оказывать влияние на общество, его сознание и систему ценностей, подчас самое значительное. Тема конференции имела междисциплинарный характер, поскольку включала в себя проблематику истории и философии. И если историческая наука проводит анализ ситуаций, которые способствовали выдвижению героя, появлению или развенчанию его культа, то философский анализ позволяет понять особенности личности, которую общество признает в качестве героя. Вместе с тем вопросы, относящиеся к теме конференции, рассматриваются с учетом социологического, культурологического и политологического анализов.

В первый день конференции работало четыре секции. Первая секция «Механизмы формирования политических культов» рассматривала вопросы, относящиеся к предпосылкам формирования в сознании общества образов героических личностей своего времени. Доклад А. Резника (Санкт-Петербург) был посвящен формированию культа Л. Троцкого как «вождя Красной Армии». Феномен культа Б.Е. Немцова в пространстве современной уличной акции стал предметом анализа в докладе А. Архиповой, А. Кирзюк, Е. Югай и И. Козловой (Москва). Эволюция образа Я. Арафата от партизана до кумира палестинских арабов прослеживалась в докладе Булати Пи (Индия). Об образе Д. Трампа как кумира националистов Биафры сообщалось в докладе Агого Акпоме (ЮАР).

В докладах второй секции «Ученый как “культовый герой”» рассматривались условия складывания культа ученых. О культе в академической среде выдающегося лингвиста и создателя концепции скифо-сарматско-осетинского лингвистического континуума говорилось в докладе А. Иванеско (Ростов-на-Дону). С. Кондратьев (Тюмень) проследил сложную эволюцию образа знаменитого и разностороннего ученого Б.Ф.Поршнева в профессиональном сознании историков. О месте в сознании сибиряков образа известного ученого Г. Потанина и об оценке ими его вклада в изучение Сибири рассказал в своем докладе Н. Погодаев (Томск).

Третья секция «Видеоблогеры: механика известности» была посвящена образу современного героя на пространстве интернета. К. Габов проанализировал карьеру публичного блогера в русскоязычном интернете. О проявлениях ностальгии по «героическому прошлому» в ютьюбе сообщалось в докладе П. Колозариди (Москва). Об особенностях инициации и иерархии внутри виртуального сообщества, о формировании лидера такого сообщества поделилась своими мыслями Е. Цыганкова (Москва). О детском ютьюбе и работе в нем блогера рассказала Е. Козловская (Санкт-Петербург). Распространение игровых стримеров в сети, их монетизации и денежные пожертвования в прямом эфире – тема доклада И. Ксенофонтовой (Москва).

Тема четвертой секции – «Художник как герой эпохи». А. Тесля (Калининград) рассмотрел механизм формирования позитивного публичного образа И. Аксакова, известный славянофил был назван «великомучеником цензуры», с которой у него были постоянные и публичные столкновения. Проектам «героизации» художника Александра Иванова посвящен доклад Н. Балагурова (Санкт-Петербург). О практиках «возвращения» Сергея Есенина как культурного героя сообщила А. Андреева (Тюмень). Тема культа А.С. Пушкина и пушкинского мифа, выраженных через мистификации, особенности языка этих мистификаций поднята Ж. Калавски (Венгрия). О культе Генриха Сенкевича, его формировании и реактуализации в Польше говорилось в докладе А. Суслова (Москва).

Такое же количество секций работало во второй день конференции. На пятой секции «Властители дум и политика исторической памяти» ставились вопросы о месте героев в процессе ее конструирования и деконструкции. Я. Самоделкин (Новоуральск) остановился на формировании образа Натальи Горбаневской и роли его в движении диссидентов в СССР. В докладе А. Попова (Симферополь) рассматривалась попытка героизации образа Л.И.Брежнева с помощью приписываемых ему мемуаров «Малая земля» и конечного «мемориального фиаско» этой попытки. М. Мадзини (Польша) проанализировал особенности исторической памяти в современном польском обществе и место в ней Леха Валенсы и Леха Качинского. Н.А. Мининковым (Ростов-на-Дону) прослежена «чехарда героев» в исторической памяти советской и современной России, отмечено принципиальное единство политики исторической памяти нашего времени с политикой памяти в период нараставшего системного кризиса российского самодержавия. Е.Чикова (Екатеринбург) использовала для анализа разные образы Наполеона в России начала нынешнего века: научного, народного и коммерческого.

На шестой секции «Супер-герой и массовая культура» анализировались процессы формирования в ней героических образов. Б. Агарвал (Дели, Индия) проследил влияние на культ героев в массовом сознании индийского общества массовой западной культуры и местные адаптации этих влияний. Д. Ядав (Бенарес, Индия) рассматривал вопрос о месте восстания в Чаури-Чаура 1922 г. в формировании образа М. Ганди как иконы в индийском массовом сознании. С. Тойменцев (Румыния) выделил особенности формирования в современной российской кинематографии известных образов советского прошлого, их гуманизацию и подчеркнутую тривиальность в этих произведениях их жизни и судьбы. С. Кругман (Колумбийский университет, США) обратил внимание на образы «солдата-героя» в турецком кино. Д. Виджаякумаран (Бонн, Германия) проследила процессы возникновения в современной немецкой литературе частного предпринимателя как нового героя, с наличием тенденции к его развенчанию посредством антибуржуазной критики.

Тема седьмой секции – «Герой имперского периметра: жизнь и судьба». Внутренний смысл категории «герой нашего времени» и понимание его на примере известных образов в русской классической литературе (Печорина, полковника Скалозуба) проанализирован А. Кореневским (Ростов-на-Дону). Судьба «донского Чаадаева» Е.О. Грузинова, его противостояние не только самодержавию, но и идее государства и признание его сумасшедшим самими казаками изложена А. Урушадзе (Ростов-на-Дону). Сопоставление легендарного образа князя А. Черкасского, известного как Бекович-Черкасский, с фактами из его реальной жизни сделано в докладе А. Андреева (Санкт-Петербург).

Темой восьмой секции был «Женский образ героя». О культе первой сербской поэтессы М. Стоядинович-Српкини поведала С. Томич (Сербия). О. Скубач (Барнаул) проанализировала героический образ советской женщины-полярницы в советской культуре 1920–1930-х гг. Образ «тургеневской девушки» как типичного явления усадебной культуры и его переосмысление в настоящее время прослежен в докладе О. Кафановой (Санкт-Петербург).

В третий день конференции работало еще четыре секции. Девятая секция – «Закат эпохи героев». Б. Виллемс (Нидерланды) остановился на закате гитлеровского мифа, получившего распространение в немецком обществе, в осажденном Красной Армией Кенигсберге. А. Куляпин (Барнаул) обратился к образам советских вождей в фотоискусстве Д. Бальтерманца и подчеркнул наличие в его фотографиях разных смыслов, вовсе не позитивных для них. Причины, по которым Александр Невский не стал культовым героем с начала Первой мировой войны, рассматривала Ю. Минутина-Лобанова (Санкт-Петербург). Географ Виктор из фильма А. Велединского «Географ глобус пропил» как лишний человек своего времени стал объектом исследования М. Христовой (США). По ее мнению, такой человек противостоит индивидуализму современного общества. О месте героических начал личности и культуры в «век демократии» говорилось в докладе Т. Венедиктовой (Москва).

На заседании десятой секции обсуждались механизмы формирования публичного образа героя. В докладе Н.Граматчиковой (Екатеринбург) на примере двух личностей первой половины XX в. рассматривается феномен «социального камуфляжа» той эпохи. Проблема мемуаризации нерусских героев Великой Отечественной войны в послевоенный период анализируется на примере отношения к песне башкирского поэта Кадыра Даяна о погибшем на фронте генерале Шаймуратове. Комедийный актер индийского кино 80-х гг. Говинда представлен как культовый герой своего времени в докладе А. Раджпута (Мумбай, Индия). Доклад О. Джумайло (Ростов-на-Дону) – об образе «гениального ученого» как героя в художественном дискурсе конца прошлого века.

На одиннадцатой секции «“Рядовые герои” своего времени» М. Пономарева (Ростов-на-Дону) исследовала проблему персонификации общественных практик в СССР 60-х гг. с попытками выдвинуть общественно признанного «положительного героя» своего времени и с анализом отношения к таким героям в обществе. Е. Каменская (Екатеринбург) обратилась к анализу образа советского военного героя 60-х гг. на примере отношения к погибшему на острове Даманском офицеру-пограничнику И. Стрельникову.

И. Басалаева (Новокузнецк) проанализировала попытку сформировать общественно привлекательный образ героя в современный период «нового патриотизма» в российском фильме «Территория».

Двенадцатая секция была посвящена механизмам формирования публичного образа героя. Характеристика личности принца Конде как героя, полководца и политика в сочинениях раннего Нового времени и в исторической памяти современников и ближайших потомков сделана В. Максаковым (Москва). Посмертные панегирики «строителям» Британской империи рассмотрены как способ конструирования героических образов Нового времени в докладе С. Сидоровой (Москва). Е. Югай и А. Кирзюк (Москва) изучали общественное отношение в современной России к фильму А. Учителя «Матильда» как к выражению массовых представлений о возможном и допустимом между правителем и «народом».

Проект, начатый год назад в ЮФУ конференцией «Sic Transit» при участии журнала «Новое литературное обозрение», был успешно продолжен в нынешнем году. Он стимулировал междисциплинарные исследования по проблематике исторической памяти, которая становится все более актуальной. К проекту подключаются новые отечественные и зарубежные исследователи. Представляется в этой связи необходимым сохранить ЮФУ как площадку для проведения подобных научных форумов, не допустить свертывания своего участия в нем под разного рода надуманными и далекими от науки предлогами.

Н.А. Мининков,
доктор исторических наук, профессор,
Южный федеральный университет

Цена свободная

Индекс 70414

Научно-образовательный и прикладной журнал

«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки и археология.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется электронный вариант статьи. В начале статьи указать индекс УДК.
2. Текст должен быть набран в редакторе MicroSoft Office 98 Word 2000, 2003, 2007 через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы. Для записи формул применять только редактор формул Equation 3.0.
3. Сопроводительное или рекомендательное письмо, если статья представляется от организации.
4. Полное название организации и ее адрес **на русском и английском языках**.
5. Сведения об авторах с указанием адреса, по которому будет вестись переписка **на русском и английском языках**.
6. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках**.
7. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов; четко указать предмет, цели, задачи и выводы исследования).
8. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов)**.
9. Транслитерированный список литературы.

Журнал распространяется по подписке − через ОАО «Роспечать» в подписной период. Подписной индекс − 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ЮФУ.
Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».
Тел.: (863) 218-40-00 доб. 11-093; (863) 218-40-00 доб. 11-094.
E-mail: **izvestiya@sfedu.ru**.
Адрес в Интернете: **www.izvestiya.sfedu.ru**.

ISSN 0321-3056. DOI 10.23683/0321-3056-2018-3.
Известия высших учебных заведений.
Северо-Кавказский регион. Общественные науки.
2018. № 3